

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

1. 2019

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Для заметок адресата

Принем <u>712</u> го <u>18</u> час <u>25</u> мин	ПЕРЕДАЧА: го ____ час ____ мин	Адрес _____
Бланк № <u>36/0025</u>	№ связи _____	_____
Принимт <u>А</u>	Передат: _____	_____

МОСКВА 344073 80 07/12 1812=

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ НАЛЬЧИК ПР ЛЕНИНА 5 РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРНАЯ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ=

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ ХАСАНА МИСЕДОВИЧА ТХАЗЕПЛОВА
ПРИМИТЕ МОИ ГЛУБОКИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ВАМ, КОЛЛЕГАМ ЖУРНАЛИСТАМ, ВСЕМ
ГРАЖДАНАМ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ, РОДНЫМ И БЛИЗКИМ ХАСАНА МИСЕДОВИЧА В
СВЯЗИ С ТЯЖЕЛОЙ УТРАТОЙ – КОНЧИНОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА,
ПРЕКРАСНОГО ПОЭТА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ КУЛЬТУРЫ НАШЕЙ РОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ ВСКЛ
ДОБРУЮ ПАМЯТЬ О ХАСАНЕ МИСЕДОВИЧЕ МЫ СОХРАНИМ В НАШИХ ДУШАХ И
СЕРДЦАХ НАВСЕГДА ВСКЛ=А.Б. КАНОКОВ ЧЛЕН СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ,
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ 07-10.32/АК ОТ 07.12.2016=

НННН 1825 07.12.025

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Готов
Виктор Котляров
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсов

1. 2019 ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

*Мадина ХАКУАШЕВА,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
сектора кабардино-черкесской литературы
Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН*

ПУТЬ КАРАВАНЩИКА

Хасан Миседович Тхазеплов

Его земной путь завершился – в декабре 2018 года литература Кабардино-Балкарии понесла тяжелую утрату: на 76-м году ушел из жизни талантливый поэт, член Союза писателей России, член приемной комиссии СП РФ, главный редактор журнала «Литературная Кабардино-Балкария», видный общественный деятель, человек с широкой душой и добрым сердцем Хасан Миседович Тхазеплов.

Поэтическое творчество Хасана Миседовича началось во время службы в армии. Стихи автор начал писать одинаково хорошо как на родном кабардинском, так и на русском языках.

Хасан Миседович родился 5.05.1943 года в селении Старый Черек Урванского района КБР. После окончания местной средней школы несколько лет проработал в колхозе водителем. В 1962 г. поступил на отделение механизации сельского хозяйства. В этом же году ушел служить в Советскую Армию. После службы в 1965 году восстановился в университете. Тхазеплов поступил в Литературный институт им. Горького, в связи с чем перевелся с очного на заочное отделение в КБГУ. В 1970 г. получил диплом инженера, а в 1974 г. завершил учебу в Литературном институте. С 1975-го по 1976 г. работал инструктором при Урванском райкоме КПСС. В 1976 году по предложению Адама Шогенцукова и Хачима Теунова возглавил бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей КБР.

С ноября 1994-го по 1998 год Тхазеплов – председатель Союза кабардинских писателей. С 1995 по 1998-й – сопредседатель Союза писателей республики. В период своей деятельности способствовал объединению балкарской и русской секций. С 2000 года являлся главным редактором журнала «Литературная Кабардино-Балкария».

Молодой автор начал публиковаться с 1966 года в журналах «Дон», «Дальний Восток», еженедельнике «Литературная Россия», местной периодике. Поэзия Тхазеплова разнопланова, многозначна. Поэтический мир его зиждется на прочных основах: дом, семья, мать, отец, земля, небо. Это – образная система взаимоотношений человека с самим собой, с людьми, с историей, с космосом. Уже в первом сборнике стихов «Ещанэ сменэ» (Третья смена, 1971) чувствуется сильное лирическое начало, которое усиливается и крепнет в последующих сборниках «Цыхубз хужь» (Белая женщина, 1976), «Псынэ» (Истоки, 1980). Родная земля и дом, высшее человеческое призвание, любовь и верность, красота земного бытия – вот то, что поэт считает животворными истоками жизни. Х. Тхазеплов стремительно превратился в самобытного оригинального мастера слова. Поэтической зрелостью отмечены стихи в сборниках, изданных в Москве: «Лунный дождь» (1983), «Звенящий колос» (1987), «Жизнь земная» (1989).

В творчестве Х. Тхазеплова достаточно рано и ярко проявляются гражданские мотивы. В поэме «Бэракъзехъэхэм я макъ» (Голоса знаменосцев) он адресует поэтические послания разным странам, их политическим и духовным лидерам. Авторская художественная мысль питается от народных корней, движется в орбите общемировых проблем. Поэт воспринимает землю как общий дом, за который он несет ответственность. Автор способен взглянуть на земные проблемы со стороны «посланца к звездам», (например, поэма «Жизнь земная», построенная в оригинальной композиционной манере). Конкретный сюжет лишь намечается: во время войны мать пытается спасти своих сыновей-близнецов, но живым остается только один. Матери же удается выжить благодаря раненому дереву, из корней которого она пила сок.

Образы матери, дерева, земли оказываются взаимосвязаны (мать спасла детей, яблоня – людей, земля – жизнь) представляются единым архетипом.

В поэтических строках Тхазеплова мир воспринимается глазами детей-калек, сына, матери-японки, пострадавшей от ядерного взрыва, индейца, негра, хлебопашца, политических лидеров бывших социалистических стран и других известных общественных деятелей. Автор идентифицирует себя с каждым из них.

Х. Тхазеплов пытается синтезировать единый, универсальный взгляд на самые трагические события XX века: Вторая мировая война, Хиросима и Нагасаки.

У поэта своеобразная шкала ценностей, все происходящее он соотносит с вертикалью, соединяющей небо и землю. Измерение не плоскостное, а космическое. При этом уходит все наносное, поэтому в поэтическом макро- и микромире все ясно, конкретно, масштабно.

Тема Бога, обозначившаяся на начальных этапах творчества, со временем усиливается и постепенно выходит на первый план. Неслучайно

сборник стихов и поэм, выпущенный к 50-летию автора, называется «Между Богом и мной» (1993). Тема божественного – редкая в адыгской поэзии. Жизнь земная у поэта расширяется до масштабов Вселенной и только так имеет смысл. Бог в поэтике Тхазеплова многозначен, прежде всего это – концентрация духовности, высший нравственный закон. Он – единственный, который может и должен управлять миром людей, ибо душа человеческая, по мысли автора, приходит из высших сфер. Лирический герой Тхазеплова прекрасно чувствует духовную жизнь женщины, поэтому так глубоки и прозрачны его чувства: «Тополь», «Весенние берега», «Девичий плач», «Попытка ромansa» и др. В сборник «Между Богом и мной» включены три поэмы. «Русоволосая» посвящена драматической судьбе русской девушки и ее воспитанника, сына гор. Другая поэма, «Истоки сердца», построена на диалоге двух женщин – пожилой и молодой, свекрови и снохи. Такой поэтический прием позволяет воспринимать женский мир как бы через двойной окуляр. «Рассветная звезда» – тоже поэма-диалог: ночной разговор расставшихся супругов, которые снова нашли друг друга.

Небольшой сборник «Мелодии любви» (1996) – лирические прозаические миниатюры, которые скорее можно назвать стихами в прозе.

В последний сборник «Вагъуэ чырэ» (Звездный караван, 1997) вошли стихи и поэмы разных лет.

Двухтысячные годы ознаменовались тяготением автора к восточной поэтической форме. Доминирующим жанром становится четверостишие – стилизация под форму рубаи, которая наиболее полно передает семантику авторского стиха, отражая характерное философское, медитативное начало. Такая заданность индивидуального творческого направления повлияла на возникновение восточного литературного псевдонима *Хасани*, (который одновременно явился производным от имени поэта). Тхазеплов задается дуальными философскими вопросами: о вечности и бренности жизни, о ее величии и ничтожестве, нетленной красоте и убожестве, высоком смысле и абсурдности существования. Через индивидуальное творчество кабардинского поэта воплощается форма восточной поэтической модели художественного сознания, отчасти присущая кабардинской литературе в целом.

В 2003–2004 годах выходит «Избранное» в двух томах, в 2006 году – сборник стихов (рубаи) более шестисот четверостиший, которые являются стилизацией, напоминающей распространенные поэтические формы Древнего Востока. Такие же произведения нашли отражение в сборниках «Зерна для сада» (2007), «Алмазная башня» (2009). В 2013 году выходит книга «Эпоха света», в которую включены стихотворения, поэмы, статьи о творчестве Хасана Тхазеплова, сборник стихотворений (рубаи) «Караванчик». Поэтической прозой можно назвать лирические миниатюры в сборнике «Волшебное сердце» (2013), которые передают

особое состояние влюбленности в женщину, жизнь. Торжество любви и благоговения перед жизнью не представляется как конечный статичный результат некоего внутреннего процесса, а в динамике борьбы противоположных стихий. В 2015 году выходит новый сборник стихотворений, стилизованных в духе рубаи «Путь караванщика» и сборник лирических прозаических миниатюр «Птицы рая».

На стихи поэта написано много песен, которые стали популярными далеко за пределами республики.

Х. М. Тхазеплов – член Союза писателей России с декабря 1979 года, долгие годы – главный ученый секретарь АМАН. Многие академические мероприятия были успешно организованы и проведены благодаря его личному вкладу и организаторскому таланту.

Свой первый сборник «Третья смена» он издал в 1971 году. Книга сразу получила признание, и молодой автор стал членом Союза писателей СССР.

В 1999 г. Х. М. Тхазеплов был удостоен звания «Заслуженный деятель культуры Российской Федерации». В 2009 году он стал лауреатом премии Международного фонда им. М. Ю. Лермонтова.

С 2000 года занимал должность главного редактора журнала «Литературная Кабардино-Балкария». Под его мудрым руководством вырос авторитет журнала, структура и содержание этого печатного органа претерпели существенные изменения. Издание стало не только литературно-художественным, но и общественно-политическим. Сегодня в журнале публикуются материалы самых разнообразных жанров и тематики. На его страницах находят отражение все приоритетные направления жизни Кабардино-Балкарской Республики.

Хасан Миседович – лауреат Большой литературной премии России 2018 года за книгу стихов «Путь караванщика», автор более 30 книг. Он – автор лирических стихов и новелл, в то же время был талантливым инженером-изобретателем. Инженер Хасан Тхазеплов обладает девятью запатентованными изобретениями. Его объекты технических изобретений отличаются простотой, остроумным подходом к решению проблемы и функциональностью.

Кроме большого поэтического дара, инженерного таланта Хасана Миседовича отличала редкая душевная щедрость ко всем окружающим, особое трепетное отношение к молодым авторам: он поддерживал их, внушал уверенность, помогал с первыми публикациями, добивался выпуска книг.

Поэт живет в своем творчестве, книгах, в сердцах родных, близких, друзей.

* * *

Соч.: Ещанэ сменэ (Третья смена): Стихи. Налшык, 1971; Цыхубз хужь (Белая женщина): Стихи, поэма. Налшык, 1976; Гъуэгу нэхъыщхьэр (Главная дорога): Рассказ // Гуашхэмахуэ. 1978. № 2; Къежъап1эхэр (Начало): Стихи. Налшык, 1979; Псынэ (Истоки): Стихи, поэмы. Налшык, 1980; Уэрэдыщ1э (Новая песня): Стихи, поэмы. Налшык, 1983; Щ1ыгу гъащ1э (Жизнь земная): Стихи, поэма. Налшык, 1983; Лунный дождь. М., 1983; Звенящий колос. Нальчик, 1987; Жизнь земная. Поэма. М., 1989; Лъагъуныгъэ пшыналъэхэр (Мелодии любви). Налшык, 1993; Между Богом и мной: Стихи, поэмы. Нальчик, 1993; Мелодии любви: Стихи. Нальчик, 1997; Вагъуэ чырэ (Звездный караван): Стихи, поэмы. Налшык, 1997; «Зерна для сада»: стихи. Нальчик, 2007; «Алмазная башня»: сборник стихов. Нальчик, 2009; «Караванщик»: сборник стихов. Нальчик, 2013; «Волшебное сердце»: прозаические лирические миниатюры. Нальчик, 2013; «Эпоха света»: стихотворения, поэмы, статья об авторе. Нальчик, 2013; сборник стихов (рубаи) «Путь караванщика». Нальчик, 2015; сборник лирических прозаических миниатюр «Птицы рая». Нальчик, 2015.

Лит.: Дульская Е. О мире и добре. О книге «Лунный дождь» // ЛР. 1984. 14 окт.; Къэжэр Хь. Пшык1убгъум зы кыхэпхым. «Щ1ыгу гъащ1э» тхылъым теухуащ (Из девятнадцати выбрать одного. О книге «Жизнь земная» // Гуашхэмахуэ. 1984. № 2; Бицуев А. Зэманым хуэфашэ (Достойный своего времени) // Гуашхэмахуэ. 1997. № 1; Статьи о творчестве Х. Тхазеплова: в кн. «Эпоха света». Нальчик, 2013. С 353–428; «Наши души понимают языки миров без слов» (к 70-летию кабардинского поэта Хасана Тхазеплова) // КБП. 2013, 26 октября.

Пишу тебе, мой друг бесценный,
В письме я каюсь и молюсь.
На всепланетной людной сцене
С судьбой неведомой борюсь.

Не понимаю: в чем я правый,
А коль неправый – в чем вина?
Я лишь в добре взыскую славы,
Со злом лишь у меня война!

А разве жертвенность наивна?
И благосклонность не мила?
А небо звездное так дивно,
Что мне Вселенная мала!

Не понимаю жизнь в обрывках,
Где ткуются дни узором мет,
Где люди в истинных ошибках
Находят свой inferный свет...

Пишу тебе, мой друг, возвращенный
Жестоким веком, впавшим в грех...
Скажи на милость: ты крещенный?
Ведь на земле свой знак у всех.

Подошел ли Я вплотную
К той критической черте,
Где природу, мне родную,
Загубили Черти Те?..

Те, которые без Бога
И без ангельской трубы
Вьются около порога
Всекосмической судьбы.

Подошел ли Я к границе,
Где порок, имея власть,
Искажая наши лица,
Плоть высасывает всласть?

Где Вы, Люди, Жизнелюбы!
Где ты, Сила всей Земли?!
Жизнью правят блаторубы,
Что нас к бездне подвели.

И шагнуть боюсь к границе,
И назад идти нельзя...
Изощраются в столице,
Приказаньями грозя.

Может, время, брат, такое?
Каждый оскорблен и бит.
Неприятием покоя
В каждом сердце яд горит?!

Может, так, а может – эдак.
Жизнь в любви не терпит Яда!
С высоты Вселенских веток –
Человечество не стадо.

Но, как видим, вероломно
Проникая в суть вещей,
Силой черною, погромно
Сокрушают мир Людей.

Как же Я наказан этим!
Или это лишь испуг?
Если мы без ВЕРЫ едем?
Если будет пропасть вдруг?

1992

Ты прочти книгу эту,
Смысл в раздумьях разреши.
Ходим мы по белу свету
Собирать устав души.

Для души свои законы
На земле и в небесах.
Ты взглядишь в черты иконы:
Разве жизнь не в тех чертах?

Жизнь, кочуя по Вселенной,
До тебя дошла теперь.
Ты – теперь переселенный
В мир людей из тайных сфер.

Ключ от тайн в душе упрятан.
А душа в терзаннях спит,
Будто Бог совсем не рядом.
Чтобы спящих осудить.

Словами Неба говорит Хасан.
Вы в этом убедитесь очень скоро.
Он не гордыней темной обуян,
Возвысив голос над всеобщим хором.

Хасан не тот, кто, небо позабыв,
В суетной толчее переродится,
Не тот, кто, не узрев во мгле обрыв,
Способен в ослеплении разбиться.

В туманной жизни вырос он, как свет,
И излучает Доброслед с рожденья.
Иных Миров принес он Вам совет –
Устава неба жизнеспособенъе.

И этот Дар благословит дела,
Востребованные Земною жизнью.
А то вражда людей с ума свела –
Готовы на Голгофу и на тризну...

А надо Благом осенить все дни
И Дышесвет сольется с Небодержцем!
Не то взовьются адские огни,
И Человек предстанет адовержцем.

И приверженцы Корана,
И адепты христиан
Делят общество на кланы, –
Значит, в жизни есть изьян!

Кто кого переиначит?..
Есть ли смысл в земной борьбе?
И для Бога много ль значит
Форма верности судьбе?!

Будь ты сто раз христианин,
Иль Буддист, иль чти Коран,
Помни: ты пока Землянин
И живешь среди Землян!

Верь Всевышнему и Благо
Не давай хулить устам.
Верь в душе и верь без страха,
Чтоб не стало страшно Там...

Я и жил, и жить старался,
Как листва, дары носил.
В детстве с детством я расстался
И добра у всех просил.

Но не каждый – проблеск Света,
Не везде добро найдешь.
У кого душа согрета...
У кого тепло да ложь.

Жизнь совсем не аксиома,
Где бы можно вычислять –
Упадешь ли ты у дома
Или путь направишь вспять.

Мне и падать приходилось,
Приходилось и вставать.
Все, что было, – в жизнь сложилось, –
Бог не дал, что выбирать.

Я и жил, и жить старался,
И делился с другом всем...
Вызов бросить не боялся –
Жил отчаянным совсем!

В жизни есть во всем примета
Распознать и гнев и дрожь;
У кого душа согрета,
У кого тепло да ложь.

Тимуру

Он как будто жизнь украл у Бога,
И за это Рок ему и мстит...
Все труднее у него дорога,
Но судьбу не может обвинить.

Чем же в прежней жизни был он грешен,
Чтоб и здесь преследовать его?
Если небом человек повержен,
Может, и подняться не дано?

Дерзость мысли и любви безумства
Неужели следует забыть?
Как тогда Всевышнее искусство
В мире сможет что-то изменить?!

Коль чреваты грезы наказаньем,
А мечта – лишь пленница судьбы,
Как нам жить с раздвоенным сознанием,
Как из жизни выйти без борьбы?!

СЕРДЦЕ

Быть может, страдаешь безмерно –
Ведь сердце не просто комок!
В нем чувства скопились чрезмерно, –
Вселенский, земной островок.

Вселенский мой остров щемящий,
Страдающий болью людской!
Ты снова печально летящий,
Тебе не известен покой.

Ты боль познаешь своей болью.
Надежду кому-то несешь,
И некогда жить тебе вольно,
Себя волшебством раздаешь.

В тебе состраданье – как ласка,
Соблазнами путь не ведешь,
Живешь Ты, как Принцип, без маски
И добрые песни прядешь.

К тебе, как к надежному другу,
Любой проторил бы свой путь.
Порою ты склонно к недугу,
И ложь не дает продохнуть.

Быть может, страдаешь безмерно
За все, что неладно вокруг?
Так знай, что и в жизни посменно
Проходят процессы не вдруг.

Вселенский мой остров щемящий,
Страдающий болью людской!
Ты, в хаосе мира завязший,
Навряд ли познаешь покой.

Так проходит жизнь земная:
Был младенец – стал старик.
Круг за кругом пробегая,
В жизнь земную я проник.

Так проходит жизнь земная:
Человек силен умом,
Но об этом забывая,
Сам себя он губит злом.

Так проходит жизнь земная:
В ней живя, поймет любой,
Что спасти себя от края
Можно только добротой.

Так проходит жизнь земная:
Всякий к ней давно привык –
И забыл, что есть иная,
Из которой он возник.

Круг за кругом пробегая,
Человеком став земным,
Жизнь прожить бы, не теряя
Связи с Разумом иным!

И живу я, себя побеждая,
А иначе как смог бы страдать,
И страданием радость рождая,
Сердцем страждущим страждущих знать?

Стаи душ надо мною витают
И пророчат какие-то сны.
И действительность мукою тает,
Оставляя лишь чувство вины.

Колыхнувшись волною далекой,
По пространству поплыла Судьба...
Вдруг услышал я голос с Востока –
В нем надрывно звучала мольба.

Той мольбою меня призывая,
Выкликая из суетных дней,
Души умерших, не исчезая,
Вновь вселялись в живущих людей.

Материал подготовила Жанна Кандорова

*Юрий ТХАГАЗИТОВ,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
сектора кабардино-черкесской литературы
Института гуманитарных исследований
КБНЦ РАН*

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Культурный статус народов РФ и формирование новой культурной политики в контексте информационного подхода – наиактуальнейшая проблема российской общественности. Дело не только в том, что вопросы этничности и этнической культуры фактически выпали из поля зрения государства. Как раз обращение к ним каждый раз происходит благодаря каким-то посылам «сверху», эпизодически. Но феномены культурной идентификации, культурного обустройства в целом, и в нашей республике в частности, не рассматриваются интеллигенцией с необходимой в сложившейся ситуации ответственностью за будущее национальной литературы и культуры.

Позиция интеллигенции предельно проста: стоит сделать финансовые вливания в нужных направлениях, через нужные структуры, подключить грамотный менеджмент, и в дальнейшем всё будет хорошо.

Подобного рода программ и намерений, подразумевавших финансовые вливания, околоуправленческие круги только на моей памяти понапридумывали очень даже немало. Государственное финансирование культуры вряд ли можно отрицать, но, как мне кажется, в нашем случае это – второй вопрос.

События последних двух-трёх десятилетий показали, что нарушение межпоколенного обмена информацией пока не ведёт к исчезновению народов. И если мы коснулись современных методов управления обществом и механизмов оптимизации социальных процессов, давайте признаем: тех ресурсов этичности, внутренней лояльности граждан к властям, которые позволяли бы очерчивать сектора для массивированного воздействия государства, у нас осталось не так много.

В настоящий момент сложилась ситуация, когда нарушены и пришли в полный упадок каналы обмена культурной информацией, и первоочередной задачей видится воссоздание их в тех формах, которые могут быть эффективными в реальных экономических условиях. И, несмотря на то, что в наше время существует целый ряд новационных возможностей информационного обмена, мы должны констатировать, что главным

посредником между различными культурами продолжает оставаться именно национально-художественное мышление, и, как представляется, по двум главным причинам.

Во-первых, как нам представляется, социетальные группы современной России и по сей день представлены в основном интеллигенцией – научной и творческой – по крайней мере, в той части граждан, которая предпочитает, или хотя бы декларирует, своё предпочтение традиционных ценностей. Невзирая на серьезнейшую экспансию суррогатных ответвлений современных наук и творческих практик, данные социальные группы состоят из профессионалов, и их ожидаемо не удовлетворяет интернет-мышление, уровень TV-передач, деятельность других СМИ. Они до сих пор предпочитают академические исследования в области культуры и художественной литературы.

Во-вторых, идентификационные параметры, даже не будучи зафиксированными в научных работах, зачастую вполне отчётливо воплощены в литературных текстах. Никто не может ознакомить мир с национальной душой и ментальностью лучше, чем художник, музыкант и писатель, принадлежащий этой нации. В определенном смысле можно даже говорить о том, что духовность народа в наиболее выпуклом и всеобъемлющем виде может быть выражена только в художественном тексте, ибо помимо демиургической воли автора и его природной одаренности существует и исконная семантика национального языка, его неповторимый дух и рефлексивные ресурсы, мало зависящие даже от личности писателя.

Необходимо понимать, что так называемая «информационная цивилизация» в той форме, в которой она существует – «чужая» цивилизация, и одна из основных задач культурного движения народов Северного Кавказа – корректная адаптация аутентичной этничности к существующей информационной среде; эта адаптация, вне всякого сомнения, не исключает и мер неприятия, изоляции по целому ряду направлений.

Поэтому возрождение традиционных исконных духовных ценностей и их современное развитие в контексте инонациональных культур должно стать объектом целенаправленного воздействия общества, как воля полноценной культурной жизни в условиях глобализации. Гуманитарным наукам, таким образом, необходимо научно обосновать органическую и национально-историческую специфику преемственности прошлого, настоящего и будущего в традиционных культурах.

С этой точки зрения особую окраску принимают рассуждения об этикете как одной из стержневых составляющих этнической культуры. Мы ни в коем случае не против достижений цивилизации, лишь хотим подчеркнуть, как изменилась традиционная мораль и этика народа.

Сегодня жителям республики СМИ, как известно, навязывают этнические стереотипы, к кабардинцам и балкарцам прямого отношения не имеющие. То, что центральные средства массовой информации обруши-

вают на головы современной молодежи, совершенно не соотносится с принципами «адыге-хабзе» и «тау адет». Популяризируемая сегодня стереотипика для подавляющего большинства людей – дело весьма сложное с точки зрения науки и весьма щепетильное с точки зрения обыденного мышления. Тогда необходимо признать модернизацию общества вредным явлением? Действительно, может ли человек, находящийся в гуще модернизационного процесса, обладать национальной аутентичностью?

Мы далеки от того уровня осмысления проблемы, который позволил бы выдавать готовые рецепты для решения тех или иных проблем. Поиск ответа на вопрос под силу обществу в целом. Создается впечатление, что все виды тоталитаризма нас благополучно миновали и, наконец, настала эпоха свободой некомпетентности. На наших глазах разыгрывается один и тот же сценарий. Кто-то, исходя из личных интересов, выдает власти идею общественного или общественно-политического звучания. Она начинает раскручиваться, насыщаться средствами... И в конце концов благополучно угасает, поскольку была изначально нежизнеспособной. Вот это мы и называем свободной некомпетентностью. А если еще прозрачней, то давно сказано: «Кто умеет, тот делает. Кто не умеет делать, тот учит, как надо делать. Кто не умеет учить, тот учит, как надо учить».

Необходимо чётко понимать, какие цели мы преследуем, действуя в том или ином направлении. Вернемся к популяризируемой идее возрождения этикета в «чистой» его интерпретации. Но возможно ли полноценное его функционирование в противоречивом современном мире?

Натиск процессов глобализации вряд ли можно сдержать идеологией нашего прошлого. Если правда, что нравственность – граница между хаосом и миропорядком, то может ли этикет противостоять торжествующему ныне неоязычеству? Может ли традиционный этикет также «переакцентироваться» на самосовершенствование личности, что сегодня столь актуально? Вряд ли. Возьмем, к примеру, принцип уважения к старшим, педалируемый самими старшими. А помним ли мы, что предназначение старших – это, прежде всего, забота о будущем молодых. Справляемся ли мы, старшие, засидевшиеся на давно облюбованных своих должностях, с такой благородной миссией? А ведь младшие уже лучше нас разбираются в сложностях и противоречиях современной жизни, и очень не мешало бы к ним порой прислушиваться. Думаем, здесь необходимо отталкиваться от «ядра» этикета и осмысливать его в историческом, а не застывшем измерении.

В сложившейся ситуации основная задача северокавказской интеллигенции – выдвижение из своей среды духовных лидеров. Но отметим, что классическая формула «индивидуальное творчество – индивидуальный успех – факт культуры» сегодня, можно сказать, устарела. Суррогатная и сублимативная литература в современной России, как уже и во всём мире, является плодом коллективных действий. Автор бестселлера, его агент,

его издатель, Р-Р акции, торгующие организации действуют как единое целое не только в отношении конкретного произведения. Эта активная группа внедрилась в законы рыночных взаимоотношений и выступает как огромный многосоставный организм, стратегической целью которого является пестование читательской массы с вполне понятными запросами.

Можно ли ожидать победы творцов-одиночек в борьбе с практически неограниченной системой, целеустановки которой едины для подавляющего большинства ее составляющих? Опыт «развитых демократий» наводит в этом смысле на печальные мысли и пессимистические прогнозы. К примеру, лучших российских писателей ожидает будущее их западных коллег – узкий круг элитарных читателей, помнящих с десятков нобелевских лауреатов, и полная безвестность у широкой национальной аудитории, предпочитающей сомнительные опусы не в меру плодовитых знаменитостей.

И речь в данный момент идет именно о русских писателях. Сужение читательской аудитории с десятков миллионов человек до полутора-двух – факт, конечно же, очень тревожный. Но не фатальный. А вот тиражи республиканских периферийных издательств, не доходящие и до полутысячи экземпляров, означают гибель национальных литератур. Это, прежде всего – мизерное воздействие на умонастроения своего народа. Затем – падение престижа и статуса звания «писатель», «художник», «музыкант». После этого – закономерное снижение эстетического, художественного качества национальной культуры. Всё это мы уже видим на примере всех без исключения северокавказских литератур.

Повторимся – одной из причин сложившегося положения вещей необходимо считать фактическую изолированность талантливых представителей культуры, исходящих из собственного понимания универсума, с одной стороны, и координированность и синхронность действий писателей, ориентированных на конъюнктуру, – с другой. Последние уже выстроили всеохватную систему производства-продвижения своих «произведений» и перспективного формирования нужного им реципиента, и эта система убивает любую национальную культуру как таковую.

Но, как бы там ни было, общими усилиями нужно выводить новые имена на федеральный уровень популярности, издавать достойные тиражи книг в Москве и других культурных центрах страны, поддерживать тех из них, талант и профессиональная состоятельность которых сомнений не вызывает. Но для этого необходимо понимание роли и функций национальной литературы и культуры в контексте культурно-цивилизационной динамики. Но вместо изучения этой важной научной задачи в контексте новых глобализационных процессов многие культурологи все еще продолжают доказывать очевидное: у нас была глубинная фольклорно-эпическая традиция. Кто спорит! Но аутентичное прочтение самого фольклорного материала в современном художественном тексте мало что

объясняет. Здесь важен именно акцент на личностно-поэтической интерпретации традиции, которая трансформирует эту самую фольклорную схему и рождает в результате новую художественность. Другие же ученые бросили нашу русскоязычную литературу (и не только русскоязычную) в быстрое течение постмодернизма со всеми остатками этичности. Но, как мне кажется, и здесь этническое начало должно еще оставаться единицей оценки и типологического выхода на восприятие эстетических ценностей инонациональных культур. Думаю, что первостепенная задача национальной культурологи – обретение ею концептуального осмысления задач национальной культуры с уточнением объективного направленного процесса, а значит, без случайных имен, и, конечно же, наконец, поиски оснований для создания исторической и теоретической поэтики.

Изучение зарождения, становления и развития базовых ценностей традиционного общества приводит нас к необходимости уточнения их функциональной роли в структурировании объективного современного культурно-цивилизационного процесса (в контексте анализа национального, регионального, российского и мирового процессов).

Понятно, что мы имеем дело с конгломератом многих факторов, многие из которых относятся к так называемым объективным. Понятно, что творчество одаренной личности всегда индивидуально, а художественная культура в целом – феномен, менее всего нуждающийся в упорядочении и алгоритмизации. Но так же очевидна насущная необходимость поддержать настоящий талант, и одним из доступных средств для достижения этого видится целенаправленное созидание механизмов консолидированного поиска и продвижения одаренных авторов, которые не снижали бы их творческую мобильность.

Появление подобного института может быть результатом реализации целой программы, масштабы и объем которой сейчас трудно представить. Но несколько генеральных направлений понятны уже и сегодня, так же, как и ясны отдельные конкретные шаги по данным направлениям. Ясно, что творческие организации, как на федеральном уровне, так и в субъектах, должны вернуться к практике экспертной оценки творчества литераторов, музыкантов, художников при приеме их в свои ряды и распространить её на оценку конкретных произведений. Отсюда – целесообразность учреждения особой структуры при творческих союзах – экспертных комиссий, которые желательно напрямую ассоциировать с высшим руководством республики, ибо всем надо помнить, что «неуправляемая культура оставляет после себя пустыню».

Таким образом, традиционная целостность мировосприятия северокавказских народов, ориентированная в основе своей на типологическое единство и общечеловеческие этико-эстетические ценности, и есть основа сохранения и развития национальных культур и литератур в условиях глобализации.

«ЭЛЬБРУСА ПЕЧАТЬ...»

Балкарскому поэту и журналисту Муталипу Беппаеву – 70!

Он принадлежит к поколению национальных поэтов, вошедших в литературу в 70-е годы минувшего – XX века. Первые публикации молодого поэта вошли в коллективный сборник «Эжиу» (Втора, 1974) и «Тагъы суула» (Истоки, 1976), а следом, в 1978 году, выходит его первая книга «Проснувшиеся скалы», сразу обратившая на себя внимание литературной критики и старших собратьев поэта по перу. В их числе – Кайсын Кулиев, а также – известный карачаево-балкарский литературовед, первый доктор культурологии Фатима Урусбиева, которая посвятила ему краткую новеллу в своей исследовательской работе «Портреты и проблемы».

М. А. Беппаев

С тех памятных времен творчество Муталипа Беппаева всегда оставалось под пристальным вниманием культурной и литературной общестственности.

По своему художественному мироощущению, эстетике поэт выделялся принципиальной обособленностью, что отмечали не только его читатели и почитатели, но и всеми признанные авторитеты, такие, как его наставник по литературному институту, русский советский поэт Лев Ошанин.

«Поколение, к которому принадлежит М. Беппаев, – пишет кандидат филологических наук Жанна Кулиева, – внесло большой вклад в формирование облика балкарской поэзии, продолжая традиции известных балкарских поэтов Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, Керима Отарова, Берта Гуртуева и других. Преодолевая элементы подражания, они нашли свой собственный язык, внесли новизну и свежесть...»

В стихотворении «Мыслитель», посвященном К. Кулиеву, написанном как бы в подтверждение вышесказанного критиком, М. Беппаев пишет: «Ты мыслишь, ты творишь – и, оживая,

Ложатся на лицо листа века,

Придет другой в сей мир, умру я если, –

Достойней есть немало на веку,

*Но, если ты уйдешь, споткнется песня,
Как резвый конь, разбившись на скаку.*

*Слагай и пой, чегемец, свои песни.
Гомер и Пушкин, Лорка и Кязим
Идут с тобой по трудным тропам вместе
Там, где не смог бы ты пройти один».*

Эта краткая цитата подсказывает многое воображению читателя. Суть же ее в том, что поэт М. Беппаев торит свою тропу, ведущую вперед и ввысь к зовущей его высоте. О чем, в идейном преломлении, Муталип воссоздает собственную тамгу в сборнике «Эльбрус – белокрылая птица», да и в последующих своих стихотворных волеизъявлениях. В этом его кредо, его художественный поиск.

Сегодня балкарский российский поэт в расцвете творческих сил и таланта. Его поэзия востребована, как востребовано само поэтическое Слово.

С юбилеем тебя, дорогой Муталип!

Светлана Моттаева

Беппаев Муталип Азнорович – поэт, пишущий на балкарском и русском языках, – родился 21.01.1949 г. в городе Джамбул (ныне Тараз) Джамбульской области Казахстана. В 1957 году его семья вернулась из депортации на Кавказ, где он окончил среднюю школу в селении Янкой.

После окончания Литературного института им. А. М. Горького в 1976 году работал заведующим литературной частью Балкарского госдрамтеатра, заведовал отделом творческой молодёжи при обкоме ВЛКСМ, был редактором в журналах «Нюр», «Минги-Тау», заведующим отделом художественных передач на Кабардино-Балкарском телевидении, заместителем главного редактора балкарской республиканской газеты «Заман» («Время»).

В настоящее время является председателем правления Союза писателей Кабардино-Балкарской Республики, секретарем Союза писателей РФ.

М. Беппаев – автор более десяти сборников стихов на балкарском, русском, татарском языках. Член СП и СЖ России, заслуженный работник культуры КБР, лауреат Международной премии имени Махмуда Кашгарского. Живёт и работает в Нальчике. Он отец троих детей – двух дочерей и сына.

МЕТА ПОИСКА

Балкарская поэзия, которую создавали такие выдающиеся художники, как Кязим Мечиев, в наши дни достигла большого совершенства. Сейчас в ней трудятся замечательные мастера. В прекрасный мир родной поэзии и Муталип Беппаев принес свои образы, краски, обаяние своего голоса, обрадовав нас своеобразием сказанного им слова. А это очень трудно. На такое способен только талант, который всегда ведет к поиску и непокою. Художнику постоянно кажется, что сегодня для него недостаточно сделанного вчера, он живет в тревоге, каким бы мудрым он ни был. Его постоянно влечет поиск, пленяет новизна – новизна рассвета и свежераскрывшейся розы, первозданная чистота воды и невыразимая белизна снега, мудрость молчащего дерева и вечно новый голос дождя. Вот такие именно драгоценные черты мне видятся в даровании Муталипа. Я уверен, что в дальнейшем они дадут настоящие плоды. Только потому и пишу о нем эти торопливые строки. В каждом его стихотворении я вижу мету поиска, а это значит, он ни в коем случае не хочет повторять сделанного, достигнутого и открытого предшественниками и сверстниками. И это важнейший признак жизнеспособности дарования, его подлинности. Найти свое, сказать обо всем по-своему – вот к чему стремится молодой поэт. Этим он дорог мне.

...Муталип – самый молодой член Союза писателей из балкарских поэтов, но ему уже тридцать – возраст для поэта достаточно зрелый. В такие годы художнику не мешает вдумчиво посмотреть на то, что ему удалось сделать, все взвесить серьезно. Об этом я напоминаю потому, что не совсем уверен в том, что поэт в достаточной мере использовал все свои возможности и может сказать: «Я сделал все, что позволили мне мои силы». Не зря сказано, что кому много дано, от того и много требуется. Учиться постоянно, трудиться непрерывно – вот что от нас требуется, и, разумеется, молодым это необходимо вдвойне, у них ведь, к счастью, все впереди.

...Мои слова о молодом поэте из Чегема сказаны с любовью, с такой же любовью слежу я за его работой потому, что он талантлив, а еще потому, что родная поэзия безмерно дорога мне, как и родная земля, как и голос моей матери. Верю, что Муталип будет трудиться так, что ему удастся полностью оправдать сказанное о нем, и то, что ждет от него прекрасная балкарская Муза, которая склонялась, как мать, над моей и его колыбелью.

Кайсын Кулиев
Чегем. 1980 г.

С БАЛКАРИЕЙ В СЕРДЦЕ

Замечательный сын Кавказа, один из лучших его поэтов, Кайсын Кулиев написал: «Хотя поэту лучше писать стихи, чем рассуждать о них, но иногда необходимо поговорить о деле, которому посвятил жизнь».

Люблю Балкарию и ее поэтов. Сегодня мне хочется сказать слово о моем друге Муталипе Беппаеве – о поэте с Балкарией в сердце, с Кавказом в душе, с Дагестаном в груди и с Россией в мире.

Я дружу с Муталипом уже сорок лет и счастлив, что могу назвать его братом не только по творчеству, но и по жизни. Он много раз видел гроздь звезд над моим Гунибом и воспел мою аульскую звезду с балкарским поэтическим и человеческим вдохновением.

В лучшие и худшие дни мы были рядом. Нет, не рядом. А вместе. А это очень важно для жизни и поэзии.

Сегодня через Муталипа Беппаева, через его поэзию, в гости ко мне заходят три больших поэта – три очень дорогих для меня человека: Кайсын Кулиев, Лев Ошанин и Владимир Костров.

Кайсын Кулиев написал о Муталипе: «Балкарская поэзия, которую создавали такие выдающиеся художники, как Кязим Мечиев, в наши дни достигла большого совершенства. Сейчас в ней трудятся замечательные мастера. В прекрасный мир родной поэзии и Муталип Беппаев принес свои образы, краски, обаяние своего голоса, обрадовав нас своеобразием сказанного им слова. А это очень трудно. На такое способен только талант, который всегда ведет к поиску и непокою.

...Его постоянно влечет поиск, пленяет... новизна – новизна рассвета и свежераскрывшейся розы, первозданная чистота воды и невыразимая белизна снега, мудрость молчащего дерева и вечно новый голос дождя.

Вот такие именно драгоценные черты мне видятся в даровании Муталипа.

...В каждом его стихотворении я вижу мету поиска, а это значит, он ни в коем случае не хочет повторять сделанного, достигнутого и открытого предшественниками и сверстниками. А это важнейший признак жизнеспособности дарования, его подлинности. Найти свое, сказать обо всем по-своему – вот к чему стремится поэт. Этим он и дорог мне».

Эти слова Кайсына, сказанные более тридцати лет назад, стали пророческими. Творческое поведение и жизненный путь Муталипа Беппаева безупречно подтверждали мысли Кайсына Кулиева. Муталип Беппаев стал большим национальным поэтом Балкарии, достойным и честным продолжателем поэтической судьбы самого Кайсына Кулиева – поэта великого и неповторимого.

Поэтому:

*Где бы я ни был,
Во все края за мною вслед приходят
Мои горы,
Мой родной аул.
В каждом друге остается
И, тоскуя по мне, живет
Моя Балкария!*

Для меня было и остается очень дорогим в Муталипе его трепетное, мужественное, честное и личностное отношение к Родине, земле, землякам-балкарцам, которыми полны его стихи, при этом они не теряют мирового пространства и Эльбруса. Как белокрылая птица, как Пегас, летит над миром поэзия Муталипа Беппаева, заставляя людей восхищаться ее полетом:

*Эльбрус – белокрылая птица.
Как в сказке, с летящих высот,
Сверкая листвой золотистой,
Осеннее небо течет.*

Строки эти переведены одним из лучших русских поэтов Владимиром Костровым. Для меня это еще одна радость – радость встречи моего русского друга с балкарским другом, где я присутствую, как свидетель поэтического и человеческого счастья.

Владимир Костров – последний из могикан той великой русской поэзии, на которой мы учились быть вдохновенными, честными и чистыми, той поэзии, которая стала судьбой народа, его болью и лекарством.

Вот еще один перевод Владимира Кострова, который показывает, какой же замечательный поэт Беппаев:

*То – камнем замшелым,
То – спелой росой,
То – стеблем осоки,
что срезан косой,
То – яркой звездой,
что горит в вышине,
Я всматриваюсь в сущее, в естество,
Стараясь постичь и себя самого.*

«Постичь себя самого» – вот что главное в поэзии. Этому учил своего любимого ученика его учитель и старший друг известный советский поэт Лев Ошанин.

Ошанин заметил и поддерживал талант Муталипа Беппаева. Ошанин понял суть его поэзии:

«Беппаев мыслит верлибрами, у него они скупы, точны и изящны, и всюду бьется живая мысль.

Для его верлибра характерны напряженность мысли и яркая об-разность языка. Автор умеет видеть мир по-своему. Мазки его резки, иногда гиперболичны».

Муталил Беппаев остался благодарным и благородным учеником и посвятил своему учителю свою книгу «Силуэты чувств».

У Кайсына Кулиева есть такая запись: «О народах судят по их поэтам». Потом он с удовольствием добавляет еще одно слово: «Правильно». Муталип Беппаев относится к тем поэтам, по которым судят о народе. Его путь в большую поэзию лежит через душу, через раненые, но священные камни его родины, через сердце его народа, благородного, мужественного и мудрого, потому что он истинный сын этого народа, его поэт и певец.

Свободная стихия стихов Муталипа Беппаева со временем становится еще мощнее, по ней можно писать картины, составить портреты родины и матери:

*Капают дождинки на играющих во дворе детей,
На вишни, на колосья пшеницы,
На поседевшие волосы моей матери,
Которая кормит кур во дворе,
На буйволов, медленно бредущих домой.
Капают дождинки,
Разматывая облака, словно огромный клубок.*

Стихи написаны давно. Но как они зрими! В них такая дорогая для человека и поэта память, что делает их мощным явлением в поэзии.

О матери написано много, но у каждого поэта своя песнь о матери, а у Муталипа особая мета:

*Мама!
Какие огромные русла рек
Спят
На лице твоём...
Их так быстро может разбудить
Одно лишь имя моего отца,
Пропавшего на войне...*

Муталип Беппаев учился мужеству, воле, стойкости, человечности, честности, любви и свободе у людей гор – горцев Балкарии, горцев Чегема, они для него были пахарями духа, творцами красоты, совести и величия. Поэтому его поэзия стала светом родины, поэтому он пишет с Балкарией в сердце.

Муталип Беппаев – мой друг. Настоящий друг. И я горжусь этим.

*Магомед Ахмедов,
народный поэт Дагестана,
председатель правления СП Дагестана*

В день рождения

Вполне иначе мог я жить,
Быть может, славно не тужить...
Знал бы, сердцу дадена графа:
Для Бога автографа!

Летя в машине, на коне –
Мог суперменом стать вполне...
Вняв – сердцу дадена графа:
Для Бога автографа!

И я все чувства обуздал,
Себя, кажись, пересоздал...
Ведь сердцу дадена графа
Для Бога автографа!

Ветер

Ветер звоны звуков
Выстрелил из луков:
Конопатя землю
Стеблями бамбуков,
Буковками буков!..
Ветер звоны звуков
Выстроил для внуков!..

Байкал

Баюкал нас Байкал
И рыбиной сверкал,
Волной ласкал друзей:
Как величав среди скал
Небесных звёзд вокал,
Баюкал нас Байкал
И рыбиной сверкал ...

Эльбрус

К друзьям – в Стамбул, Париж, Пекин!..
И в каждого всмотришь, прикинь:
Везде нам суждено встречать,
На лицах – Эльбруса печать!

Прорицатель

Кайсыну Кулиеву

Прорицатель прорицает,
Время молнией пронзает:
Веги и века лагает,
Всё сличает, всё листает,
Малодушьё отвергает,
От трудов изнемогает!..
Прорицатель прорицает,
Время молнией пронзает:
Поминает, поднимает...
Свет потухший возрождает,
От грехов нас ограждает,
За заслуги награждает!..
Прорицатель прорицает,
Время молнией пронзает:
Горе, беды упреждает,
В прошлом – завтра зарождает,
Нас судьбою награждает,
В каждом счастье умножает...
Прорицатель прорицает,
Время молнией пронзает...

Душа

А душа,
Чуть дыша,
Шла в тиши –
Ад круша...
Ад круша...

Монолог Дон Кихота

Ветер дул, синяя:
В мыслях вечно с ней я –
Буду жить, пьянея,
Рядом с Дульсинеей,
Рядом с Дульсинеей!..

Черкнёт строку душа

Паря над облаком – горой,
Бывое в сердце всё руша,
Крылом черкнёт строку душа:
От Бога до меня порой,
Как дар, доходит мыслей рой!..

В Чегемском графстве

Знай,
нелзя в злорадстве
Говорить о братстве
Здесь –
В Чегемском графстве.

Встреча

Сказать ни слова он не смел:
Так странно, нервно онемел...
И побелел лицом, что мел:
Наверно, умер, как умел...
Наверно, умер, как умел...

Тарасу Шевченко

Ярко, ярко ты горя,
Скудость слога не коря,
Озари-ка, о заря,
Нас всех светом Кобзаря!
Нас всех светом Кобзаря!

Как Роберт Фрост

Во весь коль встану рост,
Я совершенно прост –
Природы лепесток –
Почти как Роберт Фрост...
Почти как Роберт Фрост...

Поэты

Торопливы так поэты:
Все скорей бы сгореть!
Вот в огне силуэты...
А обязаны греть!
А обязаны греть?

Горы

Гор высоких темени,
Скрылись в чёрной темени:
Знать, они вне времени...
Знать, они вне времени...

Звезда зардела

На лице небес звезда зардела:
Восхитясь красой, всё заалело!
Разве нам до этого нет дела?
Разве нам до этого нет дела?

Айран

Если есть в душе какая рана –
Выпей кружку терпкого айрана!..
Я клянусь святой сурой Корана –
Это сгусток жизни, Божья прана!
Если есть в душе какая рана –
Выпей кружку горского айрана!

Сумей посметь

Сумей посметь,
Душой поспеть,
Чтоб, сея свет,
Сияя, спеть,
Всегда успеть –
Кавказ воспеть!

Горский танец

Вылетел из круга,
Словно из пращи:
Ласточка-подруга,
С молнией спляши!..

На смерть знакомой

Ты иной
Тишиной
Стала вдруг
Надо мной...

Нега снега

Покоя нет,
Покуда снег
Лепечет мне
Стихи о ней!
Покоя нет,
Покуда снег
Ко мне с ней нег,
Ко мне с ней нег...

Над Уфой

Утро в нас устало,
Таволгой светало...
А крыло шатало.
И река, аж ала,
Мимо крыл бежала –
Солнце вновь рожала,
Мило провожала!..
Утро в нас устало
Таволгу листало...

Колесо

Мы в силуэтах странных колеса,
Увидим умерщвлённые леса...
А опалённая в огне лиса,
С мольбой во взоре смотрит
в небеса!..

Ветерок

Лишь повеет ветерок:
Злой забыт на свете рок,
Коли выйдешь за порог –
Пред тобою сто дорог!..
Пред тобою сто дорог!..

Цена строки

Как меч – лиха,
Как смерть тиха,
Цена строки,
Цена стиха!..

Домочадцам

До звёзд б домчать
Всех домочад-
Цев – сих дичат:
Сынка, девчат!..

Мать в молитве

Ритмы чётки
Сей чечётки:
Мать в молитве –
Держит чётки...

Художник

В краске скрыл –
Что открыл –
Песню крыл!..
Он сокрыл!..

Фуга бессмертия

Миллионы лет
 Меня несли другие,
 Миллионы лет
 Я рос,
 Вбирал себя в других.
 Миллионы лет
 Меня несли миллионы
 Различнейших существ.
 Сквозь пласты
 Миллионов лет
 Я рос, вбирал себя в других,
 Меняясь содержанием, формой.
 Прорастали миллионы жизней
 Друг сквозь друга в меня...

Миллионы лет
 Меня несли другие...
 Из миллионов рек
 Средь галактик и светил
 Вырос я в бесконечность...

Во мне теперь,
 Словно звезды в небо,
 Вместились все
 Доселе жившие в мире;
 Так я
 Вмещался
 Во всех,
 Живших до меня...

Беседка

У подруг беседка –
 В беседке:
 Таки без забрала,
 Без сетки –
 Жизнь мою вобрала...

Электричка

Бегут, бегут составы:
 Вокзал, базар, заставы...
 Не будь сей электрички,
 Катились бы мы в бричке –
 Дорогой мрак застал бы...
 Вокзал, базар, заставы...

Берёзки тень

Дубовый пень
 И лёгшая на пень
 Берёзки тень
 Поэта ищут в мире этом
 Целый день.
 Дубовый пень
 И лёгшая на пень
 Берёзки тень
 Поэта силуэт
 Рисуют
 Целый день...

Колыбельная

Деревья все уснули
 Пусть они поспят.
 Всю бодрость умыкнули –
 Нас дела простят...
 Заснул на небе месяц:
 Звезды все сопят.
 Все мысли, сном замесясь,
 Сказки мастерят...
 Заснул на небе месяц,
 Звезды все сопят...

Круговерть

Как же, как же мне тут жить?
А листва вокруг, окрест кружит,
Убежать спешу отсель...
Рядом лист один подсел,
Подмигнул, друзей собрал:
Здесь галдеж, совсем аврал.
Я заметил вдруг: крутятся,
Листья, в лица превратятся,
Побрели ко мне гурьбой,
Радость, смех неся с собой!
Удивлен, как ротозей,
В них узнав своих друзей:
Игорь, Славик, Валентин,
Дима, весельчак «Кретин»,
Даша, Маша, вот – Ирен,
Будто расцвела сирень...
Подтянулся тут я к ним:
И листочком стал одним!..

Художник

Ручей. Мосток.
Старик. Возок.
И стригунок
У самых ног..
В один мазок
Вместить он смог!

Стихотворство

Миг затворства,
Взлет упорства,
Смерть притворства –
Стихотворство.

Детство

Тогда машины были живы,
И я весь мир отлично знал.
Тогда все были, словно Шивы:
Друзей картонных каждый звал...

Прямая шла тропа от Бога,
Никто не подводил итога...
И каждый день был карнавал:
И всяк себя короновал!
Тогда машины были живы,
И люди все совсем не лживы...

Мой улов

Сегодня мой улов
Так солнечно-лилов:
От гор, от скал углов –
Вся угловатость слов.

Мелочность

Хоть сосредоточен,
Пунктуален, точен,
Как кинжал, отточен!..
Мелочами очень
В жизни озабочен.

Суета

Прочитав мой стих,
Ветер гор постиг
Суету..
И стих!

Когда над Гонода горит звезда

Магомеду Ахмедову

Когда над Гонода горит звезда,
В соку лесная словно ягода,
Нам не страшны тогда года,
Поэты – братья по крови всегда,
Когда над Гонода горит звезда!..

Когда над Гонода горит звезда,
Покорен аргамак – крепка узда,
А миром правят дух и доброта,
Для счастья нараспашку все врата,
Когда над Гонода горит звезда!..

Когда над Гонода горит звезда:
Кончается небес, земли вражда,
Селяне шепчут все: «Баракалла!» –
И славна в свете рамп Махачкала,
Когда над Гонода горит звезда!..

Когда над Гонода горит звезда:
Во восходах пышных каждая бразда,
Уходит вековая немота,
Чеканней стих, желанней лепота,
Когда над Гонода горит звезда!

Когда над Гонода горит звезда,
Бесшумно к счастью мчат нас поезда,
В тиши земля – без пуль и грохота,
Охота детского нам хохота,
Когда над Гонода горит звезда!..

Маэстро

Мухтару Кудаяеву

Камни, дротики, пальба
И ракетная стрельба –
Времени течёт река:
Сотни лет, летят века –
Он танцует «Танец льва!»

Флейты звук, а тут дутар,
Льётся струн гитар нектар –
Боль и горе, мрак, нужда,
Вся уходит в нас вражда:
В танце «Аслан бий», Мухтар!

Домик Герцена

Весь Тверской бульвар – ажурный,
Право, славный и бравурный,
Мимо нас – в Литературный:
Двор в осенней позолоте,
Расцвели стихи в полёте...
Герцен стал миниатюрный –
Денди лондонский кутюрный...
В думах: слушает ноктюрны.

Слово к Богу

Мы в гордыне, спесь в глазах – Ты прости нас всех, Аллах!	Дух боренья, крик в устах – Ты прости всех нас, Аллах!
Слабость к славе, лень в делах – Ты прости всех нас, Аллах!	За детей пугает страх – Ты прости всех нас, Аллах!
Слепы и бредём впотьмах – Ты прости всех нас, Аллах!	За погибель жизни, прах – Ты прости всех нас, Аллах!
Каждый малым стал, как птах, – Ты прости всех нас, Аллах!	На коленях мы в мольбах – Ты прости всех нас, Аллах!

Расул

Преграждала хоть всегда тропу стена,
Вхож к вождям от Сталина до Путина!
Славный был цадинец сей оратором.
Заходил к царям и императорам!

Измерима ль всех успехов глубь, длина?
С чем сравнима стать, гор белизна?
Божий пламень, дух в поэте не погас,
Здесь Расула к небесам вознёс Пегас!

Заря

Разве заря
Поёт зазря?
Ей козырь, ей,
В любви горя!

ЖАР И СВЕЖЕСТЬ МГНОВЕНИЯ

К юбилею Марии Котляровой

Мария Котлярова – журналист, писатель, издатель. За этими словами стоит не просто деятельность, а целая жизнь, наполненная истинным подвижничеством и любовью к родному краю. Это всегда и во всём является краеугольным камнем её работы, о чем бы она ни писала и ни думала.

На первом месте для Марии Котляровой неизменно стоят её читатели, которых с каждым годом становится больше и больше, и, конечно, работа, которой посвятила всю жизнь. Более 3000 книг опубликовано издателями Котляровыми, и каждую из них отличает трепетное, нежное отношение к предмету.

Остается только удивляться, как редактор и издатель Котлярова находит время для писателя Котляровой, в активе которой свыше 60 книг, выдержавших не одно переиздание. Среди них и художественно-документальные работы, и мемориальные исследования, и пользующиеся огромной популярностью ретро-издания, путеводители, фотоальбомы и книги-путешествия. А впереди – ещё множество других замечательных открытий и бесценных подарков для читателей, которые по священному праву неразрывных уз с писателем считают себя верными почитателями её таланта и друзьями.

Подборка написанных в разное время материалов о юбиляре названа именем книги очерков Марии Котляровой – «Жар и свежесть мгновения».

Мария Абрамовна Котлярова родилась в 1949 году в селении Белая Речка КБАССР.

В 1973 году окончила историко-филологический факультет (историческое отделение) КБГУ. С 1973 по 1976 год – учитель СШ №№ 23, 17; с 1976 по 1984 год – инструктор Нальчикского ГК ВЛКСМ; с 1984 по 1986 год – сотрудник Министерства культуры КБАССР.

М. А. Котлярова

В 1988–1993 годах – корреспондент, обозреватель газет «Версия», «Советская молодежь», «Кабардино-Балкарская правда». С 1993 по 1999 г. – редактор издательского центра Эль-Фа». С 1999 года – директор издательства «Полиграфсервис и Т» (с 2005 г. – «Издательство М. и В. Котляровых).

Издала (в соавторстве с супругом) более 60 книг по истории, этнологии, географии, краеведению народов Северного Кавказа и Кабардино-Балкарии.

Лауреат премии комсомола Кабардино-Балкарии (1984). Высшая награда Европейской академии искусств (Брюссель, 2003). Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2010). Член Общественной палаты КБР всех 4-х составов, начиная с образования ОП в 2010 году. Член правления Союза писателей КБР.

Одна молитва чудная

Трогательная подростковость в облике, необыкновенная мягкость голоса и манер. Внимание и расположенность к людям. Тактичность. Доброта. Глаза её вызывают в памяти изумительные «зеркала души» княжны Марьи. Всё это видишь сразу, едва познакомившись с маленькой хрупкой женщиной по имени Маша Котлярова.

Она словно создана для того, чтобы провоцировать изумление: как, всё это создано ею? И это, и это?! Она живет, чтобы удивляться, наделенная этим даром людей незаурядных, талантливых. Во всём. И удивляет безмерно.

О таких людях говорят: «Подвижники». А они видят в себе рабочих лошадок, выносливых и неприсотливых. Они отмахиваются от пафосности и похвал. А если вдруг однажды засомневаются в том, что делают, силы и уверенность в своей правоте непременно к ним вернуться, ведь смысл их существования в том, чтобы вновь и вновь побеждать Небытие.

Культура немислима без тех, кто её творит, но, быть может, не в меньшей степени она невозможна без тех, кто несет её в себе, живет в ней и ради неё, «не выбирая времена» и иную судьбу. И судьба эта особенно впечатляет, когда человек ощущает себя призванным сохранить созданное другими. Маша – из числа хранителей. Идёт ли речь о том, чтобы хранить верность и дружбу, или о том, чтобы сохранять память о людях и их делах, художниках и ими сотворенном.

Маша обладает удивительной способностью: жить «здесь и сейчас» и одновременно – в минувших десятилетиях и даже веках. Её жизнь естественным образом совмещает в себе «высокие мысли и простоту». И невозможно отделить здесь заботу о своих ближних и «дальних» от заботы о воскрешении того, что может кануть в Лету. Чтобы знали,

помнили, печалились и гордились. Наверное, так можно определить девиз Машиной работы.

Журналист, очеркист, писатель-публицист. «Человек пишущий». Газетные и журнальные публикации – начиная с 70-х годов. Публицистические книги – начиная с 80-х. Очерки в коллективных сборниках, предисловия к работам других авторов. И её собственные книги, в том числе исследования о поэтах Али Шогенцукове и Кязиме Мечиеве, ректоре Владимире Тлостанове, художнике Мухадине Кишеве, написанные в соавторстве с Виктором Котляровым. И множество книг о родной Кабардино-Балкарии. И каждый раз – Вызов: забвению, невежеству, пристрастности. И каждый раз – Стремление дойти до сути, пронизать любовью и пониманием.

«Дух истины, Ты, Который везде существуешь и все наполняешь Собою, Хранилище всякого добра и Податель жизни, приди и вселись в нас, и очисти нас от всякой нечистоты, и спаси, Милосердный, души наши» – это православная молитва Святому Духу. Её можно назвать кодексом чести культуры, конечной устремленностью которой всегда было создавать «повышенную жизнь», отмеченную печатью высокого человеческого. Трудно представить Машу без этой «молитвы чудной».

*Наталья Смирнова,
доктор филологических наук*

Непростая Мария

Немного найдется в наше время людей, которые сохранили от недавнего прошлого – одними вспоминаемого с тоской, а другими всё ещё с жаром проклинаемого – поистине здоровый творческий дух пионерско-комсомольского коллективизма и свежесть взгляда. А в ней это есть исконно, но не в качестве одиозного атавизма, а как органическая часть оригинального современного мировосприятия.

Благодаря этому, а также по причине редкостной открытости и такта, она способна всего за час знакомства расположить вас к себе так, что вы будете чувствовать в ней старинного доброго приятеля, с которым уже целую вечность на «ты». Обладать такой счастливой способностью – мечта самых опытных журналистов.

Но чем больше вы вчитываетесь в то, что она пишет, чем больше убеждаетесь в её способности профессионально разбираться в проблемах быта и высокого искусства, философии и политики, тем больше вы осознаете, что не приличествует называть её просто Машей и даже более полно – Марией, а надо обращаться к ней на «Вы» и исключительно по имени-отчеству.

И все-таки, как мне кажется, для всех, кто её знает, она всегда будет оставаться Марией – просто Марией. Был когда-то кинофильм с таким названием, с героиней которого у Маши много общего. Это человеческая надежность и верность слову, умение быть рядом, когда тебе трудно, помочь ненавязчиво. Разделить боль не только близких, но и совсем незнакомых людей дано не каждому, не в чести сейчас активная доброта, но именно она всегда отличала настоящих журналистов. Без человеколюбия, без высокой нравственности и культуры, интеллигентности и убежденности невозможен настоящий газетчик-профессионал. Судьба Марии тому наглядный пример. Она была среди тех, кто стоял у истоков демократической прессы в республике, и она же первой прекратила сотрудничать с газетой, которая не чуралась в борьбе с инакомыслием унижать человеческое достоинство, копаться в биографиях героев, используя запрещенные приемы и средства. Эта жесткая позиция, когда дело касалось вещей принципиальных, основополагающих, умение понять собеседника и, не исказив, какие бы благие цели ни ставились во главу угла, донести правду до читателя, снискала ей во время тревожных для республики событий уважение, если так можно выразиться, по обе стороны баррикад.

А авторские материалы Марии, опубликованные в начале девяностых годов прошлого века в главной газете республики, отличали строго взвешенный, разумный подход, выверенный взгляд, перспективность мышления, помноженные на искренность чувств.

Эта неподдельная искренность, умение увидеть человека столь глубоко, что ты, знающий его как будто сто лет, испытываешь искреннее удивление, это желание разобраться в мотивации поступков своих героев, даже, скажем так, определенная влюбленность в них, отличает её литературные портреты Али Шогенцукова, Кязима Мечиева, Владимира Тлостанова, Мухадина Кишева. Рецензируя одну из книг Марии и Виктора, я попытался определить их писательскую позицию и нашел уместным назвать её духовным резонансом, породнившим авторов с героями книг, позволившим в прямом смысле слиться с ними. Мало того, не только откликнуться на их духовные сигналы, но и настроить на эту волну множество самых разных людей. И здесь «скрипка» Маши солирует, звуча проникновенно, чисто, светло. Не скрою, мне приятно, что человек иной национальности, иного менталитета, пусть и проживший всю свою жизнь в нашей республике, смог не только глубоко проникнуть в духовный мир моих соотечественников, но и сделать его достоянием всех, кто уже прочитал или кому еще предстоит прочитать книги «Ты создал мир. И он велик», «Я тот, кто будет...», «Ладони протяни к огню души моей...», «Адыги: сердца и судьбы». Эти работы отличает единство композиции и стиля, философская и художественная концепция, логическая завершенность и эстетическое единство, но главное – они

достойны своих героев – личностей для адыгов знаковых, оставивших свой след в нашей истории.

И ещё одно обстоятельство. Творческие тандемы не редкость. При этом, как мне думается, чаще они составляются по принципу: лидер – ведомый. У Виктора с Машей невозможно нащупать границы, где одному бы принадлежала первая партия, а другому – вторая. При этом у каждого сохраняется свой голос и стиль. Виктор более эмоционален, лиричен, порой даже сентиментален. Мария философична, доказательно убедительна и в то же время склонна воздать определенную дань мистицизму. Однако же удивительно, что при помощи, казалось бы, книжных истин, пусть и поданных проникновенным лирическим тоном, она умеет достичь в освещении проблемы таких глубин, до которых, кажется, при самом выверенном трезвом анализе добраться очень непросто, если вообще возможно.

*Адам Гуттов,
доктор филологических наук*

Способствующие согласию

Как-то у коллеги по работе увидел на столе книгу «Неповторимый Нальчик» Марии и Виктора Котляровых. Спустя недели две обратил внимание, что она по-прежнему лежит на самом видном месте, мимоходом поинтересовался: «Недосуг прочитать?»

И услышал в ответ весьма эмоциональные слова: «Прочитал раз, второй, а по-прежнему тянет: открываю вновь – и не могу оторваться, проглатываю страница за страницей как в первый раз! Причем я далеко не одинок».

И мой младший товарищ показал мне декабрьский номер газеты «Северный Кавказ», в котором было опубликовано письмо «Буду молиться о вашей здравии...», адресованное Марии и Виктору Котляровым. Вот лишь несколько фраз из него:

«В ноябре перенесла инсульт. Мне не то что двигаться, но говорить и читать было тяжело. И вдруг племянник приносит вашу книгу (ему подарили родственники). Я буквально «впиявилась» в неё, и оторваться было невозможно. Уныния как не бывало.

Я побывала в своем детстве, юности. Сколько всего узнала! Эта книга – и часть меня, и родных моих. Столько точек соприкосновения! С какой любовью вы написали этот труд. Любовь чувствуется за каждой строчкой, каждой фотографией. Все разделы уместны и полны. Я восстановила в памяти послевоенные старые улицы, всё то, что связано с этим временем. Это что-то!».

Автор письма Нина Павловна Кузьмина (в девичестве Чалова) родилась в Нальчике в 1941 году, окончила СШ № 5, в 1960 году по комсомольской путевке уехала в Ангарск. Впоследствии переехала в Московскую область, где и проживает ныне, преподавала в МГПИ им. Ленина. В молодости активно занималась спортом – легкой атлетикой, более того, четырежды становилась чемпионкой СССР.

«Много чего повидала в своей жизни, – заключает она свое послание, – но любовь к родному Нальчику только укреплялась. Вы совершенно правы: Нальчик неповторим! ...Пока жива, буду молиться о вашем здравии (записала в свой помяник). Хочется (очень, очень) чтобы вы знали, что далеко от вас есть люди, которые ценят ваши просветительские труды, полюбили вас искренне и верно и молятся за ваше здоровье и призывают помощь Божью на все ваши дела».

Признаюсь, искренне порадовался как тому, что у нас всё ещё есть такие вдумчивые, внимательные читатели, так и тому, что люди, к которым я отношусь с искренней симпатией, написали книгу, достойную нашего любимого города.

Впервые я непосредственно столкнулся с Марией в 1994 году, когда в издательстве «Эль-Фа» выпускал свою книгу «Вдали от Родины», редактором которой она была. Можно сказать, именно с того времени я в курсе всего, что делает она вместе с супругом Виктором.

В констатации такой нет никакого преувеличения, ибо чета Котляровых работает в том направлении, без знаний в котором нельзя считать себя образованным человеком, тем более патриотом, – воссоздание подлинной истории титульных народов Кабардино-Балкарии, постижение основ этносов, понимание их знаковых личностей.

Именно Котляровыми была задумана и основана серия книг «Кавказский литературно-исторический Олимп». Именно их заслугой является не только удачно подобранная аббревиатура серии, но и наполнение ее разножанровыми материалами, широко раскрывающими неизвестный широкой аудитории, да и многим специалистам, глубокий творческий пласт как исторического, так и собственно литературного наследия коренных народов республики. Именно при Марии и Викторе серия набрала необходимый вид и вес, став явлением не только полиграфического, но и историко-познавательного, духовного плана.

В 1999 году Мария и Виктор зарегистрировали новое издательство, получившее вначале название «Полиграфсервис и Т», а в 2005 году – то, которые ныне известно практически каждому жителю республики – «Издательство М. и В. Котляровых». Перед собой они поставили весьма непростую цель – способствовать созданию единого культурного пространства Северного Кавказа, издавая монографии, сборники исследовательских работ ученых региона.

Частное издательство на ниве культурного просвещения? Возможно ли такое в наши времена, когда все подчинено рациональному и материальному. Оказывается, да. Минимизировав штат – в нем всего несколько человек (директор, редактор, художник, верстальщик, корректор), осуществляя собственными силами весь цикл работ по изданию книги (от набора рукописи до выпуска тиража), издатели не только выжили, а прочно заняли свое место на книжном рынке, более того – стали на нем лидерами.

Сотни книг, каждую из которых отличает тщательная редакторская работа, высокохудожественное оформление. Монографические работы и историко-этнографические исследования, генеалогические изыскания и архивные сборники, серийные издания.

Серия «Страницы прошлого» – это возвращению читателю очерков, публикаций, заметок о титульных народах КБР, не переиздававшихся столетия и ныне составивших множество сборников, выпускаемых издательством с завидным постоянством, причем себе в убыток, но с благой целью – вернуть народам их подлинную историю. Дополняющая «Страницы прошлого» серия «Возвращение» – это снабженные редакционными предисловиями и послесловиями, научными комментариями издания, позволяющие по-новому взглянуть на узловые моменты нашей истории. Открывшая серию книга Константина Чхеидзе «Страна Прометей» – пронзительное повествование о людях Кабарды и Балкарии, их менталитете, образе жизни и духовных ценностях; взволнованный рассказ о природе, достопримечательностях горного края.

Еще одна серия – «Кавказ» – имеет своим адресатом российского читателя, ибо включает сведения, представляющие широкий интерес. Уже вышли из печати тома: «Географические названия и объекты», «Народы, обычаи, традиции»; сданы в производство «Европейские дневники XIII–XVIII веков», «Адаты горских народов».

Одного сказанного достаточно, для того чтобы имя издателей осталось в истории нашей республики. А ведь Мария и Виктор известны не в меньшей степени своими авторскими работами, первые из которых вышли еще в восьмидесятых годах прошлого века. Очерки о юношах и девушках, история молодежного союза, воссозданная ими в книгах «Юности горячие сердца», «Строим страну – строим себя», «Сигнал вечности», «На молодости – главные дела», явились своеобразным подступом к главным их трудам – мемориальным работам о знаковых личностях Кабардино-Балкарии. Герои их книг объединены не только национальным самосознанием, не только временем, на которое выпало их самоосуществление, но и реакцией современников на плоды ума и рук их. Таковы работы «Адыги: сердца и судьбы», «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве», «Ты создал мир. И он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове», «Я тот, кто будет... Кни-

га о ректоре Владимире Глостанове», образно отмеченные одним из рецензентов как «добрый кирпичик в незавершенном здании полного и нерасторжимого единения народов новой России».

В 2004 году издательство Котляровых приступило к созданию художественно-документальной фотолетописи о природной жемчужине, какой является Кабардино-Балкария. На сегодня созданное ими в рамках проекта «Родной ландшафт» буквально поражает воображение. Десятки авторских буклетов, фотоальбомов, книг, воспроизводящих великое множество исторических и этнографических подробностей, описаний обычаев и традиций кабардинцев и балкарцев, уникальных сведений, позволяющих глубже узнать народную душу.

Этапными в биографии творческого дуэта стали работы «Живописная Кабардино-Балкария» и «Неповторимый Нальчик», представляющие из себя весьма редкий и непростой жанр: книги-путешествия, требующие подачи информационного массива живым, образным языком, высокого эмоционального настроения, большого писательского мастерства. О том, что Котляровы справились с этой задачей, свидетельствует большой русский писатель Валентин Кузьмин: «Эти прозаические справочные издания от начала до конца пронизаны поэтическим чувством восхищения перед самым явлением, которое складывается как чудесный, неизъяснимо прекрасный конгломерат природы, одухотворенной присутствием человека, умеющего ее понять и принять как дар свыше, и всего лучшего, что человек сумел на века привнести в этот мир – неповторимого, незабытого, будь то древние легенды, выдающиеся личности, незабываемые строки, уцелевшие строения или полуразрушенные могильники и сторожевые башни. Уникальная природа республики оживает перед читателем благодаря тому, что изображена она не только впрямую, на взгляд людей наблюдательных и равнодушных, но и опосредованно – через историю, археологию, архитектуру старинных построек, народные поверья, обычаи и фольклор обитателей этих живописных ущелий... Давно у нас не было таких добрых, умных и честных книг о нашей земле».

Котляровы – коренные жители Кабардино-Балкарии: здесь родились, росли, получили образование, здесь и живут, влюбленные в свою республику, ее жителей. И надо отдать должное их внимательности, такту, трепетной любви, с которой они пишут о представителях других коренных народов Кавказа. Подобное отношение и следовало бы считать единственно нормальным, поскольку без него, без стремления к взаимопониманию и согласию, не может быть сильной и единой России. Именно поэтому многое из созданного Марией и Виктором стало значительным явлением в нашей культуре.

*Хасан Думанов,
профессор*

Особая притягательность великого труженика

Имя Мария обладает особой притягательностью. Однажды ночью в концерте по заявкам на «Маяке» услышала удивительное письмо-признание в любви к Марии. Влюбленный в Марию молодой человек так воспевал это имя, что я была поражена. Затем прозвучала знаменитая ария «Мария» в исполнении Дина Рида. И ещё большим откровением стало для меня, что все это было посвящено Маше Каплунат Виктором Котляровым.

Сейчас два этих имени рядом – Виктор и Мария Котляровы воспринимаются совершенно естественно, чуть ли не как одно целое. А тогда, в далекие семидесятые, я не могла представить, как мог мой одноклассник и однокурсник Витя рассчитывать на ответное чувство такой звезды, как Маша. Да, именно как лучшую студентку историко-филологического факультета, любимицу преподавателей, яркую личность и очень красивую девушку с кукольным очарованием и улыбкой знали мы на нашем курсе Машу. Она была уже признанным лидером, когда пришла знакомиться с нами, первокурсниками. Помню, как льстило нам её внимание, как считали за честь пройтись с ней, поговорить. И тут Виктор, мой ровесник, такой же, как мы все, – и Маша. Но вот сумел, добился, и сколько чудесного принес нам всем этот союз. Думаю, без Маши не было бы и Виктора, каким мы его знаем, хотя он и журналист не первого поколения.

Замечательно, что Маша сохранила обаяние, равнодушие, душевную деликатность и скромность. Мария – великая труженица. А, как правило, тружеников замечают мало. Гораздо больше бросаются в глаза те, кто на виду. А истинным труженикам некогда, да, видимо, и незачем часто мелькать, беспокоиться о публичном признании. За них говорят их дела, то, что останется навсегда. В случае с Машей – это десятки томов, редких по значимости для моей родной республики, её людей, её природы. И я хочу поблагодарить Марию и пожелать, чтобы спектр её деятельности расширялся, ею задуманные планы осуществились, ведь от этого, я уверена, выиграем мы все.

*Нина Шогенцукова,
доктор филологических наук, профессор*

Олицетворенный образ исторической памяти

С Марией Котляровой я сначала познакомилась заочно по её смелым, задорным статьям в 80-х годах. Их автором мне почему-то представлялась крупная, суровая, воинственного вида журналистка, которой палец в рот не клади. Скорее всего, такое впечатление в моей голове было сформировано законами фоносемантики – двумя «революционными» звуками «р» в имени и фамилии нашей героини.

Затем как-то я заболела, и неожиданно Мария пришла меня навещать, а заодно и познакомиться. Как же я была удивлена, когда Марией Котляровой оказалось хрупкое, нежное создание с лучистым взглядом и почти детским обликом, напоминающим Машеньку из русской народной сказки. Мы проговорили часа три. Я, затаив дыхание, слушала то, что она рассказывала о Кязиме Мечиеве. Мне, этнокультурному потомку Мечиева, было стыдно, когда выяснилось, что эта русская женщина много раз ездила в аул Шики поклониться кузнице балкарского мудреца, а я даже не знаю, где это находится. Уверена, в моем положении оказывались многие уроженцы Кабардино-Балкарии, которые от Маши узнавали интересные подробности о жизни и творчестве своих классиков. Для меня она – олицетворенный образ нашей совести и нашей исторической памяти.

В своё время Маша заставила меня написать статью о моих бабушке и отце. Я за это ей очень благодарна. Оба раза я писала и плакала, потому что через эти две микроистории постигла историю человеческого бытия вообще, сотканную из радости, из боли, из высоты человеческого духа. Полагаю, такой катарсис Маша заставляет пережить всех, кто берет в руки ее книги. По своему мастерству, по глубине постижения и осмысления жизненного материала Маша давно переросла уровень

журналистики. Для меня она – культуролог, философ, литературовед, историк и психолог в одном лице. С каким мастерством надо было написать книгу о ректоре КБГУ В. К. Тлостанове, что даже партийные документы, включенные в нее, читаются с захватывающим интересом, как детективная история! Такой печатью таланта отмечено всё, что выходит из-под её золотого пера.

*Зухра Кучукова,
доктор филологических наук, профессор*

Виват, Мария!

Вот живем мы рядом с людьми и не замечаем, с кем живем, кто они, эти люди. Так и Котляровы Мария и Виктор. Что-то там пишут, какие-то книги печатают. А о них, о Котляровых, так ведь нельзя думать. Это неправильно. Созидатели, большие мастера своего дела, талантливые люди.

Издательство Котляровых выпустило более трех тысяч книг. Вдумайтесь в эту цифру. Более трех тысяч! Да как же такое возможно, какой же это труд. Маленькие, щупленькие, вроде бы незаметные, а ведь великие люди. Не боюсь и не стесняюсь этого слова.

Уже слышу шипение недоброжелателей. Пусть себе шипят. А я держу в руках книгу «Черкесы: воины и мастера», книгу издательства Котляровых, и восторгаюсь. До чего же здорово. Молодцы, Мария и Виктор! И все те, кто прикоснулся к этому шедевру. Вот тебе и издательство, вот тебе и Котляровы! Кто не имеет этой книги – купите. Это всё равно что приобрести картину хорошего художника или пианисту купить немецкий рояль.

Серия книг «Родной ландшафт» издательства меня удивила и обрадовала. Это восемь фотоальбомов «Кабардино-Балкария: природная жемчужина». Ущелья республики и наш прекрасный Нальчик. И Приэльбрусье. А еще Чегемское, Черекское, Хуламо-Безенгийское, Баксанское ущелье, Кабардинская равнина. Вновь хочу сказать спасибо Котляровым и их коллегам, а особо Жанне Шогеновой не только за их труд. Трудятся многие, но не у всех получается. За талант спасибо.

У меня много книг этих талантливых людей. И они не просто стоят на книжных полках или лежат на антресолях. Я к ним часто обращаюсь, и они мне помогают в работе. А иногда просто хочется полистать их альбомы. Для радости, для удовольствия. И листаю, и радуюсь.

С Николаем Котляровым, отцом Виктора, я работал на Кабардино-Балкарском государственном телевидении. Талантливый был журналист и очень трудолюбивый. Если сегодня он смотрит с небес на добрые дела

сына и снохи, то наверняка радуется их успехам. И в этом, наверное, счастье Виктора и Марии.

Чего хочу пожелать эти ребятам? Еще одну тысячу книг. Хотя бы одну тысячу! Это от души, от чистого сердца говорю.

*Владимир Вороков,
кинорежиссер*

Постижение пространства

В последние десятилетия нам довелось стать свидетелями кардинальных изменений в миропонимании всех народов России. Радостно свергались авторитеты, отрицались почитавшиеся еще вчера идеи и события в жизни нашей страны. В результате такой псевдореволюционный энтузиазм и критический задор быстро привели к утрате социальных и культурных базовых ценностей. В те годы казалось, что новопоисменные культуры, не вписавшиеся в современную мировую культуру, подошли к «последней черте» своего развития. Но скоро стало понятно, что в переходный период не стоит забывать о своем культурном наследии.

Всё хорошо бы, но, как оказалось, и здесь таилась своя опасность. Безудержное погружение в далекое прошлое, вылившееся в мифологизацию истории, стало затушевывать современные цивилизационные вызовы. Именно на таком фоне разноголосой демагогии о любви к своим народам и рождается беспрецедентная по-своему идея реформирования бытовавших тогда представлений о функционировании книжных издательств, вылившаяся вначале в создание центра «Эль-Фа», а впоследствии в «Издательство М. и В. Котляровых».

Но в разные времена издательское кредо М. и В. Котляровых оставалось неизменным – высокий духовный ориентир как наша общая судьба. Этнополитическая ситуация в нашем регионе только подтверждала и подтверждает такой нравственный выбор. Только культура и формирует то ядро, вокруг которого кристаллизуется интеллектуальный и духовный потенциал общества. Хотелось бы подчеркнуть, что талантливые организаторы – Мария и Виктор, сочетая в себе внутреннюю убежденность, высокую культуру, свободную от конъюнктурных соображений, сумели определиться на вызовы реально необходимой, а не романтической, как тогда казалось, культурной политики. Они, оставив в стороне перспективы «своей» карьеры (а Виктор еще мастер слова в малой эпической прозе), посвящают себя искреннему, самозабвенному служению целостного постижения сути «чужого» духовно-культурного пространства.

Сегодня можно отметить бесспорную значимость «Издательства М. и В. Котляровых» для наших культур, но намного труднее представить

себе проблемы, скрывающиеся за эти «научным подвижничеством». Я имею в виду, конечно же, не какие-то «мелочи», а, прежде всего, финансовый риск издателей. Можно ли поверить в то, что утверждение духовности приносит хорошую прибыль? Удивительно другое, как же могут такую необозримую по объему и содержанию работу выполнять 5–6 человек! Поистине, духовность тоже проявляется не в силе, а в правде.

*Юрий Тхагазитов,
доктор филологических наук*

Ментальный бренд

Есть имена мужские и женские, сочетающиеся как по звучанию, так и по значению. Такими именами, а точнее «ментальным брендом», являются Мария и Виктор Котляровы. Это гармоничное созвучие, часто встречающееся не только в названии популярного издательства, в авторских книгах, статьях, телеочерках и телепередачах уже на протяжении двух десятилетий, выделяется высоким профессионализмом, глубоким проникновением в суть излагаемого материала, любовью к людям и родному краю.

Более двадцати пяти лет Мария и Виктор Котляровы занимаются издательской деятельностью. Они изначально поставили и последовательно осуществляют высокую цель – создание единого этнокультурного пространства Северного Кавказа. За эти годы было выпущено более трех тысяч работ по истории, этнографии и орографии народов Северного Кавказа. Причем мало кто знает, что многие книги они издавали за свой счет, потому что находить спонсоров им удается не всегда.

Сегодня «Издательство М. и В. Котляровых» – единственное в России и на всем постсоветском пространстве, специализирующееся на выпуске книг о Кавказе. То, что уже сделано Марией и Виктором в журналистике, литературе, краеведении, издательском деле достаточно, чтобы войти в ряд выдающихся людей республики и России. Думаю, даже не будет слишком большим преувеличением поставить их в одну шеренгу с известными просветителями Кабардино-Балкарии.

Есть люди разные – содержательные, или не очень, и пустые, как барабан. Иногда и барабан производит приятное впечатление – ухожен, красив, обтянут кожей, красивыми шнурами, все гладко и красиво, да и звучит прекрасно, но ни одного звука не издаст сам по себе, потому что пуст внутри. А есть люди-камертоны, под которых надо настраивать струны души, чтобы сберечь вечные ценности человечества – веру, надежду и любовь. Таким людьми являются Виктор и Мария.

И ещё об одном. К сожалению, так часто бывает, что у людей творческих профессий личная жизнь бывает драматичной, насыщенной и, увы, зачастую редко ограничивается одним браком либо одними чувствами. А супружеская пара Котляровых – пример иного порядка. И когда я думаю, в чем же секрет их успехов и постоянства в браке, прихожу к выводу – они сильны, прежде всего, взаимопониманием. Только это помогает в искреннем стремлении достичь общих целей. А их отношения основываются на абсолютном доверии и поддержке. Уютный дом, всегда открытый для друзей и тех, кто нуждается в помощи и поддержке, добавляют еще один характерный и значимый штрих к семейному портрету Котляровых.

*Анатолий Шарданов,
кандидат философских наук*

Феноменальная чета

Когда я познакомилась с Котляровыми, вспомнить довольно трудно. Мы жили в одном городе, в одно время, учились в одном вузе, бывали в одних и тех же местах и собраниях, имели немало общих знакомых и наверняка не раз «пересекались», но в памяти это как-то мало фиксировалось.

Сначала мне запомнилась Мария – она выступала с лекциями на разных городских собраниях комсомольского актива, а я, будучи комсоргом маленькой «первички», на них присутствовала. Затем были ее печатные выступления – газетные статьи на разные темы, отличавшиеся прекрасным языком; умные, серьезные, а главное – равнодушные, пронизанные личным отношением к предмету. Наверно, писать так было нелегко, потому что отнюдь не все читавшие были согласны с её словом, но позиция автора выражалась бескомпромиссно и решительно.

Признаюсь, и мои мысли нередко не совпадали с мнением Марии. Косвенно наши разногласия проявились тогда в оценках театрального искусства. В 70-х годах, когда в республику вернулись выпускники кабардинской студии Щукинского училища и заняли заслуженно достойное место на профессиональной сцене, Мария оказалась в многочисленном лагере горячих их поклонников. Я же была увлечена творчеством других студийцев – самодеятельного театра, который организовал талантливый и оригинальный мастер Валентин Тепляков. Выпускник добротной школы Малого театра – училища им. Щепкина – он работал практически на пустом месте, приглашая без предварительных конкурсов и отборов на сцену любителей, от которых требовались только самоотверженный труд и, конечно, безмерная любовь к театру.

Множество молодых нальчан (и не только) прошло через эту школу и в качестве участников, и в качестве зрителей – и это мне представлялось крайне важным в эстетическом, моральном и патриотическом плане движением, наверняка оставившим заметный след. Однако новаторство Теплякова (а его коллектив назывался театрально-экспериментальной молодежной студией – ТЭМС) расценивалось (и осуждалось) нашей официальной критикой как формалистические выкрутасы, противопоставляясь привычному классическому реализму. Мне казалось невнимание и намеренное замалчивание деятельности ТЭМС несправедливым и я, как умела, старалась рассказывать об этих ребятах. И здесь, к сожалению, наши с Марией (заочные) взгляды расходились.

Лично мы познакомились в пору работы Марии в редакции газеты «Кабардино-Балкарская правда», когда несколько моих статей легли на её стол. Редактором она была вдумчивым и аккуратным – я сумела это понять, потому что опыт общения с газетной суетой показал зачастую «авторитарный» стиль редакторов, механически вырывающих из текстов большие куски, нарушая логику, искажая замысел – лишь бы соблюсти заданный объем «материала».

Знакомство с Виктором состоялось намного позже. Невообразимая его загруженность поразительна – и только фантастический трудоголизм, в сочетании с граничащей с фанатизмом поклонением Его Величеству Книге делает его выдающейся личностью в нашей культурной среде. Определить его профессию одним словом невозможно. Он издатель, полиграфист, писатель, журналист-блогер. А еще – путешественник, археолог, спелеолог... В широком смысле – краевед, просветитель. А еще (как и Мария) – общественный деятель. Вокруг них – небольшая группа подобных же энтузиастов-универсалов.

В личном плане покоряет их, скажу так, «интеллигентскость», то есть пренебрежение внешними атрибутами преуспевания. Разумеется, без небольшой дозы здоровой амбициозности не обойтись – и признание, востребованность, награды, призы, премии приятно вдохновляют. Но не более того – борьба за самоутверждение – не самоцель этих неутомных тружеников.

Неудивительно, что чрезмерная (по мнению некоторых) активность вызывает неравнозначную реакцию окружающих. Ну что ж, умение «держат удар», спокойно и достойно отвечать оппонентам – удел выдающихся личностей – и остается только порадоваться и пожелать двуединому интеллектуальному семейному союзу Марии и Виктора Котляровых еще многих полезных лет житейского и творческого процветания.

*Евгения Тютюнина,
архивист*

Работоспособность, талант, красота

Нальчик. Небольшой офис напротив прежде легендарного кинотеатра «Победа». Крохотная комната-магазинчик, доверху наполненная книгами. Берешь любую, и тебе открываются сокровища человеческого духа. Да, тиражи этих книг небольшие. Но и рассчитаны они на людей, кто хочет и умеет Родину любить. Пусть таковых в наше время меньшинство. Однако нами цепь поколений не заканчивается, и эти книги, столь заботливо сделанные, сохраняют память для будущего.

Часть книг – частные мемуары, воспоминания о близких. В жизни человек может быть сколь угодно «крут», но чтобы сохранить память о себе или родных, идут сюда. И здесь почти никому не отказывают в издании, в подготовке текстов к печати. Вот и появляются книги и стихи, столь важные для близких.

Но главное, зачем сюда приходят люди, – это, конечно, красочные книги о Кабардино-Балкарии. Многие можно купить только здесь. Пары-тройке больших «книжных» магазинов Нальчика краеведение совершенно не интересно. То же можно сказать и о киосках. Удивительно, но республика, позиционирующая себя как туристическая жемчужина, практически ничего не способна дать случайному туристу, забредшему в её прекрасные края. Но, может, это и к лучшему? Ибо можно заниматься чистым творчеством, не подверженным конъюнктуре. Ведь туристу подавай красоты гор, а кто ж будет фиксировать красоту цветка или пробуждение родного города? Туристу подавай ёмкие скупые путеводители, а здесь требуется думать, осмысливать, смакуя каждое слово!

Меня критикуют родные, ибо заходя в эту книжную лавку, я покупаю книг до упора. В первый раз купил три огромных баула, чтобы их донести, один из работников магазина подвез меня до дома на своей выдавшей виды «пятерке». «Зачем ты тратишь столько денег на всю эту макулатуру?» – спрашивают меня. Я улыбаюсь, и говорю, а вы представляете, скольких средств и трудов стоит всю эту красоту издать! Ведь большинство этих книг издается журналистами на свои, на небольшие крохи, в надежде на нечастого покупателя. А попробуй всё это узнай, выноси в голове да запиши!

Слог в этих книгах лёгкий. Он красив, как горная река, но попробуй зайти в воду, чтобы удержаться в потоке! Описания столь же великолепны, как могучие горы. Но как порой трудно карабкаться на эти вершины. Современное поколение отвыкает читать. Даже в спокойном Нальчике непросто сосредоточиться на книге. Но здесь нашли выход. Почти каждая книга великолепно иллюстрирована. Картинка цепляет и заставляет читать текст. А текст вдохновляет и заставляет двигаться дальше: думать, мечтать, восторгаться.

Здесь хранятся знания, образы. Издательство перевыпустило множество книг о республике, сохранившихся в единственных экземплярах. Никто, пожалуй, не писал так здорово о нашей земле, как философ-евразиец Константин Чхеидзе. Но рукописи уходят в небытие. И единственный сохранившийся экземпляр книги, изданной в Чехии и попавшей в СССР через Шанхай, случайно уцелевший, обрел в этих стенах новую жизнь. И таких историй десятки. Издатель – не просто хранитель человеческой и народной памяти. Он подобен кузнецу, создающему шедевр, основу.

Сейчас принято историю выдумывать и приукрашивать. И тем удивительнее показать прошлое таким, какое оно было. Тексты, фотографии, графика, орнаменты. Читая некоторые книги, будто бы попадаешь в отреставрированный храм.

Современное поколение, воспитанное на телевидении, отвыкло удивляться. Сейчас каждый заголовок выходит под флагом: вау, сенсация. Сенсации настолько приелись, что мы не способны видеть удивительное рядом. Верим досужим выдумкам, клюкве, но не можем поверить в то, что есть на деле. А ведь за каждым рассказом о далекой достопримечательности, будь то заброшенный монастырь, наскальная живопись, древняя шахта или гигантская пещера – стоят экспедиции. Множество километров пешком или на машине, по нехоженным тропам. И мало кто догадывается, что некоторые кадры сделаны с риском для жизни. А многие тропы приходилось преодолевать через «не могу».

Котляровы – мастера деталей. Они замечают каждую мелочь, превращая её в роскошный и понятный сердцу каждого нальчанина узор. Так, рассказ о парке озаглавлен «Я буду долго гнать велосипед»! Кто ж

из нас в детстве не катался в парке, ощущая, как от огромной скорости на спуске ветер шумит в ушах.

Вряд ли сегодня есть люди, кто знает о Кабардино-Балкарии, её истории и красоте больше, чем сотрудники издательства. Их книги разные, не только о красоте. Но и о боли. Кто сумел бы, к примеру, так пронзительно описать документы, связанные с трагедией балкарского народа. Или создать саги о доблести, о необыкновенной истории и традициях черкесов. Здесь выходят и серии с описанием различных частей Кабардино-Балкарии, её равнин, гор и ущелий.

Маленькая книжная лавка – это отражение КБР в миниатюре. Красота на фоне запустения. Мысль на фоне безмолвия. Радость на фоне уныния. Котляровы верят в республику, и вслед за ними верит и читатель. Возможно, пиши они бульварные романы, то стали бы столь же востребованными, как Дэн Браун. Но они следуют великим традициям русской литературы, заставляя читателя думать, сопереживать, страдать или восхищаться, жить повествованием.

*Анатолий Баташев,
писатель
Москва*

Знаю, в Ваш адрес, Мария, поступит много писем и телеграмм от благодарных почитателей Вашего незаурядного таланта – собирателя и пропагандиста духовной культуры Кабардино-Балкарии. Книги, изданные Вами и Виктором Котляровым, дают широкую панораму жизни, борьбы и созидания наших предков. Ваше слово – емкое, образное, правдивое, одухотворенное теплом нежной души и доброго сердца – находит живой отклик и воспринимается с чувством благодарности в долинах Кабарды и ущельях Балкарии.

Живите долго и счастливо, дорогая Мария!

*Борис Зумакулов,
доктор исторических наук, профессор,
уполномоченный по правам человека в КБР,
председатель Общественного совета журнала
«Литературная Кабардино-Балкария»*

Материал подготовил К. Елевтеров

ЛИКИ АБХАЗИИ В ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА ЗАНТАРИА

Литератор, член Союза писателей и Союза журналистов Абхазии, поэт, переводчик, доктор филологических наук Зантария Владимир Константинович личность в Абхазии известная.

Осенью прошлого года Президент Абхазии Рауль Хаджимба наградил Владимира Зантария орденом «Ахьдз-Апша II степени» – «За большой вклад в развитие общественно-политической жизни и заслуги в творческой деятельности».

Начав с работы корреспондента, сначала в газете, затем на радио, Владимир Константинович продолжил свою деятельность в сферах общественной жизни и государственной службы. В настоящее время он является советником Президента Абхазии по науке, культуре и образованию. С 1991 по 1996 год был депутатом Верховного Совета Абхазии, министром культуры республики, а затем вице-премьером.

Владимир Зантария, профессионально и качественно выполняя возложенные на него обязанности, находит время и силы, чтобы реализовать и свой поэтический талант. Он из года в год дарит читателю новые стихи, выражая широкий спектр чувств человека, преданного своим корням, народу и стране. Читатели всегда отмечают чистоту и красоту его языка, тяготение к национальным истокам, виртуозное владение словом. Яркий и самобытный, он обладает редким качеством анализировать происходящее, облекая свои мысли в самую высокую поэтическую форму, удивительно понятную всем. Образованность, знание мировой художественной культуры отражаются на творчестве В. Зантария, наполняя его тексты новыми образами и сравнениями. Открытый для диалогов, Владимир Константинович инициирует научные, творческие связи родной Абхазии с республиками Северного Кавказа. В 2018 году наш старший друг поддержал идею проведения первого абхазо-адыгского литературного фестиваля «Рифмы на Рице». Знакомство читателей Кабардино-Балкарии с творчеством современных абхазских авторов, после некоторого перерыва, мы возобновляем с поэзии Владимира Зантария, а точнее – с его новых стихов.

*Зарина Канукова,
поэт, драматург, главный редактор газеты «Горянка»,
автор литературного проекта «Рифмы на Рице»*

Владимир ЗАНТАРИА

Так ясен неба лик!
Так явен солнца дух!
И не опишешь вслух,
Как нежен пух травы.

Нарушить тишину
Вольна пчела одна.
Еще с утра она
Летит своим путем.

Гудение ее,
Как бы блаженства глас:
Душою я не раз
Ходил на этот зов.

Как ясен неба лик!
Как явен солнца дух!

Перевод В. Еременко

ПО СТАРОМУ СЛЕДУ АРБЫ...

Осторожно ступлю на заре
На поляну, что так зелена!
Как тугим ремешком в серебре
Опоясана Бзаной она.

Одичалый, отпрянет мой конь,
Не узнав в полудреме меня.
Но коснётся холки ладонь –
И с каурым мы снова родня!

Жеребёнка в траве обласкав,
Грусть-заботу на нет я сведу.
Старый след арбы отыскав,
Речку детства я перейду.

С края поля, издалека
Долетит перестук бубенцов
Буйволиных и голос щенка,
Что почуял во мгле барсуков.

Здесь исток, здесь начало судьбы –
От зари до вечерних теней...
И по старому следу арбы
Мне идти до скончания дней!

Перевод Ю. Лакербай

С Мамзышхи¹ свежий ветер дул –
И звёзды осыпались пеплом.
Свою угасшую звезду,
Мой друг, оплачь с полночным ветром!

У нас и звёзд душа одна,
Они, как мы, земляне, тленны.
И ночью нас лишает сна
Тревога за судьбу вселенной.

Когда-нибудь под грузом лет
Она умрёт, вздохнув устало.
Звезды угасшей белый след,
Как росчерк древнего кинжала
На валуне, что мхом одет!

Перевод Ю. Лакербай

ЗАБЫТОЕ СЛОВО

Как голыши на тёмном дне колодца,
Забытые слова лежат в душе,
И ни одно на боль не отзовется,
А годы мчатся – и я сед уже!

И вывожу я на листочке новом
Ненужные, случайные слова,

¹ *Мамзышха* – гора в Абхазии.

И снять пытаюсь ржавчину с былого,
Когда вступает Ночь в свои права.

Не склеить мне Кувшин Вадзамакята,
Что в зряшном споре Нартами разбит.
Я как отшельник за стеною скита,
Прервалась песня – мглою мир покрыт!

Из ничего ты ничего не сложишь,
Забыто слово – и вновь ты одинок.
И жизнь твоя с луной ущербной схожа
Или с ручьём, что весь ушёл в песок!

Перевод Ю. Лакербай

СРЕДЬ ШУМНЫХ, ДРЕВНИХ ГОРОДОВ

Как далеко мой отчий кров
И над рекой скалистый берег!
Средь шумных, древних городов
Динаром стертым я потерян.

Столетия казались мне
Мгновением, коротким эхом.
Всё это было как во сне:
Гранит дворца и сталь доспеха.

И со стены холодный взгляд
Того, кто был прославлен в сечах,
И полусумрак анфилад,
И догорающие свечи.

Времён далёких лабиринт
И многолюдье древних улиц –
Я этим был по горло сыт,
Я задыхался в этом гуле!

И не найдя себе приют,
Я вспоминал очаг свой тихий,
Скалу, где птицы гнёзда вьют,
И куст созревшей ежевики!

Перевод Ю. Лакербай

Вином я чёрным опьянён,
Кто скажет, как пройти в отель мне?
Монтрё, Монтрё, ты явь или сон?
Ночных дорог хитросплетенье!

Друзья, вы где?.. Все разбрелись!
Матросом неземного судна
Плыву куда? Где даль, где высь?
В другой галактике, как будто!

«Бонжур!» – красавица из тьмы
Меня приветствует лукаво.
Смущённый, становлюсь немым...
Она уходит... Жалко, право!

Спросил я у плакучих ив,
Где моя пристань в мире этом?
– Блуждай во мгле, куда жив,
Слепым счастливецом и поэтом!..

И я побрёл сквозь мрак ночной,
О прошлом больше не жалея,
И путеводную звездой
Была исчезнувшая фея!

Перевод Ю. Лакербай

ЛУНА И КОНИ

В багровом затишьи небес письма
Табун повторяет трикрат...
Я видел, как кони на гребне холма
Застыли, вращая в закат.

Вот рядом, бок о бок, гнедой с вороным.
Вон белый – дитя облаков.
Кровавое солнце стекает по ним,
Ещё не познавшим подков.

Ни кнут их ни жёг, ни аркан не свистел,
Ничья не взнуздали рука,

И вечно готовый скакать за предел,
Седок не намылит бока.

Как уголья, тлеет табун изнутри.
Над гривами ветер ночной.
Застыли. И так простоят до зари
В тяжёлой росе под луной.

Луна и табун. Наяву и во сне
Витают серебряный прах.
И кони стоят по колено в луне.
И сладкая дрема в ногах.

Бывает от матки по лунной золе
Уйдёт несмышленищ рябой.
И хриплое ржанье летит по земле,
И длится ревнивой мольбой.

Затихнет. И снова ни звука кругом,
Лишь угли в глазах скакуна.
И стынут, сливаясь в пространстве нагом,
До света табун и луна.

Перевод Ю. Лакербай

ОКРУГЛЫ И ТЯЖКИ...

Округлы и тяжки, как донные камни,
Шаги в полумраке. По-над облаками
Сгущается мрак: в беспросветной тиши
Уже наполняют бездонный кувшин.

И меч раскалили: аж бел по краям.
Ероша верхушки по деревьям
По саду, по лесу проносится вестник:
Держитесь, мол, грянет, и хлынет, и треснет

Небесная твердь. И мы тоже не сводим
Молящего взгляда... И бьет наши души
Озноб покаянья. А ливень все пуще –
Сверкает! Гремит! Очищаясь, природа

Лютует. Рык гнева. Свой гнев превозмочь
Не в силах гроза, превратившая ночь
В казнь – и сечет, и лупцует огнем
Нечисть... Огнем как господним бичом...

Перевод А. Марченко

ПИЦУНДА

Осыпь цветущего персика – розовым из подола.
Утро Пицунды в окне моем вместо стекла.
И рыба в Инките¹ – как будто абхазский кинжал
Выпал из ножен и блещет... Свежа
Зелень самшита. И древние сосны метут
Небо пречистое. Тихо. Как будто бы тут
Кони не ржали и меч не точила об меч
Сеча. Тысячелетняя сечь...
Остановись! И услышишь и стоны и звон
Здесь под обломками каменных плит и колонн,
Где швартовались разбойные их корабли, –
Ропот услышишь безропотной этой земли.
Обманчив, Пицунда, престижно-отелевый вид!
Их болью скрутило, твои корневища, самшит.
И там, под землею, и дом наш сожженный, и храм.
И тлен там, и прах. Но и дух нескораемый – там.
Усталые волны. Усталые наши века –
Как четки в руках у изжившего срок старика.
Поблекшая галька... Но в берег вцепившись, самшит
О том же все шепчет и молча о том же – кричит...

Перевод А. Марченко

Летит в холодной мгле ночной
Усталых птиц большая стая,
Часов настенных поздний бой
Былое мне напоминает...

Над чередою пустырей,
Над расщеплённым миной дубом

¹ *Инкит* – озеро в Абхазии.

Бессонных грузных журавлей
Звучат встревоженные трубы.

Шум журавлиных криков смолк
С зарёю новой цвета крови...
Но долго я заснуть не мог,
Как будто в чём-то был виновен.

Перевод Ю. Лакербай

Всё прошло. Над бездной речи –
Взгляд потомка.
Словно жёрнов, тянет плечи
Лет котомка.
На пути встречал без меры
Душ пустынных
В череде парадных серых,
Лестниц длинных.
Гнёт бессмыслица, и нет
Страшнее хватки!
Без оглядки дни проходят,
Без оглядки.
Чаек жалобы все те же.
Грязи груды.
И в кофейне тот же шум
И пересуды.
О, поистине достойно
Осмеянья
Наблюдать, как птица просит
Подаянья,
Вспомняв, с душою в споре,
Пусть невнятно:
Чайка в море –
Белый парус в бездне речи.
Жернов дней необратимых
Давит плечи...

Перевод В. Еременко

НЕТ, НЕ УМИРАЕТ ЧЕЛОВЕК...

Настанет вечер, чем грустней, печальней –
Тем шире улыбнется человек,
Наступит утро хмурое, и дальней
Дорогой он уйдет от нас навек.

Его улыбка скрасит нам унынье,
С его теплом добрее станет злой.
И потому – ушедший – он доньше
Не разлучен с родимою землей.

Жить остается не одно лишь имя,
Живет и он, невидимый для глаз,
И где-то там, под сводами иными,
Он проливает тайный свет на нас.

Перевод Д. Чкония

ЕЩЁ ПЛЫВЁТ ПЯТНИСТАЯ ФОРЕЛЬ...

Еще плывет пятнистая форель...
еще летит олень тропой кремнистой.
еще бежит река лощиной мгливой.
еще слышна бессонной птицы трель,
еще в земле мерцают семена,
еще моря хранят себя от скверны,
еще благие небеса безмерны,
и звездами любая ночь полна...

А вдруг все это сон... Все сметено,
и бытие искажено страданьем,
и смерть одна царит над мирозданьем,
и будущее ужасает... Но –
еще плывет пятнистая форель,
еще летит олень тропой кремнистой
еще бежит река лощиной мгливой,
еще слышна бессонной птицы трель...

Перевод Н. Соколовской

Петитом в рамке: «Преждевременно...» или
«После болезни»... В местной газете
Уведомлень: жили, мол, были...
И нет тебя больше на белом свете.

Нет. Не пройдёшь уже этой тропкой.
Ни этой ленивой, ни той торопкой.
Не тронешь губами влажных соцветий.
Четыре строки в равнодушной газете...

В траурной рамке четыре строчки...
Ушёл, не дождавшись лопнувших почек.
В час, когда саду снилось цветенье.
Шаг – и сомкнулось Море Забвенья.

Ушёл, не простившись – туда, откуда
Нет возвращенья. А в сосудах,
В жилах кровь земли обновлялась,
Разогревая землю, толкалась...

«Светлая память...» Всё той же краской
И тем же шрифтом: двойная дата:
Родился – умер. А свет не гаснет,
Свет, что тобой был зажжен когда-то.

Перевод А. Марченко

Этери БАСАРИЯ

Басария Этери Федоровна – абхазская писательница, родилась в 1949 году в Абхазии, в селении Кутол, жила на Украине, в Киеве, писала на русском языке.

В 1972 году окончила МГУ, затем Литературный институт им. М. Горького. Автор романов «Взгляд поверх ворот, выходящих на луг», «На перекрестке», повестей «Хуторяне», «Первые километры», «Ги во владениях Обра»... Критики большинство ее произведений определили под понятие «лирическая проза». Живя вдали от родины, Этери Федоровна не ушла от своих корней, рассказывала в своих произведениях о трудных судьбах людей из Абхазии, особенно женщин.

Этери Басария скончалась в 2013 году. В 2011 году в Сухуме вышло два тома «Собрания сочинений Э. Басария». Как отмечают литературоведы, широкому кругу читателей еще предстоит знакомство с прозой Этери Басария, чей писательский талант также выразился в жанре фантастики.

БЫК УДАЧИ

Глава из повести

...Непонятно, почему, когда Рене понадобилась помощь, она не кинулась к Инару. Уж он не заставил бы себя дважды просить. Похоже, она самонадеянно решила, что сама справится безо всякой посторонней помощи. А уж к Андрею обратиться ей и в голову бы не пришло. Это он случайно увидел Рену. Она стояла на набережной перед гостиницей, несмотря на жару, зябко обхватив плечи руками, и выглядела, надо признать, довольно нелепо. Андрей и подошел спросить, кого она ждет здесь на солнцепеке, даже позволил себе пошутить, уж не его ли? Рена с таким отчаянием подняла на него глаза, что он даже растерялся, не предполагал, что она способна смотреть так – сироткой. Показалось: сейчас заревет, и слезы омоют темень ее глаз, начисто лишив их непроницаемости. На миг он пожалел об этом...

– Случилось что, Рена?

– Он остановился здесь, я знаю. Точно знаю.

– Твой... знакомый?

Он и не думал, что так худо станет от одного только предположения.

– В доме нашем дневал, ночевал, а теперь...

– Куда же Инар смотрит?! Впрочем, если надо проучить...

Она прикусила губу, что-то соображая, потом слабо усмехнулась:

– Папку надо забрать. С рукописью. А он не отдает.

– Какую еще папку?

Андрея отпустило, речь всего-навсего о каких-то бумагах.

– Рукопись деда. Моего. Он отдал ему. За месяц. Как это случилось...

Говорила она отрывисто, точно каждое слово железными клещами откусывала. Она больше не смотрела на Андрея и вроде даже досадовала на его расспросы.

– Хочешь, вместе пойдем?

– Он говорит: не брал никакой рукописи. Я видела. Дед при мне отдал. А он говорит: не брал! Она в единственном экземпляре. Рукопись...

– Почему твой... – Андрей замялся, знал уже, что у нее отчим, – отец не возьмется за это дело?

– Потому что взялась я!

Можно подумать, стояние под окнами гостиницы, разумеется, под ручку со справедливостью, можно было назвать так громко: «взялась». Он и загорелся показать, как берутся по-настоящему за дело.

– В каком номере остановился?

– В двадцать третьем, но...

– Жди меня здесь!

Он взлетел, перепрыгивая через ступеньки, на второй этаж, отыскал двадцать третий номер и решительно постучал в дверь. Она не была заперта и приоткрылась. Тотчас Андрея пригласили войти, и он, лишь переступив порог, вспомнил, что не удосужился справиться у Рены об имени обидчика.

Сухощавый мужчина среднего роста, усатый, очкастый, в отутюженных светлых брюках, голубой тенниске, открывавшей жилистые руки, густо покрытые полуседыми волосками, дружелюбно поздоровался и широким жестом пригласил сесть, ничем не выражая удивления (если и удивился!) по поводу неожиданного вторжения. По возрасту он годился Рене, а значит, в какой-то мере и Андрею, в отцы. Деду он никак не мог доводиться другом, разве что учеником. Любимым? Верным?

– Никак не привыкну к гостиницам в родном городе, – доверительно сообщил имярек. – Десять лет как переехал в Тбилиси, а никак не привыкну, – он усмехнулся, – к статусу гостя. Здесь у меня родственников и друзей – уйма. Нашлось бы у кого остановиться. Но зачем людей понапрасну стеснять? К тому же из окна море видно. Вот чего мне в Тбилиси недостает, так нашего моря...

– Верно, от моря нелегко отвыкнуть, – промямлил Андрей.

Постоялец номера кивнул, соглашаясь, и подошел к окну, выглянул наружу, точно хотел убедиться, что за время разговора ничего

непредвиденного с морем не случилось, и оно находится на прежнем месте.

Удостоверившись, что с морем все в порядке, он перевел взгляд на тротуар, усмехнулся чуть приметно. Андрей сообразил: номер расположен над главным входом в гостиницу. Значит, и площадка перед входом прекрасно просматривается.

– Вы, наверное, пропадаете на пляже, – доброжелательно проговорил имярек, отходя от окна. – Как вся молодежь.

– Предпочитаю реки. Горные.

Собеседник поднял брови, выказывая интерес. Ложный. И прошел к холодильнику.

– Хотите боржоми? Или предпочитаете, – он тут позволил себе улыбнуться, не насмешливо, нет, по-свойски, – что-либо покрепче?

– Мне – ничего, спасибо, – пробормотал Андрей с нарастающим чувством неловкости.

Теперь он понимал: влип в историю, как последний олух, влип, повел себя, как буйвол, который рвется к кукурузе, а ограды не замечает. Ограда же – вот она, здесь! Но уже деваться было некуда, и Андрей заставил себя сказать:

– Я к вам по делу...

– Если что в моих силах...

Хозяин ободряюще улыбнулся, взял из холодильника бутылку боржоми, два высоких стакана, еще раз жестом предложил присоединиться к нему – Андрей отказался – откупорил бутылку, наполовину наполнил стакан, почему-то посмотрел на свет, как вода пузырится, сел за стол, отпил маленький глоток и с ожиданием глянул на гостя, давая попять, что он – весь внимание.

– По поручению я... насчет рукописи профессора... короче, меня просили зайти. Словом, я... – Андрей беспомощно улыбнулся.

В конце концов, что он знал об этом человеке? К тому же по возрасту тот годился ему в отцы. И с этим нельзя было не считаться. Да и вообще попробуйте-ка взять за горло человека, дающего вам наглядный урок вежливости!

Имярек ничуть не удивился его словам, только печально наклонил голову и отставил в сторонку стакан, будто постыдился, что в знойный день наслаждается ледяным напитком, тогда как учитель (друг?) покоится в сырой земле. Но ведь все смертны, а старик почти выбился в долгожители. Хотя, правда, не выбрал времени упорядочить земные свои дела. Андрей вспомнил, что слышал – профессор скончался скоропостижно. Неожиданно представилось, как старик зимним днем вышел за порог погреться на солнышке – та зима выдалась на редкость солнечной – и тут настигло его. Он успел поднять глаза к небу, солнце высветило седой пушок на голове. Старик медленно опустил на порог,

и тихо угас свет в волосах и глазах. Так ярко, точно изнемогающий под собственной красотой кадр кинофильма, увидел это Андрей, и на душе полегчало. Как всякий зритель, он мог, совладав с эмоциями, проанализировать ситуацию. По здравому размышлению выходило: вряд ли в столь почтенном возрасте удалось бы профессору создать нечто новое, не требующее вмешательства, доработки...

– Вы – родич профессора? Вроде всех его близких знаю. Может, кто из подросших племянников?

– Нет, я не родич...

– Возможно, будущий?

Андрей почувствовал, что краснеет, а собеседник деликатно отвел глаза, поднялся со своего места, вновь подошел к окну, сказал, выглянув наружу:

– Зной не зной, а запах моря мертвого оживит.

Андрей кивнул, да, мол, оживит. Что еще оставалось?

– Относительно рукописи, – он повернулся и прямо посмотрел на Андрея, – так ведь давно уже все обговорено с Танасом. Зятем покойного. Мужем его единственной дочери. Кто же дал вам поручение? Ведь ближе дочери и зятя родни у покойного нет. Правда, жива еще жена профессора. Но она никогда не занималась его делами. Я имею в виду науку. У нее, кажется, и высшего образования нет. В житейской мудрости ей не откажешь, и вообще она на редкость сердечный человек. Мы студентами души в ней не чаяли.

Андрей решил, когда умрет вдова профессора, этот человек непременно придет на похороны и над гробом произнесет все то, что сейчас сказал, разве что опустит упоминание о невысоком образовательном цензе жены учителя. И присовокупит еще много от сердца идущих слов.

– Новую книгу выпущу с посвящением памяти наставника и непременно укажу, что его заметки были для меня при работе большим подспорьем. Я добьюсь этого.

– А кто против? – вырвалось у Андрея.

– Не то, чтобы против... Но Танас сомневается, надо ли упоминать о последних заметках, о злополучной этой рукописи. Между нами говоря, не много я из нее почерпнул. Вам пока трудно понять, но страшно подумать, какие перемены происходят с человеком с возрастом, даже с самым совершенным умом... – он вернулся к столу, рассеянно повертел в руке стакан с недопитой минералкой, мягко предположил: – Давно, наверно, дали вам поручение, а у вас все не было времени заняться?

Он указывал путь к почетному отступлению. Это-то Андрей сразу понял. Ума хватило. И пуще устыдился собственной выходки – нерасчетливой по-мальчишески. Подоплеку выходки он тоже видел: уж очень хотелось произвести впечатление на девушку, застрявшую у входа в

гостиницу. Но ведь никто не был обязан помогать ему производить впечатление...

– Извините, – он поднялся.

– Какие извинения! Рад знакомству! На сердце теплеет, когда встречаю таких красивых, таких умных ребят. Выходит, не оскудела еще наша сторона.

Андрея проводили до двери, пожали крепко руку, пожелали всего самого наилучшего.

Внизу терпеливо дожидалась Рена. Неужто и впрямь рассчитывала, что Андрей явится с рукописью, точно с забытым в номере свертком, в котором ничего привлекательного не нашлось для постороннего? Он вышел с пустыми руками и пылающим лицом, быстро проговорил с нарочитой обидой:

– Почему не предупредила, что твой отец в створе с... – он ступил на тротуар и поднял глаза: у окна, небрежно опираясь одной рукой о подоконник, стоял недавний его собеседник. Он не отступил в комнату, нет, свободной рукой непринужденно помахал Андрею. Рука произвольно дернулась в ответном приветствии. Позже Андрей тешил себя надеждой – жалкий незавершенный этот жест остался незамеченным Реной, так как она в это время углядела в окне имярека и... Андрею и в голову не могло прийти, что она способна на такое, не сопрягалось это с его представлениями о ее сдержанности, даже холодности. Она запрокинула вверх лицо, на шее некрасиво напряглись жилы, и вдруг пронзительно – Андрей похолодевшим затылком почувствовал, как люди, праздно шатавшиеся по набережной, обернулись к ним, – закричала:

– Вор! Без чести и совести! Вор!

Судорожно сжатыми кулаками она ударила себя по лбу в древнем жесте отчаяния ее бабок-прабабок и кинулась прочь от гостиницы.

Невозмутимый человек у окна, поймав взгляд Андрея, беспомощно развел руками, что, мол, тут станешь делать.

Андрей пошел следом за Реной, хотя далось это ему нелегко. Казалось: все с него глаз не сводят. Завтра весь город узнает: Рена скандалила у гостиницы, всласть посудачат люди. Предположения, конечно, будут разные и бесконечно далекие от истины. Истина всем покажется слишком нелепой и лежащей вне круга интересов молоденькой девушки.

Андрей догнал Рену, когда она была далеко от гостиницы. Она теперь не бежала, сломя голову, а, сутулясь, брела по берегу. Ему вдруг показалось, если она сейчас споткнется и упадет, то не станет подниматься.

– Послушай, зачем с ума сходить? Ведь не стал бы... отец поступаться правами твоего деда.

Она поехала, белые руки, выступавшие из коротких рукавов летнего платья, покрылись гусиной кожей, и Андрея разобрала жалость. Не зная, чем еще утешить, повторил:

– Твой отец, он бы...

Сорванным голосом она яростно отрезала:

– Отчим! Не отец вовсе! Прекрасно знаешь!

– Пусть так, дело не в этом...

– Верно... В другом! Лучше живая собака, чем мертвый лев. Вот как считает мой... хозяин моей матери. Покойникам – гнить, живым – жить! Так он тоже считает. Не веришь, можешь у него самого справиться! Торгует последним, что осталось от деда! Он приманивает нужных людей, как, – она остановилась, точно споткнулась, закусил губу, – свиней на желуди! И нет на него управы, нет!

Наконец-то она заплакала, но тоже как-то странно, не по-женски. Резким досадливым жестом, как непредвиденную помеху, Рена тыльной стороной ладони смахивала слезы. Андрей, вконец растерянный, вытащил из кармана чистый, вчетверо сложенный платок, и протянул ей. Ему стало приятно, когда Рена взяла платок, постаралась насухо вытереть глаза и даже заставила себя улыбнуться. Потом они медленно шли вдоль берега, и Рена бормотала как заклинание:

– Не оставлю этого так, не оставлю, увидишь, не оставлю.

Переполненный жалостью Андрей искренне желал ей удачи, но ни минуты не сомневался: ничего у нее не получится, зря она трепыхается.

– Извини, что втянула тебя, – поуспокоившись, сказала Рена.

– Я тому человеку в гостинице выдал все, что он заслужил! – с жаром заявил он не из желания выставить себя в лучшем свете, а в надежде хоть немного ее утешить. – Да что толку?

Рукопись деда Рена не отбила, что было очевидно с самого начала. Соперники, как говорится, выступали в разных весовых категориях. Но ее самое Андрей отбил от косяка друзей и близких в тот самый день. Правда, еще некоторое время он встречал девушку только в компаниях, но все вокруг, не только он один, почувствовали: что-то изменилось. И родич Рены уже больше не расхваливал при Андрее сестрицу, будто опасался, что кому-то в голову придет – он навязывает ее приятелю. И языкатая длинноногая подруга Рены, не дурнушка, между прочим, пристававшая к Андрею с шуточками: «Разгоню всех женишков и за тебя выскочу замуж!» – притихла.

Как-то, прогуливаясь по набережной с друзьями, Андрей, шутливо пререкавшийся с Реной, замедлил шаги, и она, приноравливаясь к нему, отстала от других. Друзья ушли вперед, они остались, точно два дерева на острове посреди реки...

Александр ПРЯЖНИКОВ

Писатель, поэт-переводчик, публицист. Действительный член Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа. Член редакционного совета журналов «Нана» и «Литературная Кабардино-Балкария».

Родился 22 апреля 1969 года в городе Новочеркасске. С детства учился музыке, английскому языку. Получил высшее техническое, высшее педагогическое и среднее медицинское образование.

В 1999 году принимал участие в работе Форума молодых писателей в Майкопе. В 2001 году был участником Первого всероссийского форума молодых писателей в подмосковном пансионате «Липки». В 2006 году начал сотрудничать с журналом «Нана» (г. Грозный) и журналом «Литературная Кабардино-Балкария» (г. Нальчик).

С 2006 по 2010 год работал редактором журнала «Театральный вестник». В эти годы журнал был единственным печатным изданием в России, которое подробно освещало театральную жизнь в национальных республиках Юга и Северного Кавказа.

Литературным переводом увлекся в студенческие годы. Переводил Шекспира, Байрона, Бернса. С 2006 года регулярно занимается переводами поэзии народов Юга России и Северного Кавказа.

Опубликованы переводы с кабардинского, балкарского, карачаевского, чеченского, калмыцкого, английского, турецкого и чешского языков.

В 2015 году был участником Первого всероссийского форума переводчиков в Звенигороде. Был членом экспертного совета «Антологии современной поэзии народов России». В 2016 году в Грозном вышла книга «Россия – Юг, который мы не знаем».

Автор нескольких поэтических сборников и множества статей. Круг интересов весьма широк и включает в себя общественно-политические вопросы, историю, литературоведение, театральную критику. Награжден многими медалями и почетными грамотами региональных министерств культуры.

В начале было лето

В начале было лето,
И лето было – свет,
А горсть живого света
Ценней горсти монет,

Как много в землю злата
Посеяли лучи,
Чтоб свет гребли лопатами
Южане-богачи.

В начале было лето,
И лето было – жар.
Тяжелый и бесцветный,
Как призрак мятежа,
Но где найти друг друга,
Чтоб скорый суд вершить,
Когда во всей округе
Не видно ни души.

В начале было лето,
И летом был покой,
Над тихой, словно Лета
Зеркальной рекой,
Не шевелилась ива,
И реку белый пар
Окутывал ревниво,
Как тонкий пеньюар.

В начале было лето,
И след его на мне
Пробьется ярким цветом
В бесцветной стороне.
И что мне похождения
И странствий вечный круг,
Когда из Царства Тени
Я возвращусь на Юг.

Степной мираж издалека
Меня берет измором,
Чтоб я смотрел на облака,
Воображая горы.

А в полдень рыжий-рыжий сон
Накроет лапой львиной,
И я во сне шагну на склон,
И побреду к вершине.

В Дни Осеннего равноденствия
Пара фраз означает действие,
Солнце плавится в облачной жиже
И Восток становится ближе.

В Дни Осеннего равноденствия
Ты спокойно идешь по лестнице
Вниз, по ребрам ступеней немых,
В непроглядный провал зимы.

В эти дни, перед долгой стужей,
Отгоняя тоску досужую,
Помни: в каждом движении твоём
Зачинается скорый подъем.

Бесстрастные и неподсудные
Снуют минуты круглолицые,
Ведь наступленья новых суток
Без сутолоки не случится.
Шагает в темноту грядущее
Из поколенья в поколение
К нулю, ферматою ревущему,
К извечной точке отправления.

Мороженой листвой
Корми меня, предзимье,
Теперь я только твой,
Свободный и красивый,
Теперь я одинок,
Да так, что и не верю,
Пускаясь со всех ног
Мороз шагами мерить.
Быстрее и тверже шаг, –
Пусть сатанеет холод,
В финале года наг
Мой непутевый город,
И даже не дыша
Похмельным белым паром

Спешит его душа
По грязным тротуарам.
Душа его горит
От мутного восхода,
И жар, и этот ритм
Хорош в финале года,
Под этот ритм легко
Слоняться до упада,
А больше – ничего,
По сути, и не надо.

Неужто дело в осени?
Дожди всегда случаются,
Но жаль нам безголосую,
Тщедушную печальницу
За облака над крышею,
За ночь, за тишину,
И от вина ожившую
Досадную вину.
Должно быть, так положено:
Тягучею отравую
Стекаются из прошлого
Дни радости и траура.
Дни, прожитые запросто,
Без толку, ни за грош,
Чтоб неизбежной старостью
Шуршал осенний дождь.

Человек выпускает пар,
Как застрявший в горле кошмар,
И холодный до синего воздух
Соглашается и не упорствует.
Человек выпускает пар,
Как торговец негодный товар.
Так, как будто без всякого дела,
Пишет по небу жидким мелом.

Дойти до тебя ночью,
Когда между нами, всего лишь,
Не шаг, а полшага, всего лишь,
И бездна бездарного дня.
А, может быть, дом обесточен,
И я ослеплен темнотою,
И кто-то хотел темнотою
Недвижимым сделать меня.
Дойти – это вовсе непросто,
Тем паче, что нет расстоянья,
Ну не дал Господь расстоянья –
Ни пяди меж мной и тобой.
Ах, если бы только не осень,
Не это бездарное время,
Пустое, бесцельное время,
Да мысли, что бродят гурьбой.
Пусть мчится секундная стрелка,
Шуршит и несется к финалу,
А, может, финал – лишь начало?
Ответа, увы, не найти.
Часы – это просто безделка,
С природой наивная сделка...
Как все это глупо и мелко,
Когда до тебя не дойти.

От чистого света ложится мазок,
От свежего ветра ложится мазок,
От города, спящего в мареве летнем,
От облака в небе ложится мазок.
Как будто бы я, прикоснувшись к тебе,
Как будто бы день, прикоснувшись к тебе,
И всякий, рожденный под солнечным светом,
Вдруг понял, что свет прикоснулся к тебе.
Нет лучше погоды, чем свет и тепло,
Нет лучшей награды, чем свет и тепло,
Ни опусов длинных, ни песен не надо,
Когда в них ни слова про свет и тепло.
Что клятва пустая, что глупый зарок?
Опять поутру оживет лепесток,
И нежные ветви объятя откроют,
И ляжет от чистого света мазок.

Ты мечтал эту зиму прожить без потерь,
Чтобы белым-бело, ну, так вот тебе...
Отворилась на Юг потаённая дверь,
И теперь начинается оттепель.
Эта оттепель сумраком полдень чернит,
В ноги падает прелью вчерашнюю,
Очень хочется ей, чтобы каждый был сыт,
Кто кружит над оттаявшей пашнею.
Пусть зима в январе неоглядно чиста,
Пусть сияет хрустальными высями,
Только эта нетронутая красота
Дань взимает случайными жизнями.
К сожаленью, на вид неприглядно добро,
Жирной слякотью мажется во поле...
Нету лучше поры для голодных ворон,
Чем январская черная оттепель.

Пусть будет свет белесый,
И будит, и разбудит,
Неверные морозы
Покроют окна мутью,
Дыханием прерывистым
Чахоточной зимы,
Которой надо выстоять,
Чтоб выстояли мы.
И выстрадать ей надо
В потешной карусели,
В тоскливых перепадах
От праздника к похмелью,
От холода – к распутице,
От страсти – к пустоте,
От песен праздной улицы
К раздумьям о нужде.
Ремни затянем туго,
Год прежний подытожив,
И вновь пойдем по кругу
Под новогодней ношей,
И пусть познает каждый,
Какая благодать:
Возмездия возжаждать,
Чтоб о любви писать.

Переводы из балкарской поэзии

КАЙСЫН КУЛИЕВ

Если с горами ты связан судьбой

Если с горами ты связан судьбой,
Будет любовь и удача,
Льдины весною заплачут,
Если с горами ты связан судьбой.

Если с горами ты связан судьбой,
Вновь абрикосы застелют
Землю белее метели,
Если с горами ты связан судьбой.

Если с горами ты связан судьбой
Радость захватит угрюмых
Песнями, танцами, шумом,
Если с горами ты связан судьбой.

Если с горами ты связан судьбой
Жизнь не застынет на месте,
Девушка станет невестой,
Если с горами ты связан судьбой.

Если с горами ты связан судьбой
Вспыхнет горячее пламя
В лютый мороз перед нами,
Если с горами ты связан судьбой.

Если с горами ты связан судьбой,
Солнце умоется снегом,
Мысль пробудит Человека,
Если с горами ты связан судьбой.

Из английской поэзии

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

Коль будет так

Коль разум сбережешь, когда вокруг тебя
Его теряют все и в том винят тебя,
Коль, зная, что ты прав, когда бранят тебя,
Ты скажешь всем назло: «Пускай бранят еще!»
Коль сможешь ожидать, не сетуя на сроки,
И, пережив навет, не прослывешь лжецом,
Коль ненависть познав, не вырастешь жестоким,
И, зная обо всем, не выйдешь гордецом.
Коль проживешь, мечты не сделав господами,
Коль думы не сочтешь превыше прочих благ,
А повстречав Триумф и Гибельное пламя,
Сумеешь сделать вид, что встретил двух бродяг.
Коль сможешь пережить, что все твои открытья
Мошенник превратил в ловушку для глупцов,
И, увидав, что жизнь бессовестно разбита,
Ты старым топором собрать ее готов.
Коль сможешь побеждать легко и не однажды,
Поймешь, что риск несет нечаянный провал,
Но вновь идет на старт лишь тот из проигравших,
Кто навсегда забыл о том, что проиграл.
Коль свой сердечный ход и силу сухожилий
Сумеешь содержать без болей и забот,
То в день, когда они поймут, что отслужили,
Одна лишь Воля им скамандует: «Вперед!»
Коль, говоря с толпой, останешься бесстрастным,
Сумеешь с королем не потерять лица.
Ни враг, ни лучший друг отныне не опасны,
А прочие поймут, но пусть не до конца.
Коль за минуту до последнего паденья
Ты упредишь беду, оставшись с ней один,
То знай, ты – этот мир, ты – все его творенья,
Нет, больше, ты теперь – Мужчина, ты – мой сын.

Тамерлан ТЕХОВ,
кандидат филологических наук

УСЛЫШАТЬ СЕРДЦА МОНОЛОГ...

Представляя творчество молодых поэтов и прозаиков Осетии, в первую очередь хочется отметить их оригинальный почерк, свежее дыхание и задор, который никогда не помешает тому, кто настроен делать уверенные шаги в мире творчества.

Залина Басиева – лауреат республиканской литературной премии для молодых авторов им. М. Камбердиева, лауреат международной премии «Буламаргь», автор нескольких поэтических сборников, чувствует слово родного языка всем сердцем, и потому ей не сложно было создать стихотворение «Монолог моего сердца». С другой стороны, выразить в стихотворении собственные чаяния, радости и горести, бывает иногда сложнее, чем говорить о ком-то другом. «Истают бедствий рубежи – / Я буду вновь тебе служить», – эти слова соотносятся и с призыванием самого творческого деятеля, бескорыстно служащего своему народу, преподносящему ему в дар содержательные произведения. По своему чувствует поэтесса и мелодию величественного чувства любви. Вьюга, по ее словам, может «память замести», но «тень моя – легка и бестелесна – все так же к тени тянется твоей...» Сказано искренне, нежно, точно и проникновенно. Выражена мысль о том, что истинные чувства любви угаснуть не могут, потому как вьюга царствует не вечно, вслед за ней непременно приходит весна. И в сердце – тоже...

Свою дорогу в поэзии продолжает искать и Заурбек Габолаев, тоже тонко чувствующий вкус родного слова. «И пусть слова людей порою лживы, – / Смотри в глаза – нет их огня святых. / И если мы еще на свете живы, / То лишь благодаря их чистоте», – подобное может сказать лишь натура чувствительная, стремящаяся разобраться в сложном клубке человеческих взаимоотношений. С тем, чтобы предательство, подлость, обман не затмевали глаза, которые даны Всевышним и природой для того, чтобы видеть добрые дела и созидание. И еще – мысль может быть лживой, а вот глаза, «два озера души», как называет их поэт, лгать не научились. Будем надеяться, что и не научатся никогда, иначе мир, и так ввергнутый в хаос, разрушится совсем, ибо разглядеть чистоту помыслов будет совсем невозможно. Тем более – в век потребления, прежде всего поглощающий духовные ценности и нравственные устои малых народов. Потому и бьет тревогу поэт: «Мы к «ложной» правде выстлали дорогу – / Металл презренный нам иконой стал...»; «Как жить без чести, без добра, без правил? / Что ждет народ, избравший этот путь?..» Пока по пути поклонения этому самому «презренному металлу» идет вся

страна. Но к истокам предстоит возвратиться всем нам. Одумавшись, оглядевшись, мы непременно поймем, что современнику, да и последующим поколениям, нужны далеко не только хлеб и зрелища. Знания, заключенные в книгах, потребность делать что-то хорошее для общества – все это из внутреннего мира человека никуда не ушло, а только оказалось во власти мнимых идеалов.

«Только тот, кто богат душой, наполнен добром, идет по светлой дороге счастья», – эта мысль удачно выражена в одном из лучших на данный момент стихотворений Валерия Гасанова. Он лучится оптимизмом, обязательно, конечно, присущим молодому поэту. Но, следует думать, от доброжелательности и стремления делать хорошее он не избавится никогда.

Интересны в исполнении Валерия Гасанова и попытки философского осмысления темы вечности и места человека в ней. «Как золотой песок, бегут стремглав / Сквозь пальцы Счастье с Временем вдвоем», – эти строки, скорее всего, навеяны чтением высокой поэзии классиков, но задают верный тон и настрой на дальнейшее словотворчество.

Творческий почерк членов литературного объединения «Суадон» («Родник») при Центральной городской библиотеке г. Владикавказа, оттачивающих талант под руководством заведующей отделом национальной литературы Риммы Мурашевой-Дзугаевой, пока только укрепляется. Но если имеются строчки «Не отыщешь мест прекраснее, чем Ир, / Где с тобою мы в ладонях гор живем» (Амина Гасинова), «И у Реки Времен большой-большой / Мы посидим вдвоем с моей душой» (Алана Бестаева), «Знай обычаи предков и ключ к ним – язык. / Это – соль нашей жизни, она первозданна...» (Агунда Хозиева) потенциальные продолжатели больших традиций осетинской литературы уже не тратят время зря. Талант – он очевиден, остальное, при работе над собой, непременно приложится.

О многом заставят задуматься и рассказы другого лауреата республиканской литературной премии для молодых авторов им. М. Камбердиева Асланбека Касаева. Почему человек переступает через черту, которая и лишает его звания Человека? Возможно ли покаяние, и что им вообще можно еще исправить? Об этом и многом другом размышляет талантливый прозаик.

В заключение отметим великолепные переводы Натальи Куличенко, члена Союза писателей России, помогающей молодежи в благом деле расширения границ своего слова. Всем им, молодым творцам, – доброго пути, осуществления благих начинаний, а читатель пусть слышит и по достоинству оценивает монологи их сердец...

Залина БАСИЕВА

Монолог моего сердца

Я чувств стрелою пронзено,
На небеса вознесено,
Благословенно, трижды клято,
Низринуто в пучину ада.
С тобой я – в связке вен и жил,
Пока я бьюсь – и мир твой жив!

Я знаю радость и печали,
Порою мой аллюр отчаян!
Ночами ты меня звала
К себе – а после прочь гнала.
В своей любви клялась ты мною
И, словно нож, порой noctную
Вонзала в нежность и любовь –
И капала из раны кровь...
То было живо – то разбито,
А после по кусочкам сшито;
Дотла бывало сожжено,
Под камнями погребено, –
Всё выдержало я с лихвой:
И вихрь упрёков огневой,
И равнодушья стылый лёд...
Я знало: это всё пройдёт,
Истают бедствий рубежи –
Я буду вновь тебе служить.

Между нами пропасть...

Черна, бездонна пропасть между нами,
Остановило время счастья бег.
Неужли стали мы с тобой врагами?
Кого винить в несбывшейся судьбе?

Слова умолкли в сумерках бездонных,
Раздвоена совместная тропа.
Приют для одиноких и бездомных –
Пустая ночь бесцветна и слепа.

Смотрю я с безнадежною тоскою
В твои глаза, ловя ответный взгляд.
Откуда ж одиночество такое?
И кто из нас в несчастье виноват?

Для нас двоих тропинка стала узкой,
А ноша неподъемно-тяжела,
Стал звездный свет безжизненным и тусклым,
И вьюга нашу память замела.

И вот теперь легла меж нами бездна –
Попробуй-ка её преодолей...
...Но тень моя – легка и бестелесна –
Всё так же к тени тянется твоей...

Заурбек ГАБОЛАЕВ

Мой взгляд

Мои слова обманчивы порою,
Но ты меня за это не вини,
И если на словах я что-то скрою,
То ты в глаза мне просто загляни:

Два озера души – в ответном взоре,
В них боль и счастье плещутся на дне,
Пожар закатов и рассветов зори,
И нежный свет надежды в глубине.

Что невозможно выразить словами –
И слов таких не знает наш язык! –
Всё то, что есть и было между нами, –
Мой взгляд тебе расскажет напрямик.

Когда бы боль глаза не отпускали, –
Она б из горла желчью прорвалась!..
Взгляни в глаза – они солгут едва ли:
Они ни разу не предали нас.

И пусть слова людей порою лживы, –
Смотри в глаза – нет их огня святей.

И если мы ещё на свете живы,
То лишь благодаря их чистоте.

Построй свою башню

Ты молод – построй свою башню
Из добрых и праведных дел.
Дерзай и старайся – не страшно
Летать в небесах, если смел.

Отцовское благословенье
Пуškai в тебя силы вольёт,
Пусть каждое жизни мгновенье
Несёт тебя вверх и вперёд.

И если труда не боишься –
Сам Бог на твоей стороне!
Мужчиной тогда состоишься,
Когда закалишься в огне.

Твори же, выдумывай, пробуй –
Строй башню свою, не ленись!
И, высшей отмечена пробой,
Пусть будет достойная жизнь.

«Как сладок ты, глоток горного воздуха...»

Когда душа усталости полна,
Когда её объяла нелюбовь, –
Езжайте на природу – вам она
Даст силы жизни радоваться вновь!

Как сладок горный воздух поутру –
Волью его в себя, вдохну, вберу –
И два крыла взвьются за спиной!
И ветер не утонится за мной!

Восход в горах – как новой жизни знак,
Он ал и нежен, как расцветший мак,
Он в сердце снова разожжёт костёр,
А над землёю разобьёт шатёр

Из облаков, подсвеченных зарёй,
Плывущих величавою ладьёй...

Любимый край! Когда б воспеть я мог
Всю красоту вокруг, что создал Бог,
Я пел бы днём и ночью гимн любви:
«Любимый Ир! Расти, цветы, живи!»

Скажи, Коста...

Скажи, Коста, зачем ты убивался?
За что страдал? Всё было снесено...
Для будущего светлого старался –
Да только нам не ведомо оно.

Нам чужды предков доблестных заветы,
Аланский Кодекс чести – не в чести,
Поправ законы, не стремимся к свету...
Что сможет нас от гибели спасти?

Мы к ложной «правде» выстлали дорогу –
Металл презренный нам иконой стал,
Втоптали в грязь святое имя Бога
И осквернили руганью уста.

Над разумом инстинкты верховодят,
Наш идеал – хапуга, лжец и трус.
Скажи, Коста, что с нами происходит?
Мой Иристон, я за тебя боюсь:

Духовный стержень твой и ржав, и сломан,
Забывает агьда. Бедам нет конца...
Коста, проснись! Скажи такое слово,
Что оживило б мёртвые сердца!

Где жёлтый дьявол рабским миром правит,
Где смрад пороков не даёт вздохнуть, –
Как жить без чести, без добра, без правил?
Что ждёт народ, избравший этот путь?..

Валерий ГАСАНОВ

Тревожные думы

Жизнь полна обмана и порою лжива,
В ней полно корысти, алчности оков.
Кто богат деньгами, бог его – нажива,
Сердце его глухо к стонам бедняков.

Там барыш – икона, там азартность – вера,
Там доходы, прибыль, дивиденды – цель.
Главное – не дружба в жизни, а карьера,
Выгода, престижность, деньги, Куршавель.

Что ему до жизней сырых и убогих?!
Нравственность с моралью – просто звук пустой.
Из породы сильных хищников двуногих,
Всё, что не в прибыток – для него «отстой».

Кто ж богат душою, кто добром наполнен,
Для людей кому не жалко ничего, –
Солнышком лучистым мир его напоен
И светла дорога к счастью у него!

Не доверяйте счастью...

Не доверяйте счастью быстротечному –
Так призрачны порой его огни.
Нет ничего – увы! – на свете вечного,
В небытие всегда уходят дни.

У Господа на всех не хватит счастья –
Успей поймать, что отдано тебе!
Ты над своей судьбой порой не властен,
Притормозить её не можешь бег:

То на коне верхом победно скачешь,
То о скалу споткнёшься тяжело.
Сегодня счастлив ты – а завтра плачешь:
К другому счастье от тебя ушло...

Всё – преходяще. Соломон был прав –
Тот перстень сквозь века горит огнём.
Как золотой песок, бегут стремглав
Сквозь пальцы Счастье с Временем вдвоём.

Маме

В слове «мама» – и мягкость, и свет,
Мама – оберег и талисман.
Жить и здравствовать маме сто лет, –
Её сердце – любви океан!

Мне улыбка твоя, как бальзам,
Сколько нежности очи таят!
В этом мире среди множества мам
Ярче солнышка – мама моя!

Счастьем сына ты окрылена,
Мне желаешь дороги прямой.
Мама, ты мне, как воздух, нужна,
Небом посланный ангел земной!

Материнское сердце – мой щит,
От болезней и бед защитит.
Если ж я заплутаю во тьме,
Путь осветит, как факелом, мне.

Твои руки мне дарят тепло,
Создают изобилие в дому.
Я укрыт твоим лёгким крылом...
Мама, дай я тебя обниму:

Эта песня – мой искренний дар,
В твою честь я её пропою.
Ты со мной и во мне – навсегда,
Мама, я тебя очень люблю!

Артуру Гонганшеву посвящается

Свой путь – я знаю! – Вы отыщете в искусстве,
Гармонь в руках у Вас как будто бы поёт.
Вы мыслите объёмно, глубоко, не узко,
И преисполнен сил Ваш творческий полёт!

Дерзайте! Ваш талант и смелость – Вам в подмогу!
Пусть Вас Господь хранит на жизненном пути
И к Храму мастерства укажет Вам дорогу, –
Желаю без потерь Вам до него пройти.

Коста Хетагурову

Ты был правдив, высок своей душой,
Во имя правды крестный путь прошёл!
Ты не боялся клеветы лжецов,
Жил по заветам дедов и отцов,
Огнём сердечным освещая тьму,
Ты слово нёс народу своему!
И по сей день горит оно огнём –
Любовь к земле родной искрится в нём!
«Ирон фандыр» – наш Кодекс и Устав –
Настольной книгой для народа стал.
В твоих стихах живёт надежды свет,
Когда от горьких дум покоя нет,
Когда готовы крылья мы сложить, –
Твой стих звенит и заставляет жить!
Даёт нам силу – для стремленья в высь,
Даёт нам веру – чтоб сердца зажглись!
И если будут помыслы чисты,
Как завещал в своих твореньях ты, –
Настанет царство счастья и добра,
Где каждый будет только друг и брат,
И будут правда с разумом в чести –
И всех Господь возлюбит и простит...

*Амина ГАСИНОВА,
член литературного объединения «Суадон»
при Центральной
городской библиотеке г. Владикавказа,
учащаяся 10 класса,
победитель многих республиканских
литературных конкурсов*

Моей маме

Моя мама – моё сердце,
Моя мама – жизнь моя!
Распахну я в душу дверцу:
Я и мама – мы семья!

Коль уеду вдруг далече,
Станет грустно мне одной,
Буду плакать каждый вечер
Я без мамочки родной.

И она грустит без дочки
Каждый врозь прожитый час –
SMS-ки и звоночки
Крепко связывают нас.

Мы считаем дни до встречи,
Мы минутам счёт ведём...
Это так по-человечьи:
Мы друг друга очень ждём!

Я для мамы – солнца лучик,
И скажу вам, не тая:
Нет на свете мамы лучше,
Чем любимая – моя!

Осетия

Даже если ты объедешь целый мир
Со свечой, а то и с мощным фонарём,
Не отыщешь мест прекраснее, чем Ир,
Где с тобою мы в ладонях гор живём.

Удивительно сердечен мой народ,
Восхитительна природная краса!
И душа от счастья радостно поёт
И как будто бы взлетает в небеса.

Вот равнин лежат цветочные ковры,
Водопад – как шёлк из дёвичьих волос.
Наши реки говорливы и быстры,
А Казбек, как Уаиг – стальной колосс –

Охраняет светлый сон твоих лугов
И прохладного ущелья полутень...
Край мой дивный, как пристанище богов,
Средь величия суровых скальных стен.

Вечный Терек волны бурные несёт
По земле моей – и жизнь кипит на ней!
Эти горы, эти реки – это всё
Моя Родина. Что может быть родней?

Здесь семья моя и лучшие друзья,
Мой источник вдохновенья и любовь.
Я – твоё дитя, моя Осетия!
Я дышу тобой, живу одной тобой!

Я клянусь: тебя вовеки не предаю,
Уважения делами заслужу.
Свою силу, ум и все мои года
На алтарь любви тебе я возложу.

Здесь мой корень, мой исток, моя стезя.
Говорю, на сердце руку положу:
«Мне без Родины моей никак нельзя,
Только вместе будем к звёздам путь держать!»

*Алана БЕСТАЕВА,
член Литературного объединения
«Суадон» при ЦГБ
г. Владикавказа, учащаяся 11 класса
МБОУ СОШ № 4
г. Беслан, лауреат литературной премии
«Буламаргъ»*

Осетинка

Когда я слышу Нартовские песни
Или молитвы, что звучат в тиши,
Скажите мне: что может быть чудесней,
Что может быть дороже для души?

Когда мне всадник – величав и светел –
Дорогу уступает на пути,
Ответьте мне: а есть ли что на свете
Красивей, чем законы осетин?

За то, что я души не чаю в крае,
Что Родиной моей навеки стал,
За то, что мой восторг почти бескраен
И гимн земле родной поют уста,

За то, что я, мечтой моей влекома,
Стремлюсь к горам – туда, где воздух чист, –
Я часто слышу от моих знакомых:
«Да ты – подруга – националист!»

Но кровь алан в моих струится венах,
И предков зов мне слышен сквозь века.
Люблю мой край светло и неизменно –
Шум горных рек, уступы чёрных скал,

Лугов высокогорных разноцветье,
В папах снежных горную гряду...
Любимый край один такой на свете –
Он властелин моих девичьих дум.

Я – дочь твоя, Осетия родная!
...Когда ж меня накроет Вечный сон,
Прошу – чтоб ТАМ была бы не одна я –
На памятнике – выбейте – «ИРОН»...

В волосах твоих чёрных вижу пряди седые,
И бороздки морщин испещрили лицо,
Но по-прежнему быстр ты, глаза молодые –
Как у внуков твоих – близнецов-сорванцов!

Хоть и злишься на годы, что давят на плечи,
И порой не поднять от усталости рук, –
Я читаю в глазах твоих предков наречье
И фандыра я слышу знакомый мне звук –

Песню воинов наших про доблесть и силу,
Что от века звучала средь горных теснин.
Я смотрю на тебя: Солнца Сын, как красив ты!
Ты на Бога похож, мой родной Осетин!

Ты – мужчина, кремён. Ты из скальной породы,
Всей земли нашей вождь и её господин,
Корень жизни самой, сотворённый природой,
Соль Земли – ты во всех ипостасях един.

Ну а женщина – это цветущая крона
И на древе твоём созревающий плод...
Профиль твой – как чеканный портрет с медальона.
Ты – мужчина. Ты – мира и счастья оплот.

Ты – носитель законов, традиций и истин,
Ты – защитник людской от напастей и бед,
Ты душою широк, честен, добр, бескорыстен –
Настоящий Ирон! Я горжусь тобой, дед!

Есть чудо, что даровано лишь мне:
Печалюсь я и радуюсь вдвойне
Тому, как солнце светит в вышине,
Как лунный свет течёт с небес во сне.

Земля, что щедро дарит благодать,
Её вдвойне готова мне отдать!
И сердце, что стучит в моей груди,
Сулит как будто вечность впереди.

Всё, что в себя вмещает окоём,
Моя душа и я храним вдвоём.
И у Реки Времён большой-большой
Мы посидим вдвоём с моей душой,

А позже возвратимся к ней опять –
И та река двоих нас будет ждать.
С душою всё у нас напополам,
И всё – вдвойне. Такие вот дела...

*Агунда ХОЗИЕВА,
член литературного объединения
«Суадон» при ЦГБ г. Владикавказа,
учащаяся 8 класса,
победитель республиканских
литературных конкурсов*

Осетинка

В этом мире запутанном, многоголосом
Как себя сохраним и для жизни спасём?
Обращаюсь я к бабушке с главным вопросом:
«Кто мы есть на земле и куда мы идем?»

В чём отличие меня, осетинки, от прочих?»
Мне ответила бабушка, к сердцу прижав:
«Наш агъдау в веках неизменен и прочен,
Кто не знает его – тех мне искренне жаль.

Над собою работай всегда неустанно,
Знай обычаи предков и ключ к ним – язык.
Это – соль нашей жизни, она первозданна,
В мир морали и нравственных дел проводник».

Мой родной край

Нет имени прекраснее на свете
И слаще, чем любимая Осетия!
Великие Аланы и Сарматы
Тобою возвращены. Теперь, сама ты

В объятьях белоснежных пиков горных,
Хрустальных рек и ветров животворных
Красуешься на радость своим детям,
И солнце счастья над тобою светит!

Твой чистый воздух для меня – лекарство.
Осетия – моих мечтаний царство!
Хочу здесь жить и для тебя трудиться,
Чтоб мною ты всегда могла гордиться.

Не знаю ничего родней на свете я,
Чем песня сердца моего – Осетия!

Мой друг

Тяжела наша жизнь – что могу я сказать?
Дни такие случаются в каждой судьбе:
Ложью сердце разбито – и стонет в слезах,
Снова мир лицемерия тянет к себе.

Если я повстречаю недобрых людей,
Моё сердце сожмётся от боли и мук,
Словно вдруг побывало под градом камней...
Пред тобою я в чём провинилась, мой друг?

В чём была неправда пред тобою – скажи,
Если тень недоверия выросла вдруг,
Ты за пазухой камень, мой друг, не держи,
Будь со мной откровенным, будь искренним, друг!

Крик души моей бедной, Всевышний, услышь!
Верю я, вопреки всем наветам и лжи,
Солнце дружбы взойдёт – выше сосен и крыш! –
И осветит любовью и радостью жизнь!

*Асланбек КАСАЕВ,
лауреат республиканской литературной
премии им. М. Камбердиева*

ДОЛЯ ЖАДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Прямые потомки легендарных алан осетины всегда и везде помнили о чести своей и берегли её. Любили достойную жизнь, стремились к ней.

Когда осетин, особенно горец, становился самостоятельным, то он непременно брал в руки ружьё, охотился и в нужный час мог постоять за свою честь в бою с врагом.

Осетины были отменными охотниками. Но бывало и так, что во время охоты происходили несчастные случаи, когда охотник мог нечаянно сорваться со скалы и упасть в глубокую пропасть, пропав без вести для односельчан. И тогда его тело по людским обычаям не предавалось матери-земле...

Так, в одном горном селении жил состоятельный горец Бечир. Его считали одним из лучших охотников того селения. У Бечира был берёзовый посох, на котором он после охоты делал зарубки. Эти отметины говорили о том, сколько он убил горных туров на охоте. А он их убил уже столько, что на посохе не осталось больше места для новых зарубок.

Бечир, когда отправлялся на охоту, по охотничьей традиции брал с собой лук и две стрелы или ружьё и две пули. Одна из этих пуль или стрел предназначалась для дичи, а другая – на случай, если на пути встретится волк или другой опасный для жизни человека зверь.

В тот день Бечир чувствовал себя неважно. После ужина, когда все легли спать, он никак не мог уснуть. Но глубоко за полночь ему всё же удалось перебороть себя и заснуть. И вот привиделся ему сон: как будто явился ему белобородый высокий старец. На голове у него были олени рога, в руке берёзовый посох. Этот посох он направил остриём на Бечира, сказав при этом: «Если ты посмеешь ещё раз убить хоть одного из моего стада, то я прокляну тебя!»

После этого видения Бечир резко проснулся и больше спать уже не смог, а утром он рассказал этот странный сон своей жене. Та долго смеялась над видениями мужа. А вскоре они и вовсе забыли про сон.

Сколько с тех пор миновало времени – бог весть, но однажды, когда младший из его сыновей был прикован болезнью к постели, Бечир решил вновь пойти на охоту. Взял он лук и две стрелы, как обычно, и, не предупредив семью, ранним утром отправился в путь. Он не знал о том, что именно в ту ночь состояние его больного ребёнка резко ухудшилось.

Не вернулся глава семьи в тот день домой, переночевал в пещере. Наутро, после долгих походов по горам, он, наконец, увидел самку тура с ягнёнком. Убил он её, оставив ягнёнка на произвол судьбы без матери.

Разделав тушу, радостный Бечир возвращался домой. И когда уже вдалеке показалось его село, то он через бинокль увидел, что сельчане там почему-то очень сильно суетятся. Но Бечир никак не мог понять на расстоянии, что ж там происходит. И он продолжил свой путь. Когда он добрался до села, ему навстречу вышли четверо мужчин, которые с прискорбием и сообщили Бечиру о том, что этой ночью его младший сын скончался. Из рук охотника выпал лук, он скинул рюкзак с тушей и схватился за голову...

Когда он дошёл до своего дома и увидел младшего сына на смертном одре, то зарыдал в голос... На третий день ребёнка похоронили со всеми горскими почестями.

С тех пор Бечир как-то резко ослаб. А сельчане между тем продолжали обсуждать его сон, подразумевая, что его сын своей жизнью расплатился за грехи отца. Про сон же односельчане узнали от жены Бечира – не зря говорят, что слово под языком женщины хранится столько, сколько хранится вода в решете.

Проходили дни, месяцы. Со смерти сына Бечира прошло довольно много времени. Жизнь тихонько налаживалась. Хоть и трудно было семье без ребёнка, но они смирились с неизбежностью.

И вот опять настал такой день, когда Бечир вздумал снова пойти на охоту. «Хороший охотник свою привычку не бросает», – гласит осетинская поговорка.

Подготовился он, и когда ночь и утро обменивались местами, Бечир отправился на охоту. К обеду он уже был на вершине чёрной горы, а к вечеру убил хорошо упитанного тура и с добычей вернулся домой. С вечера увлекшись разделыванием туши, он даже не заметил, как рассвело. Наутро сварил мясо, вдоволь накормил семью и занялся домашними делами. Стемнело. Поужинав, семья легла спать. Бечир уснул быстро. Сколько он проспал – неизвестно, но его во сне вновь посетил тот же старец. И если в первый раз он был вежлив и обходителен, то теперь был зол и груб, а в руках у него был берёзовый посох с зарубинами, принадлежащий Бечиру. Встал старец во весь рост над охотником и громко произнёс: «Тебе мало того, что ты уже однажды расплатился за свои грехи? В следующий раз тебе будет ещё хуже!» Сказал – и исчез.

Бечир резко проснулся, подскочил, оделся, побежал в хлев, схватил ружьё, закинул в карман гильзы, на плечи – рюкзак и, никого не предупредив, отправился на чёрную гору охотиться, при этом возмущённо восклицая: «Кого этот старый хочет запугать?!»

Стало рассветать, когда Бечир добрался до места охоты. Долго он бродил по горам, но удача всё не шла к нему, дичи не было. Присел он

со злости отдохнуть. Глядь – прямо над длинным ущельем пасётся стадо горных туров, а на краю скалы стоит белый, как снег, круторогий тур. Увидев это, Бечир засветился от предвкушения удачи, а его глаза засверкали от счастья. Подобрался он к стаду, спрятался за выступом горы и прицелился в белого круторогого тура. Раздался выстрел – но пуля из ружья не вылетела! Стадо от испуга разбежалось в разные стороны: одни животные убежали вверх по ущелью, другие, вместе с белым туром, побежали в сторону крутой горы. Бечир, крадучись, шёл медленно, зорко высматривая добычу. Вдруг видит – прямо над обрывом, гордо подняв голову, стоит тот, за которым он охотится – белый круторогий тур.

Как только Бечир прицелился в него, он, неторопливо перепрыгнув обрыв, спрятался за горой. И таким образом белый тур заманил охотника на такое место, откуда очень трудно выбраться живым. Увидел снова Бечир тура, прицелился, выстрелил – и опять мимо! Но тут от грохота выстрела горы задрожали – и из-под ног Бечира ушла земля, скала обвалилась вниз. Слетел Бечир с того обрыва, упал в глубокую пропасть. Разбился, но по воле судьбы не умер – остался он ночью один в холодном ущелье. И много у него было времени, чтобы понять и осознать свои ошибки. Именно тогда он и понял, что тот белобородый старик с посохом был покровителем лесных животных – Афсати. Понял Бечир и то, что в облике белого круторогого тура тоже был он. Осознал, что сын его младший принял раннюю смерть по его отцовской вине, расплатившись своей жизнью за его грехи. Понял охотник и то, что был слишком гордым и довольным жизнью, что его поступки – это не поступки охотника, а деяния подлого человека...

Как только на рассвете первые лучи солнца осветили вершины гор, Бечир сделал последний глубокий вздох – и умер. Несколько дней тело несчастного охотника пролежало в глубоком ущелье. А нашли его с помощью чёрных ворон, что парили над ним и жаждали вкусить его мёртвое тело...

ЛЕГЕНДА О СТАРОЙ МЫШИ

Осенний солнечный день. Люди убирают свой урожай. У дворов сельских домов стоит упитанный скот. Одним словом, в этом году у всех всего – в изобилии, и сердца людей радуются: никого не обделил вниманием покровитель изобилия Мкалгабыр. Да и покровитель домашнего скота Фалвара тоже не пожалел для молящихся ему людей радости. И весенний труд вернулся народу годовым изобилием.

На краю одного горного селения жили старик со старухой. Они не жаловались на жизнь, не гневилы Бога. Была у них одна корова, овца и несколько курочек. Единственное, чего у них не было, так это наследников. Но на всё воля Божья.

В один прекрасный день старик подошёл к своему амбару. Смотрит – а там мышь проделала себе дыру, откуда воровала зёрна. Увидев это, старик разбушевался. Взял он мышеловку и установил её прямо у дыры.

Мышь больше не могла воровать зёрна. Понадеявшись на помощь курочек, мышка побежала к ним и пожаловалась на старика, при этом попросив их, чтобы они своими клювами захлопнули мышеловку. Выслушав мышку, курочки отказали ей в просьбе, сказав, что им лично мышеловка ничем не мешает.

Тогда мышка побежала к овце, пожаловалась и попросила, чтобы та захлопнула мышеловку своими рожками. Но и овца отказала мышке.

Тогда мышь побежала к корове: «Прошу тебя, корова, ударь своим копытом мышеловку, чтобы она захлопнулась! А то я не могу из амбара зерно унести. Я уже вторые сутки голодаю – помоги мне, пожалуйста!»

Корова выслушала мышь и говорит: «Слушай, мышь, то, что ты голодаешь, меня должно как-то волновать? Иди вон в отходах что-нибудь поищи для себя», – и отвернулась.

На второе утро откуда ни возьмись приползла ядовитая змея и угодила в мышеловку. Змея смотрит – идёт хозяйка дома. И решила она притвориться мёртвой, думая, что хозяйка возьмёт и выбросит её, а она позже сможет уползти. Но когда старушка увидела змею, то побежала и принесла лопату, подошла близко к мышеловке и как только решила ударить лопатой змею – та её укусила за ногу.

Старушка закричала, на крик сбежались соседи. Занесли женщину домой, уложили на кровать, выдавили яд и перевязали ей ногу.

Но нога продолжала опухать, и старушке становилось всё хуже. В это время кто-то посоветовал дать больной куриный бульон – дескать, он поможет в лечении. Старик зарезал кур, чтобы сварить старушке бульон. Но и это ей не помогло, ей становилось всё хуже и хуже.

Люди толпами ходили в их дом, чтобы проведать больную, а по законам гор каждого гостя нужно непременно усадить за стол и накормить. Поэтому, чтобы в доме было угощение для всех приходящих, старик был вынужден зарезать овцу.

Но старушке ничего не помогло – она скончалась. А чтобы похоронить супругу с почестями и справить ей достойные поминки, старик приказал зарезать корову.

Мышь издали смотрела на всё происходящее и думала о чём-то своём. А потом подняла голову и произнесла: «Жизнь непредсказуема, и порой надо бывает прислушаться даже к тому, что говорит простая мышь».

Перевод с осетинского Натальи Куличенко

Об авторе

Рубин Мухарбиевич Физиков родился 17 марта 1949 года в большом абазинском селении Красный Восток, расположенном в верховьях реки Кумы. Еще в школьные года начал писать стихи. Учился в политехническом институте, служил в армии, затем работал по выбранной специальности инженера-строителя промышленного и гражданского строительства – более 600 объектов на территории СССР и Российской Федерации. Прошел путь от мастера до начальника строительного управления.

В настоящее время преподает в строительном колледже г. Черкесска.

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

Главы из романа ¹

Разгром гарнизона

В один из таких обычных дней к дому лесника подошёл целый взвод военных. Они были одеты в выцветшие, почти белесые красноармейские гимнастерки и брюки-галифе. Сапоги, поясные ремни, пилотки, фуражки, хотя были запылены, имели приличный вид. Одежда была чистой, не забрызганной грязью, не изорванной, аккуратно заштопанной. Кирзовые сапоги солдат были растоптаны – видно, эти сапоги прошагали длинный путь. Гимнастерки были перетянуты ремнями, чувствовались дисциплина и порядок. Отряд вели два офицера – майор и молоденький лейтенант. У всех солдат и офицеров был усталый, потрепанный в боях вид. Но при этом не расхлябанный. Даже раненые были перевязаны профессионально. Вооружение у бойцов было не новое, но справное, начищенное. Опытным взглядом солдата я оценил боевое состояние отряда.

В то время часто можно было встретить такие армейские осколки – небольшие группы, случайно встретившись, объединялись и упорно шли на восток в надежде присоединиться к частям Красной Армии несмотря на лишения и невзгоды. Также бывали случаи, когда часть оказывалась «в котле». При этом командование разрешало выбираться из окружения

¹ Продолжение. Начало № 2, 2018 г.

мелкими группами, всецело полагаясь на авось, слепую удачу, случайность, судьбу. Отступающие, раздробленные части Красной Армии, выбрав такую тактику, сохраняли живую силу. Мелкие группы легко ускользали в непроходимые леса и болота от прямых ударов крупных немецких механизированных частей, вооруженных до зубов и двигающихся в основном по шоссе на дорогах. Кроме того, мелкие отряды часто нападали на фашистов в поисках пропитания, оружия и одежды. Чем дальше растягивалось время продвижения на восток, тем ощутимее были удары мелких отрядов по частям вермахта. Однако немцы были сильны, продвигались вперед, захватывая всё новые территории, и разрозненных боевых отрядов, не имеющих общего командования, но воюющих с оружием в руках, становилось всё больше.

С появлением отряда мне показалось, что наступил удобный случай, когда я могу с этими людьми перейти линию фронта и обратно влиться в Красную Армию.

Часто на войне проигрывает тот, кого удаётся обмануть. Поэтому следовало быть крайне осторожными. На первом этапе войны, когда наши войска отступали на восток, было очень много неразберихи — кто, что, откуда, было трудно понять. Видел даже больших генералов, облеченных властью над десятками тысяч людей, которые сдавались врагу, предавали нас, солдат, и мы оказывались в «котлах». Весь театр военных действий от западной границы СССР, во всех городах и селах, всё занятое оккупантами пространство кишело диверсантами, провокаторами всех мастей. Многие попадая в безвыходное положение и пытаясь спасти свою шкуру, «ломались» и становились предателями. Переходили на сторону врага и с оружием в руках служили верой и правдой фашистам. Раскрыть истинное лицо того или иного человека в хаосе военных событий было тяжело. Требовались знания и профессиональные навыки. Незваных «гостей» необходимо было прощупать по всем правилам военного времени.

Но этот отряд не вызывал подозрений. Я несколько успокоился. В конце концов, не все кругом диверсанты и предатели. Есть же патриоты, настоящие солдаты, которые воюют с врагами не жалея себя. Я уже принял мысленное решение присоединиться к ним, чтобы вместе добраться до расположения Красной Армии, о чём и сказал леснику, незаметно вызвав его из дома.

— Куда ты собрался, малый? — отозвался лесник. — Чует моё сердце, что этот майор — недобрый человек. Не могу сказать определённо, но не нравятся мне его бегающие глаза, очень не нравятся. Не уходи! И я к тебе привык, и твоя любимая скоро поправится и вернётся, вот тогда всё хорошенько обдумаем и определимся.

— Почему тебе не нравится майор? Мне кажется, майор как майор, опалённый в боях, а что глаза бегают — это от всего, что пережил, не-

рвы шалят. А так, я тоже к тебе привык, я к тебе отношусь, как к моему отцу, который остался на Кавказе, ты поделился со мной хлебом-солью, пусть это тебе добром обернется, никогда, сколько буду жить на свете, не забуду про твою человечность, на старости лет буду рассказывать внукам. А когда девушка вернется, скажи ей, что всегда буду помнить добро, которое она для меня сделала, всё, что с нами произошло. Считаю её смелой и мудрой, передай ей большой привет. Должен я с ними уйти. Отсиживаться больше не могу. Здесь сидеть и выжидать – это трусость с моей стороны. Не сердись на меня. Прости за то, что тебя не слушаю. Если я ошибаюсь, значит такова моя судьба. Я считаю, что так будет правильно, – чувствуя какую-то вину и не глядя в глаза моему доброжелателю, закончил я свою мысль.

– Ох, ошибаешься, парень, послушай меня и не уходи, – старик по-прежнему пытался меня отговорить.

– Что поделаеть, если ошибаюсь, значит, такова судьба, против неё не пойдешь, – мне было стыдно возражать уважаемому человеку.

Впоследствии я часто вспоминал наш разговор с лесником. Послушайся я его, наверное, по-другому сложилась бы моя судьба, но, как говорится в старой поговорке, к мудрости бы старого силу молодого... Но случилось как случилось. Я попросился к майору в отряд и меня взяли.

На прощание мы с лесником тепло обнялись, он положил еды в котомку, дал мне хорошую телогрейку и фуражку с большим козырьком, как тогда носили, и я пошёл в лес вслед за отдохнувшими солдатами отряда. День быстро закончился. Наступила ночь. Мы идём в темноте, шурша опавшей листвой под ногами.

Не так давно мы шли здесь с Сафарби. Правда, тогда нас было двое. А теперь нас много. Мы тогда были без оружия, шли налегке. А сейчас у всего личного состава в отряде было стрелковое оружие. Тогда мы шли, ведомые ночным чутьем, и старая листва шуршала под ногами. Теперь мы ворошили листву слегка мокрую. И по карте уверенно ведет отряд в темноте майор – могу быть спокойным, хоть кто-то беспокоится обо мне. Майор, видать, умный и опытный боевой командир, можно на него положиться.

Где теперь Сафарби, как сложилась его судьба? Не заснул ли он на том месте, где я его оставил? Видел ли он, как меня захватили немцы? Неужели он видел, как меня схватили, и ничего не предпринял, испугался и спрятался? Нет, этого не может быть, не такой он парень. А с другой стороны, что он мог сделать голыми руками – и себя погубил бы, и, скорее всего, меня тоже. Хорошо, что он остался. Если он жив и доберётся после войны домой, расскажет, как всё было. А как там сейчас в горах, в нашем селе? До чего же я соскучился по дому. Увидеть бы краем глаза родных. Они, наверное, коров подоили и подпустили

телят к вымени. Загнали овец и ягнят в загоны. Кур и индюшек заперли в курятниках. Управившись с делами, сели ужинать. В нашем старом двухэтажном доме все собирались внизу за длинным столом, на котором дымилась мамалыга с варёным сушёным мясом, а потом пили чай с молоком, заваренный на душице, со сливками и чёрным перцем. Горячий чай выгонял пот из организма. Как и прежде, наверное, достаток в отчем доме помогает воспитанию всех членов семьи. Отец состарился, отдохнуть бы ему сейчас, а он трудится не покладая рук. Обычно за ужином, хитро поглядывая на младших сыновей и внуков, он рассказывает что-нибудь занимательное, поучительное... Эх, увидеть бы их сейчас.

Размеренный шаг прервался, и я ткнулся грудью в вещевой мешок впереди идущего. Команда «привал» как бальзам на душу подействовала. Найдя в темноте пень, я сел. Снял кепку, по привычке вытер пот со лба. Товарищи стали раскручивать самокрутки. К чистому лесному воздуху примешался запах солдатской махорки и трофейных немецких сигарет. Кто-то снял сапог, чтобы поправить завернувшуюся портянку. Один потянулся за фляжкой, чтобы попить воды. Другой вытащил из кармана сухарь и стал с наслаждением сосать. Мы сидели полукругом кто где и каждый был занят собой. В это время меня кто-то негромко позвал:

– Батал! Борис, ты где, отзовись. Майор вызывает.

Я встал. Не совсем уверенно ступая в темноте, пошел в направлении головы отряда, где должен был находиться наш командир, ни фамилии, ни имени которого я не знал. Подошел к майору и по-военному доложил о прибытии. Он стоял ко мне вполоборота и грязно ругался. Брань была отборной. Так матом мог ругаться бескультурный человек из глубинки или из уголовной среды. Особо не обращая внимание на меня, он, зацепив правую ногу за левую, снял сапог и вылил воду. Видно, в темноте наступил в лужу. Вода через верх голенища заполнила сапог, что и явилось причиной ругани. Хотя его речь неприятно резала слух, я заметил про себя, что он «свой в доску». Так может ругаться лишь человек, выросший в местной среде – подумал я, словно продолжая спор с лесником. Майор сел на ветку-бурелом с краю, перевернул сапог, чтобы вода стекла. С силой выжав воду из портянки, повесил её на ветку. Потом повернул голову в мою сторону и, вглядываясь в темноту, заговорил:

– Ты в гражданской одежде. Побрит. Не пахнешь дымом. По тебе нельзя сказать, что ты находился в лесу, руки твои не пахнут порохом. Если тебя схватят, сразу не смогут определить, кто ты. Короче, впереди село расположено. Там дислоцируется вражеский военный гарнизон. Сходи туда, разузнай, разведай, разнюхай что сможешь и доложи мне. Примерная численность, тип вооружения, оснащённость, где стоят

часовые, сколько их, в каких домах остановились на ночлег солдаты. Сколько пушек, пулемётов, автомашин, мотоциклов, лошадей. Приказываю всё разведать и вернуться до рассвета. Запомни, мне нужны достоверные данные. Задачу понял? – придавая голосу, как положено, твердые командирские нотки, закончил майор.

– Так точно! – бодро отчеканил я.

– Ну, ступай. Заодно, испытаем, на что ты способен, и проверим, кто ты есть на самом деле, – с некоторой иронией проговорил мне вслед майор.

Полночь. Я осторожно подобрался к селу. Удивительно, но всем не было слышно лая собак. Бесшумно перепрыгнул через изгородь и попал на огород с картошкой. Ботва местами начала усыхать, но кое-где была ещё густой. По-кошачьи осторожно я пробирался между высокими рядами картофельной ботвы, доходящей до пояса взрослого человека, и в темноте чуть не наступил на молодую пару. Двое целовались, сидя на земле, и, увлеченные ласками, не слышали, как я подошел. Испуганно отпрянули. С вытаращенными глазами посмотрели на меня. Откуда я здесь появился? Что мне надо? Кто я такой? Я приложил пальцы ко рту, показывая, не надо, мол, громко разговаривать, поскольку звуки в ночной тишине далеко слышны. Сев рядом с молодыми между рядками картошки, прикрытой стеблями, заговорил вполголоса. Ребятам было по пятнадцать-шестнадцать лет. У меня не было времени на предварительные разговоры, и я напрямую объяснил цель моего визита.

Эти подростки были комсомольцами и хотели бороться с врагами. Их растерянность и смущение тут же прошли. Они в меру своей любознательности были знакомы со сведениями о военном гарнизоне в данном селе, нужными мне в эту минуту. Перебивая друг друга, они за десять минут подробно рассказали о находящихся в селе оккупантах. Численный состав, из них сколько офицеров. Где у кого квартируют. Кто сотрудничает с оккупантами. Сколько полицейев. Кто где живет. Какое вооружение. Сколько пушек, пулеметов, машин, мотоциклов. Ребята оказались на редкость шустрые и смелые. Они меня провели огородами, подтверждая свои рассказы наглядно. За час мы втроем обошли село. Без помощи этих ребят я не справился бы с поставленной задачей. Теперь нужные разведанные были мне известны. Ребята уточнили, как скрытно подойти к селу, и указали мне обратную дорогу. На прощание я поблагодарил за оказанную бесценную помощь Родине. Они вытянулись. Пояснил, что по сигналу они должны скрыться в погребах. Душевно обнял их и зашагал в направлении леса. Оглянувшись, в ночной темноте ребят уже не было видно. Но я чувствовал, что две пары молодых глаз с надеждой смотрит в мою сторону, в сторону леса. Они с чувством выполненного долга сейчас вернутся домой. В их сердца

вселится надежда. Восстановится вера в победу, утраченная в связи с отступлением наших войск.

В приподнятом настроении я возвращался в лес. Шагал легко под приятным впечатлением от общения с молодыми людьми. Лёгкий ветерок обдувал мое лицо. Доложил майору все сведения о военном гарнизоне в селе. Во время доклада лейтенант сидел рядом на пенёчке и слушал молча.

– Вижу, в дальнейшем тебе можно доверять, – без особого энтузиазма похвалил меня майор. Он встал. Выпрямился, отряхнулся. Продев большие пальцы обеих рук под поясной ремень, одновременно поправил гимнастерку, стянув складки сзади. В этих движениях я заметил что-то нерусское, непривычное. Складки стянуть-то стянул, но одернул мундир, прямо как немецкий офицер. Посчитав эти движения случайными, я отогнал сиюминутные подозрения прочь. Перед боем надо было сосредоточиться.

После небольшой паузы майор, собравшись с мыслями, зычно обратился к солдатам:

– Слушай мою команду! В четыре часа мы нападём на военный гарнизон, расположенный в этом селе. Делимся на группы, в каждой группе по четыре бойца. Каждая группа уничтожает врагов в домах, остальные делятся на две части и закрывают вход в село и выход из села. Ни одного врага не пропускать. В начале операции бесшумно убираем часовых. На посту стоят отдельно четверо. Для выполнения задачи берём в союзники темноту. Враги не ожидают нападения, поэтому фактор внезапности на нашей стороне. Они считают, что Красная Армия далеко, где-то на востоке, возле Москвы, а мы здесь и покажем немцам, как воюют настоящие солдаты. Я верю, что мы выиграем этот бой. А сильнее всего нам поможет накопленная злость. Мы хотим уничтожить врагов. Это наше законное право. Мы должны отомстить за всё зло, которое они сотворили, за пролитую кровь, невинно убиенных – за всё это они должны заплатить дорогую цену, положить на этой земле головы.

После таких слов у меня волосы встали дыбом, наверное, и другие чувствовали то же самое.

– А ты никуда не уходи. Оставайся рядом со мной. Если что понадобится, будешь порученцем, – обратился ко мне как бы между прочим майор после яркой своей речи.

Тихо подобрavшись к селу согласно разработанному плану, бойцы сняли часовых, пустив в ход ножи. Затем вырезали спящих оккупантов почти без единого выстрела. Весь гарнизон, около 60 человек, за полчаса был полностью уничтожен. С нашей стороны потерь не было, если не считать троих раненых...

Рассвело. Оставшиеся жители села осторожно, с опаской выходили из своих убежищ. Только мои знакомые подростки-комсомольцы

радостно и шумно с друзьями носились по селу, довольные своим участием в победе над немецким гарнизоном. Я увидел колодец, попил, смыл грязь и кровь с одежды. После чего вновь обратил внимание на тишину в селе. Не слышно шума от живности, даже лая собак. Я спросил об этом комсомолец, и они пояснили, что собаки все ночи напролет лаяли на чужаков-оккупантов, не давая им спать. В конце концов фашисты отстреляли всех собак. Чем оказали нам неоценимую помощь, позволив отряду бесшумно подобраться к селу. Снял кепку, я прислонился к краю колодца и подставил лицо лучам солнца, при этом радуясь простому открытию, которое сделал только что. Выходит, гибель наших собак послужила нам во благо. Очередные превратности судьбы или просто удача? Неизвестно, чем бы закончился бой, если бы собаки подняли шум.

За такими мыслями меня застал лейтенант Лукин, который, приложившись к ведру, стал пить воду. Наблюдая за ним, я заметил, что он почти не пролил воду из ведра на землю, что говорило об интеллигентной натуре. Отдышавшись, он вытер платком губы. Сложенный аккуратно платок положил в карман, тронув свой немецкий автомат. Задумавшись на мгновение, снял с плеча и протянул мне автомат и три рожка со словами:

– Твой вклад в нашу победу сегодня очень значителен. Благодарю за службу. За мужество тебе полагается оружие. Этот трофейный автомат твой. Очисти его от вражеской крови и пользуйся.

Его проникновенная вежливая речь звучала необычно. Я был старше по возрасту, имел опыт военной службы и ждал какого-то другого обращения, сухого, по имени-отчеству. А тут мягкое человеческое обращение, оценка моего труда. Непривычно было видеть и слышать среди огрубевших до чертиков людей нормального здравомыслящего командира.

Трофейным стрелковым оружием отряд вооружили хорошо. Набрали запасы продуктов в виде консервов, колбасы, пшена, сахара, соли, курева, спирта, коньяка. Появились новые виды вооружения – два миномёта, четыре пулемёта, пехотные мины, по одному автомату с полным боевым комплектом, боеприпасы. Сменили потрёпанную одежду, обувь, даже нижнее бельё – на немецкое. Вначале брезгливо отнеслись ко всему вражескому. Но что делать, не пропадать же добру. Своего-то нету. В чем-то надо ходить, воевать. Одежда неважна, если работает на общую победу. А внешний облик бойца очень важен. Не было у нас таких элементарных вещей, как машинки для стрижки, вещмешки, ремни, бинокли, ложки, ножи, бинты, шприцы, лекарства. Мы пополнили свои запасы и такими предметами. Всё это еле уместилось в четыре пароконные подводы. В лесу полная подвода легче передвигается, чем машина или мотоцикл. Четырехколесная повозка предназначена для

перевозки грузов и раненых бойцов на живой лошадиной тяге. Хоть и медленнее продвигается по лесу и бездорожью, но бензина не просит. В отличие от техники, которая застревает там. Бойцы набили свои вещмешки необходимыми продуктами и вещами. Остаток продуктов и вещей в большом количестве раздали местным жителям. Кроме этого, освободили запертых в сарае военнопленных – десять солдат с капитаном. Освобожденные военнопленные с удовольствием присоединились к нашему отряду.

Нам неподлинно было известно, что фашисты свою злость за поражения вымещали на мирных жителях. После разгрома целого гарнизона следовало ожидать карательной операции в отношении жителей села. Им надо было уйти без промедления подальше вглубь леса, где немцы не достанут. Иллюзий не могло быть. Фашисты есть фашисты. Они никого не оставят в живых. Людям это объяснять не нужно было. Все хорошо понимали, что из себя представляют эти бешеные псы.

В течение дня мы были заняты тем, что разбирали трофеи. Я брезгливо смотрел на фашистские вещи, на вещи врагов и убийц ни в чем не повинных мирных людей. Мое выражение лица не осталось незамеченным. Даже по таким мелочам, наблюдая за поведением бойцов, наш лейтенант вычислял благонадежность человека в критическую минуту.

Пока люди были заняты трофеями, у меня возникла небольшая пауза, не заполненная обязательными делами. Чтобы скоротать время, я сел на рядом лежащее бревно, достал ветошь и стал чистить автомат, под нос напевая родные мелодии. Вокруг люди суетливо разбирали трофеи. Не обращая на них внимания, я был занят своим солдатским делом.

Опять же незаметно и тихо подошел со спины лейтенант и, положив по-дружески руку мне на правое плечо, сел рядом. Увлеченный делом, я не расслышал, как лейтенант подобрался ко мне. Соблюдая воинскую субординацию, я дернулся, чтобы встать и доложить о своих действиях. Но лейтенант левой рукой надавил мне на правое колено и сказал:

– Сиди уж! Надо было вставать, когда подходил, а сейчас чего подсакивать. Представь себе, вместо меня так же тихо подошел бы враг. Тогда тебе был бы конец, – перешагнув через бревно, он сел рядом с задумчивым видом.

– Виноват, товарищ лейтенант! Потерял бдительность на минуту, исправлюсь, – я покраснел.

– Исправляйся, дорогой. За твоей смертью охотится, ох, много врагов. Идет война жестокая. Иначе тебя дома не дождутся, – отчитал меня лейтенант.

– Товарищ лейтенант, а вот как раз вы меня застали врасплох с мыслями о доме. Стал напевать родные напевы, грусть напала и потерял бдительность, – чистосердечно признался я.

– Родина. Напевы. Грусть, тоска. Всё это хорошо, замечательно, патриотично. Но вот на такой слабине часто ловятся на войне солдаты и гибнут. Ничего нового, с древности известны такие человеческие слабости. В военной науке заложены психологические приемы ведения боевых действий с противником. Ты обращал внимание, как охотится паук – так враг плёл паутину много лет для нашей страны, для нас, и ядом фашизма отравил все вокруг, – продолжал он, глядя в землю под ногами. – Видел, как паук хватается жертву? Муха больше паука в два раза, да и сильнее, наверное, судя по габаритам. А ничего не может сделать. Или акулы загоняют косяки рыб на атоллы – коралловые рифы. Так рыбы из косяков, чтобы не попасться на острые зубы акул, выпрыгивают на коралловые острова. Так и нас загнали в леса... – продолжал лейтенант, палочкой вычерчивая на земле замысловатые линии.

– Мы же не рыбы, а люди. И не просто люди, а бойцы Красной Армии, – возразил я.

– Я знал, что в тебе такой дух заложен, и это меня воодушевляет, – лейтенант, подавив в себе какие-то сомнения, поднял голову и посмотрел на меня выразительным взглядом.

– Пробьёмся, командир! – бодро сказал я, закончив чистить автомат и заглядывая в ствол.

– Приятно иметь таких соратников по борьбе, как ты, с кем можно не оглядываясь в атаку ходить, – немигающим холодным взглядом продолжал сверлить меня лейтенант.

– Я по-другому скажу. Кто какой охотник, покажет время, или, как у нас говорят, кто сильнее в борьбе – покажет круг. Поясню, товарищ лейтенант, круг – это центральная площадь в селе, где устраивается праздник, проходят сходы, решаются важные вопросы жителей села. Здесь проявляют мудрость, остроту ума, соревнуются молодые люди, показывая свою удаль, силу, ловкость в присутствии народа, – поддержал я разговор.

– Да, действительно, наша страна не сказала ещё своего последнего слова. Такой масштабной охоты не было в мировой истории. Охоты без жертвы не бывает. В жертвенную топку будут закинута десятки миллионов людей. Чтобы защититься, спастись и победить, нужно придерживаться русской пословицы – «на то и щука, чтобы карась не дремал». В этой пословице заложена сущность охоты – внезапность, скрытость, агрессивность, а для жертвы важно не дремать, не спать, не расслабляться, одним словом, быть бдительной. Охота ведется разными методами – если паук плетет паутину, чтобы заманить жертву, то волки стаей загоняют её. Война – это узаконенная охота человека на человека. И кто как готов к войне, тот либо жертва, либо охотник. Ум – великое дело на войне. Видел, как заяц скрывается от погони, резко поворачивая в обратную сторону по ходу движения, или садится под куст, сжавшись?

Или возьми, например, оленя, его главное оружие – это быстрые ноги и крепкие рога. У волка главное оружие – острые зубы. Я не для праздного развлечения припоминаю все эти вещи про животный мир. В этой войне мы должны уметь прятаться, как заяц, убегать, как олень, и показывать острые зубы, когда надо быть гибкими, изворотливыми, решительными, иначе говоря выпускать когти в нужный момент, – закончил свою речь лейтенант, оценивающе глядя на меня.

– Ясно, товарищ лейтенант, – бодро по-военному отчеканил я.

– Одни люди по своей природе волки. Другие похожи на овец, сами идут на заклание. Вот эти люди, которые разбирают трофейные вещи, посмотри на них. Можешь оценить, кто из них кто? – он протянув руку, указал на бойцов.

– Наверное, нет! – искренне признался я.

– А ты попробуй, – с некоторой подначкой предложил лейтенант.

– Не знаю, получится или нет, – я не был готов к такому повороту нашего разговора.

– Приглядишься к людям. Опасность гибели в условиях настоящей войны очень велика, однако стремление к жизни у этих людей большое. Все они без исключения хотят жить. По логике, разбор трофейных вещей осуществляется для того, чтобы пережить это время. Но есть и такие, которые хотят нажиться. Все животные, кроме крыс, берут столько, сколько нужно. Мерило оценки этих людей – достаточность, необходимость продуктов и вещей, которые они берут. Те люди, которые берут сверх меры, или, говоря по-народному, «хапают», они в критическую минуту очень опасны и могут предать, точнее продать, – образованность сквозила в каждом слове Лукина.

– В нашем народе нет слова «предать», – заметил я.

– Неужели в целом народе за всю его историю не было предателей? Почему это слово в обиходе народа не укоренилось? – изумленно поднял брови мой собеседник.

С этого дня мы стали разговаривать на различные темы. Ко многим вопросам я подходил с точки зрения логики, морали, человечности. Моих знаний не хватало для поддержания разговора на должном уровне. Но моему собеседнику нравилось, как я веду беседу.

– Твоя рассудительность достойна уважения, – говорил он после очередного удачного заключения, сделанного мною, и добавлял: – Кто тебя всему этому научил?

– Знаете, товарищ лейтенант, Кавказ – это кладезь мудрости. Обучали нас седобородые старики зимними длинными вечерами возле очага. Каждая сказка, каждый рассказ были очень поучительны, пронизаны глубоким смыслом и содержанием. К моему большому сожалению, мало что из этого опубликовано и стало общим достоянием. Многое погибло, – с горечью отвечал я.

– Я так скажу: тебе надо учиться, учиться и ещё раз учиться, – членораздельно выговорил лейтенант эти слова, словно пытаясь вложить их смысл мне в голову, как кирпичи в фундамент здания.

– Вот закончится война, останемся живы, тогда и поговорим на эту тему. Я где-то слышал эти слова. Сейчас вспомню. Сейчас, сейчас. Вспомнил! Когда мы строили школу в нашем селе, там висел плакат, и крупными буквами было написано: «Учиться, учиться и ещё раз учиться» – В. И. Ленин». Какие же умные и правильные слова, как будто сказаны специально для нас, малочисленных народов!

Что-то было притягательное в этом парне, который втягивал меня в беседы на различные темы. При малейшей возможности мы предавались разговорам, находя в них успокоение. Искренне искали ответы на многие злободневные вопросы, сами себе согревая души. На этой почве мы с лейтенантом сдружились. За дружескими чувствами последовали откровения.

Очередной рассказ лейтенанта сложился сам собой. Историю своей жизни он излагал с ноткой грусти. Я его понимал – прошло совсем немного времени, всего несколько месяцев, с начала войны, а как будто целая вечность за плечами.

Бликие люди, разделенные войной, перед лицом смертельной угрозы часто вспоминают друг друга. Образы родных, матери, отца, любимой встают в критические минуты перед взором. Когда жизнь висит на волоске, когда неизвестно, что тебя ждет за кустом, за деревом, за оврагом, когда не знаешь, доживешь до утра или нет, солдата тянет на сентиментальные воспоминания.

Студенческие годы у человека, наверное, самые светлые, радостные, полные надежд. Студент втягивает в себя знания как губка, легко осваивает науки. В этом возрасте жизнь видится в розовом цвете. Молодость беззаботна. Особо не утруждая себя проблемами, патриотично настроенный юноша закончил Московский институт иностранных языков. При институте была военная кафедра, которую он также закончил с отличием. Углубленное военное обучение на кафедре велось в духе времени. Военно-политическая обстановка в мире была сложной. Все готовились к войне. Требования по военному делу к студентам, конечно, не такие, как к курсантам военных училищ, но особых послаблений не было. Теорию, тактику тщательно штудировали. Неоднократно выезжали на стрельбища. Жили в казармах. Подымались по тревоге. Марш-броски с полной выкладкой ночью было обыденным явлением. Но, несмотря на военную выучку, Лукин был сугубо гражданским человеком. Хотя азы военной науки вкупе с природными дарованиями очень емугодились.

По его рассказу, сдав государственные экзамены, он закончил учебное заведение. Всем выпускникам, в том числе восьмерым девушкам,

присвоили звания лейтенантов и отправили на службу. Так он стал военным.

– Родом я с Кубани, из благодатного города Армавира, что на левом берегу реки, – продолжал он свой рассказ.

– Знаю. «Арма» в переводе значит «левый». «Уыр» значит «переходи». Смысловый перевод звучит так: «Переходи на левый берег». Вот тебе и «Армавир».

Услышав мое уточнение, лейтенант улыбнулся:

– Ну и ну! Век живи – век учишься. Кстати, ты был в Армавире?

– Был проездом, когда нас, новобранцев, везли на поезде из Кисловодска.

– Так ты из Кисловодска?

– Почти, из Кисловодского района.

– Так мы земляки?

– Выходит, так. Слово «Армавир» еще теснее сближает.

– Так не пора ли нам познакомиться? – он заразительно смеётся.

Его здоровый смех поначалу вызвал у меня улыбку, затем смешок, после смех, а потом хохот. Вроде и хохотать не от чего, а хочется. Друг на друга посмотрим, и волна смеха накатывает за волной. Выступили уже слезы, но удержаться от смеха не можем. Наверное, так могут смеяться молодые люди, легко переносящие тяготы судьбы. Раскатисто очищая легкие, мы смеялись, наверное, четверть часа. Щеки были мокрые от слез. Наконец, лейтенант вытащил носовой платок, чтобы вытереть лицо. Я тоже машинально потянулся за носовым платком. Нашулав в кармане ткань, словно почувствовал тепло детских пальчиков там, где красными нитками на голубом фоне были вышиты три буквы имени моего сыночка – «Юра».

Для меня этот платочек был талисманом. В первые дни отступления, в тяжелых кровопролитных боях, в окружении, в плену – везде в любых ситуациях я бережно хранил этот носовой платок как реликвию. Мне казалось, он оберегал от пуль и невзгод. Не удержавшись, я вытащил ткань из кармана и приложил к губам. Перед мной встал облик маленького джигита, скачущего на «баце», хворостине, изображая лихого наездника. Вот он в коротких штанишках подлетает к деду, который под навесом вырубает из березовой чурки топориче. Подтянув поводья, веревочку, накинутую на скакуна-бацу, осадил лихо возле любимого деда, показывая резвость своего жеребца, стал на месте притопывать. Дед, увлеченный вырубкой затейливого рисунка топорича, оторвался от дела и посмотрел на лихого наездника. Ласковая, мозолистая, шершавая рука нежно погладила голову ребенка. Получив свою дозу ласки, малыш побежал по двору, изображая одновременно лихого всадника и дикого жеребца. Хворостина резво приплясывает перед дедом – это «жеребец» пытается сбросить джигита. Передние

копыта взметнулись к небу. Но джигит – лихой наездник, непросто его сбросить. Баца согнулась от натянутой веревочки – поводьев. Пританцовывая, неутомимый джигит побежал дальше по двору, подымая пыль концом хворостины и прочерчивая по земле кривые линии. От виляющего хвостом «жеребца» куры на месте подлетают, пропустив непредсказуемые движения бацы, но понимают, что от малыша не исходит опасность, и продолжают клевать траву и остатки кукурузных зерен на початке. Собака, лениво лежащая в тени под навесом, спасаясь от дневной жары, закусанная блохами, неохотно отползает с насиженного прохладного места, скрывается подальше от звонкого и шумного «джигита» и переходит в тень, на северную сторону дома, где не так жарко, где без этого мальчика можно и поспать.

Носовой платок меня вернул в реальный мир.

Беззаботный смех не вялзся с жестокой реальностью военного времени. Увидев мое переменявшееся лицо, лейтенант резко умолк. Как умный человек, одним взглядом, без слов он сразу оценил, как мне дорог этот носовой платок, и не стал говорить лишних слов. Только спросил:

– Что случилось?

Заглядывая мне в глаза, вытер своим носовым платком влагу от слез на щеке.

Я не сразу ответил на вопрос. Молча сидел какое-то время. Передохнув, вернувшись с небес воспоминаний, сказал:

– Да так, ничего не случилось. Просто вспомнил. Тоска заела. Несколько лет я не видел родных и близких. Скучаю. Интересно, что делает сейчас отец, – заглушив свое желание увидеть маленького сына, я перевел разговор на отца, не теряя нити кавказского обычая.

По обычаю, нельзя даже словесно проявлять нежность и любовь к близким людям публично. По кавказским законам люди должны соблюдать строгие неписанные правила семейных взаимоотношений. Любовь к близким не выставляется напоказ. Считается – чем строже воспитание, тем крепче узы взаимоотношений между членами семьи. Всякое сюсюканье, послабление при воспитании детей, равно и по отношению к жене, сестре, младшему брату, расценивается как слабость. Ласки, нежность между членами семьи – дела личные, интимные, закрытые, и чистота отношений оберегается от стороннего глаза и слуха. Таков древний обычай, оправдавший себя как закон на протяжении тысячелетий.

Мои размышления были прерваны словами лейтенанта:

– Отец – это свято. Если с молоком матери сын выпитывает любовь, гордость за отца, то из него вырастает настоящий мужчина.

– Родителей не выбирают. Родители таковы, какие они есть. Человек так устроен, что гордится родителями. Ни от кого столько тепла и наставлений ребенок не получает, как от родителей. Гордость за отца сопровождает человека всю жизнь, – отозвался я.

– Да, мою любовь к отцу простыми словами не выразить. Его рассудительность перешла ко мне. С самого детства я был рядом с отцом – председателем колхоза. Ездил на двухколесной «бидарке» вместе с ним по полям и фермам. С удовольствием управлял лошадью, запрягал и распрягал её. Хомут и упряжь пропитывались лошадиным потом, запах мне нравился. Лошадь отмахивалась от мух и комаров длинным хвостом, при этом больно хлестала меня по лицу. Часто нас в пути заставляли дождь или град. Обычный плащ не спасал от ненастья. Один из кунаков отца подарил ему бурку. Когда бурка была еще новой, она спасала от непогоды прекрасно. Колхозники по бурке издали определяли, что едет председатель колхоза. Преодолев голодные тридцатые годы, колхоз стал набирать силу и мощь. Народ богател вместе с колхозом, стал жить в достатке. Люди стали сытно кушать, одеваться лучше. Парни на посиделках и свадьбах стали щеголять в начищенных до блеска хромовых сапогах – со сжатыми в гармошку голенищами, что являлось признаком успеха.

До войны много было нововведений. Внедрялась в сельское производство новая техника: трактора, комбайны, прицепные плуги, сеялки. Специалистов, правда не хватало, из-за чего возникали склоки, скандалы. Были и такие люди, которые откровенно саботировали происходящее. Уклонялись от работы, лодырничали, ломали технику, поджигали посева. Чтобы наставить таких людей на истинный путь, отец подбирал отдельный ключ к сердцу каждого человека. Самые сложные вопросы выносил на суд общества, на колхозное собрание. Я не припомню, чтобы кого-то осудили, упрятали в тюрьму. У отца на все случаи были свои приемы. Потом эти саботажники, осознав пагубность своих поступков, становились лучшими колхозниками.

Ежедневно отец бывал в разных ситуациях и часто принимал неординарные решения. Он пользовался авторитетом. Слово председателя колхоза было непререкаемо. Когда страсти накалялись до предела, он был и начальником, и судьей, а для меня – примером для подражания. В 30-е годы, когда голод свирепствовал на Украине и в Поволжье, толпами люди приходили к нам на Кубань спасаться. Многие хозяйства открещивались от босяков, не хотели их брать, считая обузой. В отличие от других отец всегда находил нужные слова для нищих и голодных. Привечал, устраивал на работу, накормит, обогреет, даст кров, и со временем эти деклассированные элементы становились полноправными членами колхоза. По итогам года от количества трудодней колхозники получали пшеницу, овес на корм птицам, картофель, помидоры, огурцы, премировались отрезами тканей и так далее.

Уважение к отцу постоянно подпитывала мать. Она относилась к сельской интеллигенции. Была начитанной, образованной. Привила мне любовь к знаниям. Работала учительницей немецкого языка в местной

школе. Благодаря маме я выучил немецкий язык. Дядя, брат матери, жил в Москве. Когда я окончил школу, на семейном совете решили, что я должен изучать иностранные языки. После чего я поехал в Москву. Годы учебы пролетели незаметно, как один день. «Красный» диплом давал шанс для карьерного роста, возможность преподавать в институте. Но я решил по молодости набраться опыта и отправился служить вместе с товарищами в Красную Армию. Точнее сказать, решил не отставать от друзей. Подумал – если откажусь, меня посчитают трусом, и сам добровольно написал заявление. Я даже дома не успел побывать, сразу направили в часть. Не прошло и месяца, как началась война.

Наша часть тут же была окружена немцами и, можно сказать, полностью была разбита. Мне повезло, я попал в число немногих выбравшихся из «котла». Если честно признаться, я даже толком оружие в руках держать не умею. Моё оружие – это язык.

Когда мы оказались в лесу, вместе со мной, было пятнадцать человек. Благодаря поганам, я оказался старшим по званию. В положении разбитой воинской части легко возникают разногласия, разлад, одним словом разброд, разлагающий до предела. Это лишает возможности спастись, сопротивляться трудностям, бороться с противником. Солдаты, спасаясь от плена и гибели, вышли с окружения вместе со мной. Они не просто хотели драпать, скрываться в лесу, спасая свои шкуры, у них было желание бороться с врагом. Этих людей надо было возглавить. В армии должно быть единоначалие, командир, способный повести людей в бой. Из-за отсутствия опыта я не был уверен в своих командирских способностях. Одно дело – обучаться в тиши аудитории, другое дело – посылать людей на смерть. Это большая разница. Обстановка и сама жизнь поставили вопрос ребром. Когда все в один голос попросили меня взять командование на себя, я вспомнил методы руководства отца. С учетом мнения людей делай свои выводы, оценивай ситуацию, после чего окажешься над схваткой и определишь правильное направление своих действий – так он учил. Солдаты как бы присягнули мне на верность своим обещанием, что будут подчиняться, выполнять все мои приказания, а слова, сказанные ими, окончательно убедили меня стать командиром этого отряда.

«Никто из нас не хочет умирать, – говорили бойцы. – Кому охота в цветущие годы умирать? Да никому. Но у войны свои законы. Война без смерти не бывает. Если мы и погибнем, то должны знать, что головы сложили не зря. Вы, как никто из нас, обучены многим наукам, в том числе военному делу, благодаря этому способны решать сложные задачи, которые ставит жизнь. Что касается опыта, так сдайте экзамен на зрелость, и всё станет на место. Относитесь к нам по всей строгости, язык войны горек, безжалостен и беспощаден. Мы не рассчитываем на милосердие фашистов. Враг у нас кто? Цивилизованный, образованный,

умный. Так с ним надо бороться его же оружием – знаниями и смекалкой. Времена дубин и шашек прошли. Надо воевать с умом. Никто из нас столько не учился, как вы. Страна вас учила для того, чтобы в час испытаний могли за собой повести людей. Такой час настал – так ведите нас за собой».

После выхода из окружения мне казалось, что у солдат отбита всякая охота мыслить, рассуждать, а тут такие мощные слова и возразить нечего.

Мои возражения не были приняты, так я стал командиром отряда. Что было делать? Пришлось подчиниться общему мнению солдат. При этом незримо стоял рядом мой отец. Он безусловно одобрил бы мое согласие. А отказ расценил бы как малодушие перед вызовом судьбы, боязнь ответственности перед бойцами, доверившими мне свои судьбы в жесточайшее время.

С должностью командира на мою голову свалилась куча обязанностей. Но болезнь тщеславия не зацепила меня. Больше тревожила мысль – вдруг до отца дойдет слух о том, что я не справился с обязанностями командира. Расхлябанное поведение солдат в отряде было видно невооруженным глазом. Для наведения порядка и дисциплины нужна была опытная рука. Старшина Пилипенко отлично подходил для этой должности. Он прослужил в армии три года. Он гораздо лучше меня знал требования устава внутренней службы Красной Армии – распорядок дня в полевых условиях, суть армейской дисциплины, несение караульно-постовой службы, содержания оружия, обмундирования. И знал, как требовать с подчиненных порядка. У него был отработан командирский голос. Подчиненные беспрекословно выполняли его приказания. Я сам, глядя на него, отработывал командирские повадки. С возложением на него обязанностей старшины отряд обрел облик настоящего военного подразделения.

Старшина сумел подтянуть дисциплину. Нашли бритву, ножницы и, улучая моменты во время привалов, стали бриться, стричься. Если до этого бородатые, небритые, нестриженные солдаты своим видом пугали мирное население, то к подтянутым стали благосклонно относиться, временами подкармливали, давали продукты. Указывали дорогу. Предупреждали, где немецкие заслоны стоят. Потихоньку таким образом мы наладили связь с местным населением. Это помогало нашему отряду выбираться из сложных переделок.

Мы шли по следам недавно прошедших тяжелых боев. На полях осталось много оружия и боеприпасов. Собранное оружие было вычищено до блеска, отремонтировано и подготовлено к применению в боевых условиях. Солдат распределили по отделениям. Назначили сержантов. Был налажен учет, исключая самовольные отлучки с целью найти съестное в близлежащих деревнях. Наш отряд, вооружаясь, собирая

боеприпасы на полях, постепенно набирал военную силу. Уже способен был решать диверсионные задачи против небольших групп противника. Маскируясь в лесу, насколько это возможно, отряд двигался на восток с целью дойти и перейти линию фронта. Шли осторожно, без потерь, день за днем. Но фронта всё не было видно и слышно. С каждым днём я чувствовал, что цель наша отдаляется, и, посоветовавшись со старшиной, принял следующее решение. Нам необходимо достать дополнительное оружие, боеприпасы, питание, для решения этих задач следует чаще атаковать небольшие группировки немцев, то есть бороться, воевать с врагом. Принятое решение стали претворять в жизнь. Отряд напал на небольшие, в три-четыре человека, группы немцев, отбивал у них оружие и продовольствие, набирал боевой опыт. По лесам скрывались разрозненные группы красноармейцев. Они по одному, по два присоединялись к отряду. Вскоре число бойцов достигло двадцати шести. В течение двух месяцев мы наносили фашистам ощутимые потери.

Однажды мы увидели бой на краю леса, где вот этот майор с четырьмя бойцами вёл перестрелку с двумя взводами немецких солдат. В бинокль я увидел, что люди в нашей красноармейской форме в тяжёлом положении. Бой был неравный. Несмотря на значительное превосходство немцев, ребята отчаянно держались. Вели бой умело. Но им экстренно нужна была помощь. По моей команде отряд неожиданно атаковал немцев. Под натиском нашего отряда враги отступили, и пятеро наших солдат, уже приготовившихся к смерти, были спасены.

Спасенные вначале растерянно смотрели на нас. Затем, когда отошли от шока, стали благодарить не умолкая. Двое даже прослезились. «Братцы, если бы не вы! Конец бы нам сегодня настал! Если бы вы не пришли на подмогу, души наши оказались бы на небесах! Мы перед вами в неоплатном долгу! Спасибо вам! Спасибо! Ещё раз спасибо!» – благодарили нас неустанно майор и его бойцы, не зная, как ещё выразить свою радость. Что-то меня насторожило. Мне показалось, что голоса бойцов звучали не по-солдатски. Люди на войне черствеют. Даже к собственной смерти относятся спокойно. Какие-то неестественные нотки были в словах благодарности. За три месяца войны я усвоил одно: нельзя терять бдительность, ни в коем случае нельзя расслабляться, как говорится, бережёного бог бережёт. Я проверил их документы и ничего подозрительного не заметил: майор служил начальником штаба 753-го пехотного полка, солдаты тоже были из того полка. Поди узнай в это сложное время, подлинные документы или нет. Я хочу узнать правду. Но не могу. Мы со старшиной постоянно наблюдаем за ними. Это мнительность? Недоверчивость? Усталость? Не знаю, чем это объяснить, но сердце мне подсказывало, чтобы я им не доверял.

А вот ты мне понравился с момента нашей встречи. После того, как ты удачно сходил в разведку, у меня чувство доверия к тебе выросло.

Такой большой гарнизон уничтожить – это для нас хорошо. Такая удача нам не улыбалась до сих пор. Эта победа воодушевила бойцов, у них даже сил прибавилось. Правда, гарнизон был румынский, немцев мы бы так легко не одолели, я думаю. Вот тут-то снова сомнения меня грызут. Уж больно складно всё получилось. Казалось бы, радуйся победе, чего выискиваешь? Зачем копаешься...

Я, замороженный рассказом, сидел не шевелясь. Детское лицо лейтенанта от тяжелых дум напряглось. Какое-то братское чувство жалости колыхнулось у меня в душе. Совсем «зеленый» парень, а смотри, какие вопросы пытается решить. Видимо, непросто ему. Сказано в пословице: мужчину видно с малолетства. Внешне он смахивает на моего родного брата Мусаби в молодости, та же рассудительность, то же упорство.

Мой собеседник тяжело вздохнул и закончил:

– А ты знаешь, главная война – эта война умов. Почти во все времена побеждал тот, кто хитрее своего противника, – произнес он с расстановкой, подчеркивая каждое слово, чтобы довести значимость наболевших мыслей в споре с невидимым противником.

Выговорившись, он глядел в небо, как будто оттуда вместе с каплями дождя надеялся получить разрешение своих сомнений.

Я не мог дать ответы на поставленные им сложные вопросы, но попытался на уровне своего понимания текущих событий и жизненного опыта дать вразумительные объяснения.

– Весной перед началом и окончанием полевых работ, а также осенью, после окончания уборочных полевых работ, когда закрома заполняли на зиму, заготавливали корма для животных сено, силос, дрова для обогрева жилищ, у нас в селе устраивали праздник. Праздник был прекрасный, чистый, радостный. После напряженных работ людям хотелось отдохнуть, повеселиться. Девчата готовились тщательно, надевали самые лучшие наряды. Женщины налаживали «кумовскую» дипломатию для брачных пар. На таких праздниках старики пытались блеснуть остроумием. Были и такие люди, которые блистали знанием истории, владели мастерством стихосложения. Основная масса молодых ребят показывала свою удаль. Люди с нетерпением ждали праздника. В подготовке была невероятная интрига, все пытались держать в секрете свои планы. Шили нарядные платья из лучших тканей. Утюгами, разогретыми на углях, разравнивали неровные швы, складки. Одевались в лучшие костюмы, уделяя каждой мелочи пристальное внимание. Каждая строчка шва, выточка, пуговица многократно осматривались, оценивались. Подготовка лошадей к скачкам была уделом знатоков, профессионалов. Тренировались бегуны, борцы, стрелки из винтовки. Молодые богатыри накачивали мышцы рук для метания камня. Борцы оттачивали различные приемы. Радостно и от души все готовились к

честным соревнованиям. Если участник борьбы, забыв о чести кавказца, допускал запрещенные приемы и разного рода хитрости, народ резко осуждал его. Честь кавказца сродни чести средневекового европейского рыцаря.

Я сделал паузу и резко перешел с рассказа о мирном празднике на Кавказе к сути нашего разговора.

– Европейцы, которые подло начали войну, будут наказаны Всевышним и потерпят крах! – многозначительно закончил я свою тираду. Спасаясь от дождя, накинул на себя фуфайку

– Дорогой мой рыцарь... Где ты видишь рыцарей в двадцатом веке? Разве фашисты – рыцари? Они, как шакалы, напали на Советский Союз без объявления войны. Убивают женщин, детей, стариков. Разоряют, грабят людей, страну, – пылко ответил лейтенант с горящими от негодования щеками. Холодные капли дождя струйками сбегали по его лицу.

Мои слова не понравились лейтенанту. Они не укладывались в выстроенную им схему. Как я понял, лейтенант предпочитал всего два цвета – черный и красный, два мировоззрения. Других оттенков у него не было. Видимо, время должно было поработать над ним всерьёз. Меня дома учили, что границы человеческого разума очень широки. Сколько непохожих друг на друга лиц на свете, сколько различных оттенков и мнений... Ничего, годы свое дело сделают. Обтешут, обожгут и поставят на правильный путь. Главное, что в этом молодом человеке ощущается стержень, отличающий настоящую личность от серой массы.

Спасаясь от дождя, мы зашли на рядом стоящий сеновал. Хотя дождь сочился через дырявую крышу, нашли сухое место для пристанища. Стало уютно и тепло. Отряхнувшись, некоторое время молчали, прислушиваясь к шуму дождя. Капли с крыши сеновала с характерным звоном падали в лужицу, образовавшуюся возле нас. Отслеживая линию падения капель, я поднял взор к потолку, там птичка свила гнездо и выглядывала с напряжением, глядя на нас, оценивая, какую опасность мы представляем, готовая при малейшем нашем движении вспорхнуть и улететь. На уровне моей головы, между деревянными стойками, подпирающими балку перекрытия, паук сплел большую паутину. Крупная капля попала на паутину, прорвав её, проскочила вниз. Вот так и мы должны проскакивать через немецкие сети, расставленные для нас, мелькнула у меня мысль. Мы должны легко сниматься с насиженного места при первой опасности и скрываться, как эта птица.

Дождь перестал лить. Мы вышли из своего укрытия. Солнце выглянуло из-за туч. От промокшей одежды исходил пар. Птички, радуясь солнцу и теплу, без умолку защебетали. Вот так люди будут радоваться победе после войны. Очередной вопрос лейтенанта оторвал меня от размышлений.

– Ты говоришь, мы с тобой земляки? – он пристально посмотрел на меня.

– Да, я из Кисловодского района, – ответил я, пытаюсь угадать, для чего ему понадобилось уточнять это.

– Говоришь, из Кисловодска? По российским меркам, от Армавира до Кисловодска всего ничего. Вот тебе раз, оказывается, тесен мир. В такой суматохе встретить земляка – это удивительно, – лейтенант, казалось, искренне изумлялся.

– Нет, я из Кисловодского района, – поправил я Лукина.

– Из района? Какая разница, из самого Кисловодска или района? Главное, мы с тобой земляки. Росли на одной земле, дышали одним воздухом, пили воду из одной реки Кубань, – и он дружески хлопнул меня по плечу.

– Действительно, часть земель нашего края расположена в Черноморском бассейне, а другая – в Каспийском. Вода родников, из которых мы пили, по водоразделу впадает в Кубань и Куму. Вода эта жизнь. Выходит, через потоки реки Кубань мы давно объединены, – сделал я умозаключение.

– Выходит, так.

Помолчав некоторое время, он вновь стал расспрашивать:

– Кто там у тебя дома на Кавказе сейчас живет?

– Многочисленная родня, – не распространяясь, коротко ответил я.

– Точнее... – не унимался любопытный лейтенант.

– Точнее? Отец, братья, сестры, племянники, племянницы, жена, маленький сын, – при последнем слове я мечтательно улыбнулся. От острого взора лейтенанта эта улыбка не ускользнула.

– Сын у тебя? Наследник есть! Счастливый ты человек! Значит, не зря на свете живешь, – воскликнул он и тут же резко помрачнел.

Не совсем понимая причину его грусти, я посмотрел Лукину в глаза. В одно мгновение с его лица исчезла улыбка. Видимо, он что-то вспомнил. Я выжидательно молчал. Собравшись с силами и понизив голос, он стал рассказывать.

– А у меня есть любимая девушка, Машей зовут. Соскучился страшно. Интересно, что она делает сейчас? Знал бы ты, какая она красивая, милая. Глаза у неё всегда смеются. Она такая стройная. Её лицо всегда у меня перед глазами. Она часто мне снится. Эх, проклятая война...

Глаза любящего человека отличаются от других. Даже в минуты гнева любящий человек смотрит на окружающий мир иначе. Трудно Лукину давались слова. Он, тряхнув головой, резко сменил тему, и я понял, что разговор о Кавказе, о моих близких, о моем сыне, о его любимой девушке ему нужен был совсем по другому поводу. Прощупать внутренне состояние человека на войне за короткое время непросто. И потому он начал издали «пытать» меня, несмотря на то, что мы участвовали в серьезном

боевом деле вместе. Видимо, оценив некоторые мои качества, которые пришлось ему по душе, он решил рискнуть и рассказать свою тайну.

Часто в обыденной гражданской жизни человек подпадает под власть подозрений, в которых тяжело разобраться. Тайна лейтенанта заключалась в том, что ему не нравились майор и его группа. Сомнения, которые мучили Лукина, нуждались в проверке. Такая тайна на войне стоит жизни, и открывают её только доверенным лицам. Открывая безусловно эту тайну передо мной, он как офицер рисковал. И все-таки доверился мне, поскольку дальнейшее бездействие становилось опасным для существования всего отряда. Это было как держать змею за пазухой, которая в любую минуту могла смертельно ужалить.

Я сразу понял его, поскольку на фронте уже приходилось встречаться с подобным. Обещал хранить тайну и всячески содействовать установлению истины. После чего лейтенант, скрупулезно выговаривая каждое слово, рассказал про майора и его людей. Я вдруг вспомнил, как мы раз на подводах привезли картошку на продажу в Минеральные Воды, и базарный мужик средних лет сказал: «Скупость не глупость». Так вот, скупо выговаривая слова, наш лейтенант не был глупцом.

– Вот уже месяц майор со своими людьми находится в нашем отряде. Кушаем вместе, делим один кров, спим под одной шинелью. Вроде бы, «свой в доску». Однако на душе у меня беспокойно. Подозрение возникло после одного случая.

Как-то на лесной дороге наши ребята остановили телегу с двумя полицаями. Так вот, майор подскочил к телеге, не спрашивая, кто да что, в упор расстрелял обоих. После чего на ребят накинулся, мол, чего это вы церемонитесь с людьми, которые предали родину и народ. Казалось бы, чего горевать из-за полицаяев. Но я не мог понять, к чему была такая поспешная расправа. Почему не допросил, может они дали бы нужные сведения.

В другой раз, когда мы вошли в село, он попал в дом к старосте и в присутствии пятерых детей, жены и матери повесил старосту в сарае. Поступки его как будто можно оправдать, но как можно в присутствии детей вешать их отца, они же никогда этого не забудут? И тогда чем мы отличаемся от наших врагов? И власть нашу это не красит, и Красной Армии чести не делает. К чему я тебе это всё говорю – я не доверяю им. Они в этих событиях, эпизодах, как хочешь называй, слишком рьяно себя вели. Что-то в них есть подозрительное, чему я не могу дать объяснения. Мы должны точно знать, кто они такие.

– Держать врага возле себя – значит обрекать себя на гибель. Это равносильно тому, чтобы свободно держать зверя, волка, готового в мгновение ока перерезать глотку всему отряду, – своим мнением дополнил я сказанное лейтенантом.

– Вот-вот. Именно зверя.

Немного помолчав, он продолжил:

– Поэтому мы внимательно следим за ними. Мне кажется, тебе можно довериться. Ночевать будем сегодня в лесу. Я поставлю тебя часовым после полуночи. Заодно будешь присматривать за ними. Как часовой будешь ходить вокруг спящего отряда. Это не вызовет подозрений. Часовой выполняет свои солдатские обязанности, охраняет отряд. Ни больше ни меньше. Старайся оказаться там, где будет майор со своими четырьмя бойцами. Не спускай с них глаз, держи ухо востро, чтобы он ночью не натворил чего. Повторяю, следи за ним и за его людьми, понял? – в голосе появилась крепкая командная нотка.

– Так точно. Понял. Только разрешите вопрос? – во мне пробудилось слегка притупившиеся чувство солдатской дисциплины.

– Спрашивай, – устало ответил лейтенант.

– Почему нападением на гарнизон командовал майор?

Он удивленно вскинул брови, оценив мою наблюдательность.

– И это заметил? Похвально. Тактика ведения войны многогранна. Человечество изобрело много оружия для уничтожения себе подобных. Как противоборствующие стороны, имея равнозначное оружие, могут одолеть противника?

– Точно не знаю, – признался я.

– Так вот, знай. Хитростью. Да-да, хитростью. Твои понятия о поединке, чести, рыцарстве современные военные стратеги отменяют и воспринимая как глупость. Война с первобытных времен не изменила свое назначение. Древний человек приходил с дубиной к другому древнему человеку с целью отобрать у него добычу, кусок мяса. С тех времен войны и ведутся для того, чтобы отобрать или сохранить добычу. Сущность войны не изменилась, хотя на дворе двадцатый век. Да, выучка, тренировка, мастерство – всё это нужно в военном деле, но информация не менее важна. Сегодня, не обладая подлинной информацией о группе майора, мы подвергаем себя смертельному риску. А чтобы обладать информацией, надо схитрить. Они сами ничего нам не расскажут. Значит, надо что-то придумать, чтобы раздобыть их тайну. Тут без военной хитрости не обойтись.

– Согласен. По нашим горским обычаям, влюбленный парень, чтобы привлечь внимание любимой девушки, идет на всякие ухищрения, уловки вплоть до обмана. Когда парень женится на любимой девушке, то сулит ей райские кущи, наполненные обилием и благополучием. И кисейные барышни принимают этот обман, что по местным законам не считается за грех. Обман заложен в основе любви. В данном случае...

Лейтенант с досадой меня перебил:

– В данном случае обмануть, перехитрить противника – это не грех. В основе здесь лежит ненависть к врагам, ненависть к оккупантам. Как можно сравнивать эти два случая?

– Я имею в виду, что такая хитрость недалеко от подлости! – вскипел я.

– Не горячись. Давай лучше детально рассмотрим возможные проколы в наших действиях, – он поостыл быстрее, чем я.

– В общем, план правильный, – сказал я примирительно.

– Отвечая на твой вопрос, почему операцией по нападению на гарнизон командовал майор, а не я, признанный командиром отряда лейтенант, что намного ниже звания майора, скажу так. Во-первых, он действительно назвал воинскую часть и назвал себя. Поди в этой суматохе определи, кто откуда. Во-вторых, в боевых условиях можно определить по многим параметрам – стилю подачи команд и приказаний, оперативному мышлению, – настоящий он майор или самозванец. Настоящего боевого офицера нельзя спутать со штабным. Повадки и манеры офицера, прошедшего фронтовые испытания, сильно отличаются от штабных манер. Если он был начальником штаба, значит военное дело знает. Ты и сам в этом убедился. Он как нельзя лучше справился с боевой задачей. В-третьих, если он по национальности немец, то своих немцев убивать не станет. Весь разгромленный гарнизон состоял из румынских солдат. А для немецких фашистов румыны – не люди. И потому вполне возможно, что румынский гарнизон просто подставили с какими-то далеко идущими планами. План нападения на гарнизон мы разрабатывали вместе. Соблюдая воинскую субординацию, на время операции я уступил майору командование отрядом. Опрометчивое решение? Возможно. После твоих разведанных, после того, как мне стала ясна полная обстановка в селе и в гарнизоне, у меня появилась уверенность в успехе операции. Уверенность уверенностью, но одновременно надо было подстраховаться. Через старшину я тайно отдал солдатам приказ следить за группой майора. Если бы что-то пошло не так, они готовы были предпринять меры по нейтрализации группы, вплоть до физического уничтожения.

Лейтенант Лукин, который сначала показался мне слишком молодым и неопытным, предстал передо мной в другом свете. Мне пришлось признать, что первоначальное мое мнение было ошибочным. В этом парне было достаточно мужества, ума, человечности. Несмотря на возраст, он рассудителен, способен управлять людьми, с чистыми помыслами. Внешний вид обманчив. Как говорил мой дед, «по походке будущего скакуна видно в жеребьячем возрасте».

Разоблачение

Солнце, выглянувшее из-за дождевых туч, грело особенно ласково. К чистому воздуху примешивались запахи утреннего боя. Но ароматы гари, пороха, пота постепенно сходили на нет. Прошедший дождь нейтрализовал их и во многих местах смыл кровь.

Трупы наших врагов в немецкой форме валялись повсюду. Бесчисленные мухи колдовали над трупами. Опасаясь людей, суетливо

занятые своими проблемами, несколько ворон, подергивая хвостами, заняли позиции на крышах домов и сараев. Они нетерпеливо перекликались между собой на вороньем языке. У нас не было времени хоронить трупы.

Глядя на это зрелище, я подумал: гибель одних – это пиршество для других, такова природа.

В суматохе боя я совершенно забыл о молодой паре, искренне помогавшей мне разведать ценные сведения о расположении, вооружении, численности гарнизона. Они обеспечили успех боевой операции. А где же благодарность за содеянное? Доброе слово им не помешает. Я помню себя в таком возрасте, когда за содеянное хорошее дело ждешь похвалы от старших, а в ответ следуют глупые насмешки и присвоение твоих заслуг. Душа черствела от обиды, сердце сжималось. В свою очередь, я начинал презрительно отрицать чужие заслуги. Невнимание отбивает охоту делать что-то позитивное. Неужели я стал похож на тех людей, что гасят порывы молодой поросли? Ругая себя за непростительную оплошность, я приступил к поиску отважных молодых людей. В это трудное время я должен был донести до них похвальное доброе слово. В такую минуту слово сильнее оружия, дороже хлеба.

Я стал расспрашивать местных жителей, и вскоре ребят нашли. Они с радостью подбежали ко мне. Обхватив обеими руками, я крепко прижал их к себе. К горлу подступили слезы. Ребята, перебивая друг друга, что-то говорили мне. В таком состоянии нас застал лейтенант.

– Знакомых встретил? – он удивленно смотрел на нас.

– Да, товарищ командир. Эти ребята молодцы, они помогли мне собрать ценные сведения о вражеском гарнизоне. Без них я не справился бы с поставленной задачей в разведке. Спасибо им огромное.

– И от меня, командира отряда, добавляю благодарность! – сделав строгий вид и подтянувшись, сказал командир.

Ребята, не приученные к военной дисциплине, немного стушевались, затем четко отчеканили:

– Служим трудовому народу!

Я широко улыбнулся, заметив в голосах юношеский задор и патристические нотки.

– Разрешите обратиться, товарищ командир! – придавая голосу твердость, молвила девушка. При этом парень смотрел на нее с восхищением.

– Разрешаю.

– Товарищ командир, примите нас с Сергеем в отряд! – на одном дыхании выпалила девушка.

– Да, да, товарищ командир, возьмите нас в отряд, – поддержал подругу Сергей.

– Вы же несовершеннолетние, – возразил лейтенант.

– Если вы откажете, нас немцы угонят в рабство в Германию. А если не в рабство, то из нас сделают подопытных кроликов и будут качать кровь для раненых солдат, – на глаза девушки навернулись слезы.

– Мне уже восемнадцать лет, – приосанившись, заявил Сергей.

– Вы понимаете, что воевать в таком отряде, как наш, очень трудно. Мы находимся в тылу врага. Превосходящие силы противника могут обрушиться на нас в любую минуту. У нас нет тыла, флангов. Оружие, боеприпасы достаем в бою. Часто недоедаем, продовольственных запасов у нас нет, как и интендантской службы. Мы ночуем на голой холодной земле. Легко можно простудиться и заболеть. Выдержите ли вы эти многочисленные испытания, я не уверен в этом.

Ребята приуныли. Не подобает вмешиваться солдату в решение командира, но я решил замолвить за них словечко.

– Товарищ лейтенант, я даже не знаю, как этих ребят зовут, но хочу сказать, что они испытаны в боевом деле. Я за них поручусь. Считаю, что они должны быть зачислены в отряд.

– Я могу быть санитаркой, могу быть поваром, не стану обузой для вас, – стояла на своем девушка.

– Я из карабина стрелять умею, – добавил Сергей.

– Ладно, принимаю вас обоих в отряд, но если в бою струсите – прогону. Идите, готовьтесь к походу.

– Мы уже готовы, наши вещевые мешки собраны! – дружно ответили сияющие ребята.

Похлопав Сергея по плечу, я стал готовится к построению.

Разобравшись со всеми хозяйственными вопросами, распрощавшись с жителями деревни, которые готовились скрыться от немецких карателей, отряд двинулся дальше на восток.

Я шел в конце отряда вместе с Сергеем и Люсей. Дорога, петляя, вошла в лесной бор. Стало прохладно. В лесу мы были защищены от взора немецких летчиков. Осторожность была нужна, и командир послал Сергея и Люсю впереди нашего обоза шагов за триста, чтобы в случае чего они могли предупредить об угрозе. Специально без оружия, если попадутся противнику, чтобы их приняли за мирных жителей. Прошагав несколько часов без приключений, отряд остановился на привал. Люди, уставшие после трудного дня, закусили припасами, подложили вещевые мешки под головы и, прикрывшись шинелями, фуфайками, легли спать. Низ листвы был влажным. От этой влаги холодок потянул по бокам. Но измотанные бойцы, не обращая внимания на неудобства, быстро засыпали.

Отдохнув немного, как договорились, в полночь я сменил часового на положенные мне два часа.

В густом лесу темно не только ночью, но и днём. Темно настолько, что не видно ни зги, хоть глаз выколи. Я не выспался, глаза слипались.

В лесу воздух чистый, легко дышится. После прошедшего днем дождя навис от испарины лёгкий туман, уставшие кости слегка ломило. Я сделал над собой усилие, протёр глаза, присел несколько раз и, чтобы окончательно прогнать сон, стал прохаживаться возле спящего отряда, как и положено несущему караульную службу. При этом прислушивался к шорохам, скрипу сухих веток, шуму вековых сосен.

Подул прохладный ветер. Он окончательно меня взбудил. Лесной шум под воздействием ветра усилился. Деревья, ветки, листья обнимались, издавая характерный шорох. Я был осторожен, внимательно прислушался. Двухметровый сибиряк сильно храпел. Нос и глотка спящего здоровяка не справлялись с могучим дыханием и издавали завывающие, свистящие звуки. В ближайшей округе, наверно, звери в лесу разбежались. Вскрикивал во сне татарин Хабибуллин, который, сходяв недавно на разведку, обнаружил на обочине убитых женщин и детей и поседел прямо там. Во сне на кого-то ворчал Бальчинов на своем калмыцком языке. И вот среди этой какофонии звуков ветер донёс до меня иные голоса.

Присел на месте, прислушался и похолодел – кто-то отрывисто говорил по-немецки! Хотя я не знал немецкого, с легкостью мог отличить его от других языков. Не создавая шума, я стал продвигаться на голос. На лапнике лежит майор и спит. Он разговаривает во сне. Сквозь сон проговаривает отчетливо понятное мне слово – имя Марта. Я немедленно бросился будить командира, который отлично владел немецким языком. Мы вместе стали слушать майора, и вскоре лейтенант шепотом приказал:

– Разбуди старшину и приведи вон к тем берёзам.

Я растолкал старшину.

– Что случилось? – спросонья испугался тот.

Я знаком показал, чтобы он молча следовал за мной. Он быстро поднялся и пошёл.

Лейтенант ввёл старшину в курс дела и отдал приказ немедленно разоружить майора и его группу, для чего разбудить самых надёжных и сильных ребят и быстро выполнить операцию, пока ещё никто ничего не подозревает.

Группа майора была беспрепятственно обезврежена.

– Что вы говорите? Я русский, какой немец? О каком сне вы говорите? Что вы несёте? – возмутился майор.

Когда поняли, что от него ничего не добьёшься, сказали, что его расстреляют, и повели в балку. Поставили к обрыву и зачитали приговор: «Согласно закону военного времени...»

Старшина отдал солдатам приказ стрелять. Прозвучали выстрелы. Майор упал на колени, он обмочился, по щекам потекли слёзы, весь трясся как в лихорадке. Старшина встал над ним и закричал:

– Говори правду, кто ты, какие цели преследует ваша группа, или пристрелим тут же!

– Скажу, скажу всё как есть, только не убивайте, – плача и дрожа всем телом, умолял «майор».

Душонка оказалась хлипкой, жить хочется. Он не повел бровью, когда вешал, убивал других. Старосту повесил на глазах у детей, не моргнув глазом, а пришёл его черёд – обмочился, тоже мне рыцарь.

– Некогда нам с тобой тут в игры играть, будешь говорить – говори сейчас, или я пулю тебе в лоб пущу, – грозно прорычал старшина Михаил Пилипенко.

– Скажу, только жизни не лишайте... – забыв об офицерских манерах, всхлипывая, пытаюсь унять дрожь в теле, утирал сопли майор.

– Посмотрим на твоё поведение, на твой рассказ и решим, что с тобой делать. Ну что, будешь говорить правду? Не такие гады развязывали языки передо мной. Говори, сволочь, что задумал, какую пакость хотел сделать, иначе всажу пулю тебе в лоб. Нам некогда ждать. Или ты начинаешь говорить, или я тебя... – старшина передернул затвор.

– Скажу, дайте только дух перевести и закурить... – попытался выиграть время «майор».

– Ты не на курорте, не доводи меня. Смотрю, ты ждёшь, когда у меня терпение закончится. А закончится оно – и жизнь твоя закончится, ясно? – старшина Пилипенко пустил автоматную очередь поверх голов диверсантов, которые сидели на корточках со связанными руками. Они тут же уткнулись носами в землю.

«Майор» начал издалека:

– Русские партизаны в 1812 году нанесли французской армии огромный урон. Армия Наполеона одерживала победу за победой. Перед величием Наполеона преклонялись короли европейских государств. В то время французская армия считалась самой сильной и непобедимой. После бородинского сражения российская армия была на грани полного разгрома. По всем канонам военной науки Россия должна была капитулировать перед Францией. Однако, как мы знаем из истории, Россия вскоре прогнала хваленую французскую армию со своей территории. Русская армия триумфально вошла в Париж – столицу Франции.

С тех пор в Европе искали ответ на вопросы, почему в России фортуна отвернулась от французской армии, где кроется сила России, как русским удастся выигрывать войны? Германские военные, прежде чем приняли решение о нападении на СССР, тщательно изучили историю предшествующих войн. Особенно поход Наполеона на Москву. Детально разбирая по архивным данным события тех времен, натолкнулись на тему партизанской борьбы русских с регулярной французской армией.

Германия с немецкой педантичностью готовилась к войне. Чтобы обезопасить себя от партизан, подготовили специальных людей, чисто

говорящих на русском языке, физически подготовленных, способных действовать в лесных условиях, бороться с подпольщиками. В учебные центры привлекали бывших белогвардейцев, эмигрантов из всех многочисленных народов СССР, озлобленных на большевиков после утраты своего имущества. Уровень подготовки этих кадров был высоким. Под разными предлогами в качестве гражданских специалистов, туристов они посещали СССР, чтобы воочию увидеть места будущих боевых действий. Группы, подобные нашей, могли действовать длительное время автономно. Совершать диверсионные акты. Сеять панику среди гражданского населения и воинских частей. Выводить из строя целые заводы, промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Могли входить в доверие к людям. Подкупить, подсунуть взятку должностному лицу. Разными неблагоприятными мерами скомпрометировать порядочного человека. Внедриться в партизанские отряды и, по возможности, ослабить их изнутри, проще говоря, не дать партизанам достичь желаемого – вот это было нашей главной целью. К разносторонней борьбе с партизанами мы готовились много лет.

Все члены групп научились чисто говорить по-русски. Научились носить одежду на русский манер, начиная от обуви до головного убора. Курить, скручивая самокрутки, и пить самогонку по-русски. Даже семечки щелкать по-русски. До мельчайших подробностей изучали повадки русских людей из разных областей. Чем они отличаются друг от друга? Что связывает русского с русским? Как обмануть? Чем напугать? Насколько противник силен и вынослив?

Военные изучают психологию противника, чтобы, используя недостатки, слабые места психики, одержать над противником победу. Каждый народ имеет особенные черты, отличающие его от других народов. Мы внимательно изучали отличительные черты русских. Мы знаем, что в СССР проживает около двухсот народов. Если о русских мы знаем более или менее, то о прочих народах, проживающих на территории СССР, почти не знаем. Информация об этих народах имеет огромное значение для того, чтобы распознать единого противника в лице народов СССР. Для нас остается загадкой вопрос о том, как коммунисты смогли объединить все эти нации в один монолитный народ. Они на равных оказались все в одном строю в Красной Армии. Нам, немцам, это не понять.

– Не надо путать. Не вам, немцам. А вам, фашистам, это не понять. Вы же ставите себя выше всех. Вы себя считаете богами на земле. Вы воспитаны на теории сверхчеловека, мы воспитаны на другой теории, теории равенства, которая объединяет все нации, – холодно заметил наш командир. Мы одобрительно посмотрели на него.

Грозный вид старшины Пилипенко не предвещал ничего хорошего для «майора», он опустил глаза и продолжил свой прерванный рассказ:

– Наша разведка знала о вашем существовании. Действия отряда находились в поле зрения нашего командования. Военная стратегия германских вооруженных сил направлена на разгром основных сил Красной Армии. Мелкие отряды типа ваших не представляют особой угрозы для вермахта. Несмотря на очевидные успехи в войне в первые месяцы вермахт столкнулся с ожесточенным сопротивлением Красной Армии. Война на востоке, с которой мы столкнулись, резко отличается от войны западной. Там, не замочив сапог, мы вошли в столицы европейских стран. Мы обрушили огромную мощь немецкого оружия на головы коммунистов. Разбив основные части Красной Армии, дислоцированные на западе территории СССР, мы не достигли основной цели плана «Барбаросса» – полного разгрома армии противника и захвата Москвы.

Запланированные сроки захвата столицы противника срывались. Нависла угроза повторения истории с французами. В связи с этим опытные стратеги тихо под нос заговорили о том, что мы слишком увлечены идеей победоносного продвижения фронта на восток. Чем жестче было сопротивление противника на огромном театре военных действий от Баренцева до Черного моря, тем тверже стали говорить о ликвидации оставшихся в нашем тылу разрозненных частей противника. Эти части легко вливались в местные небольшие партизанские отряды и становились боевой единицей, требующей отвлечения регулярных войск от главного удара на востоке.

Один из таких крупных отрядов уже существует в близлежащих лесах. Чтобы разгромить этот партизанский отряд, наше командование разработало план. Решили использовать ваш немногочисленный отряд. Разведка доносила, что отрядом командует молодой, по-настоящему не нюхавший пороха лейтенант. Меня наделили шпалами майора, чтобы легче было отобрать командование вашим отрядом. После разгрома румынского гарнизона мне на какое-то время показалось, что это нам удалось. Выходит, ошибся.

Далее стояла вторая задача – через ваш отряд внедриться к партизанам. С этой целью было решено встретиться с вами в «сражении», которое было нами специально организовано, так как мы заранее знали о вашем приближении. С нашей, немецкой, стороны, потерь не было, мы просто вели перестрелку, чтобы ввести вас в заблуждение. Это, как мне кажется, нам удалось.

А чтобы полностью войти к вам в доверие, нужно было сообщать о участии в каком-нибудь бою, и мы придумали третий «шаг», который должен был свидетельствовать о мужестве, сообразительности, боевой выучке нашей группы. Вот таким образом мы «подставили» румын и вместе с вами их безжалостно уничтожили. Эти румыны сло-

жили головы ради великой цели – что поделать, на войне и не такие потери случаются.

– А почему вы немецкий гарнизон не подставили?

Пилипенко задал вопрос. «Майор» не стал ему отвечать, а продолжил свой рассказ.

– Убийство полицаев, расправа над старостой мною совершены по причине того, что мы знаем – русские люто ненавидят предателей, полицаев и других отщепенцев. Мы считали, что казнь предателей вызовет одобрение с вашей стороны и не будет никакого сочувствия им. На основании такого психологического хода я совершил то, что совершил, чтобы вы окончательно поверили мне – мнимому офицеру, командиру Красной Армии. Тем самым признали меня как лидера отряда и сделали из меня командира. Эти полицаи и староста были мусором, не нужным ни вам, ни нам, таких мы не щадим: сегодня они вас продадут, завтра – нас. Основной нашей целью было продвижение вместе с вами в восточном направлении, где километрах в двадцати действует большой партизанский отряд.

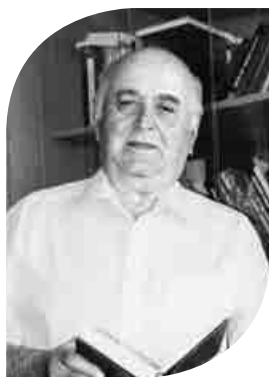
Мы хотели влиться в него и действовать по нашему плану. За вами следом идёт скрытая немецкая часть. Пока вы нас не трогаете, вас тоже никто не тронет, но как только они узнают, что мы схвачены и их планы нарушены, они нападут на вас и уничтожат.

– Как вы общаетесь с преследующими нас немцами? – глухим голосом спросил лейтенант Лукин командира немецкой диверсионной группы.

– Наносим на деревья специальные метки, показывающие направление движения, оставляем в дуплах записки, они связываются по радиисвязи с теми, кто впереди, а те оставляют записки нам, – повернув голову на знакомый голос, ответил немец.

Подозрение нашего командира подтвердилось. Диверсионная группа была обезврежена и пленена. «Майора» затем переправили в Москву на самолете. Ценную информацию, которую дал «майор», широко использовали против фашистов все партизаны Белоруссии, Украины и России. Благодаря этим сведениям обезвредили большое количество шпионов, диверсантов. Сохранили жизнь многим партизанам и подпольщикам...

*Хасан ШАБАЕВ,
писатель, заслуженный работник
культуры КБАССР*

АСИЯТ

Главы из повести

I

Весть о тете, маминой сестре, была нераспространенной: «Асият тяжело больна...». Слушая по телефону незнакомый голос, я вспомнил слова Асият, которые она часто повторяла: «Жизнь без детей – что мир без солнца». В такие минуты она особо остро чувствовала свое одиночество, горечь раскаянья сжимала ее сердце. В глазах Асият выступали слезы, и ей с трудом удавалось сдерживать себя, чтобы не разрыдаться.

Было время, когда она считалась одной из лучших невест во всей округе. Высокая, статная, белолицая, с длинными, чуть ли не до колен, и черными как смоль косами, Асият нравилась парням. Она это знала. Но ее самоуверенность никогда не давала повода девичьим пересудам, черной зависти подруг. В ней не было ни показного кокетства, ни спесивой гордости.

Хотя руки Асият домогались многие, она шуточно отклоняла их предложения, находя в каждом новом женихе какой-нибудь изъян: тот недостаточно красив, этот не вышел ростом, третий – из неподходящего рода, и подобное.

Правда, Асият не осталась в старых девах, нет. Она рано познала мужскую ласку, выйдя замуж в семнадцать лет. Однако старики-родители Асият, обеспокоенные своей дальнейшей судьбой, постарались вернуть ее в дом. К тому времени все ее четыре брата были женаты. Но ни одна из невесток не проявила должной заботы о старых родителях своего мужа. Чувствуя их отчуждение, а иногда и проскальзывающую сквозь внешнее благонаравие неприязнь, старики решили обратиться за помощью к дочери. И Асият снова вернулась в родной дом.

Разлука с мужем не вызвала в ней особого беспокойства. Очевидно, проявилась ее беспечная уверенность в своей молодости и красоте. Ей казалось, что и теперь многие из бывших воздыхателей почтут за счастье связать с ней свою судьбу. Однако надежды Асият почему-то не оправдались. Ни один из сельских парней не переступил ее порога.

Шло время. Асият все глубже осознавала нелепость своего положения, в ее душе с каждым днем нарастало чувство досады и раскаяния. Родителей она ни в чем не упрекала, но в последнее время в их отношениях появилась некоторая натянутость.

Ибрахим, муж Асият, приложил немало усилий, чтобы сохранить семью. «Вернись, – уговаривал он ее, – не губи жизнь ни себе, ни мне. Придет время, и ты пожалеешь». Но она и слышать не хотела. Нет, Асият не была к нему равнодушной. Она даже любила его, была с ним счастлива и теперь все чаще вспоминала дни и ночи, проведенные вместе. Словом, в дом к Ибрахиму она так и не вернулась.

В Новом селе Ибрахима знали и уважали все. Он был высокий, широкоплечий, с густыми, медового цвета волосами парень. В его твердой походке, неторопливых движениях, приятном голосе всегда чувствовалась спокойная уверенность человека, знающего себе цену. Он обладал практическим трезвым умом и был не по годам серьезен.

По-мужски красивое лицо Ибрахима имело единственный недостаток: несколько лет назад над верхним веком левого глаза появилась большая красноватая бородавка. Асият сначала никак не могла привыкнуть к ней и всячески старалась не замечать. Но когда, лежа в постели, она случайно касалась пальцами маленькой шишечки над глазом мужа, по телу ее невольно пробежала дрожь, и она подолгу не могла заглянуть в глаза Ибрахиму. Однако это чувство вскоре исчезло. Она быстро привыкла к Ибрахиму, и теперь уже ничто не вызывало в ней тех прежних неприятных ощущений. Порой ей даже нравилось, уложив мужа в постель, играть его шероховатой морщинистой бородавкой, что доставляло удовольствие и самому Ибрахиму.

Ибрахим учился в Нальчике, в Ленинском учебном городке, а по возвращении оттуда был назначен секретарем сельского Совета. Но не ученость его и не видная должность увлекли красавицу Асият. Ей нравилось в нем умение красиво и просто говорить о вещах обыденных, казалось бы, ничего не значащих в повседневной их жизни, его твердая уверенность в правоте своих суждений. В его словах никогда не ощущалось ни напыщенной важности, ни высокомерной назидательности, а в голосе его она чувствовала всегда какую-то мягкую, глубокую и заботливую нежность.

Асият было легко и уютно рядом с ним. Она ни разу не услышала от Ибрахима банальных слов любви, вроде как: «Я думаю только о тебе. Без тебя мне свет не мил». Даже сделанное ей предложение было необычным и кратким: «Вот – ты, вот – я. Нравлюсь – выходи за меня...». И Асият согласилась, хотя знала, что многие из сельских парней готовы были бы на коленях вымаливать у нее такое согласие. Она никогда не сожалела о своем выборе и всегда вспоминала о трех коротких месяцах, проведенных с Ибрахимом, как о самой счастливой и радостной поре своей жизни.

Ибрахим любил Асият глубоко и нежно. Жизнь без нее ему представлялась пустой и бессмысленной. Ему нравилось в Асият все: и глаза, и лицо, и ее чистый звонкий смех, и ее тонкие белые руки, нежное прикосновение которых всегда приводило Ибрахима в неизъяснимый трепет; и ее мягкий грудной голос, полный доброты, тепла и ласки. К тому же он

был рад породниться с братьями Асият, о которых в Новом селе ходила добрая молва. С одним из них – Хамитом, средним из братьев, Ибрахим был хорошо знаком. Еще до отъезда Ибрахима в Нальчик они вместе работали табунщиками в колхозе и очень подружились. По мнению Ибрахима, Хамит был честным, порядочным и трудолюбивым парнем. Не случайно и мать моя, старшая в своей семье, всегда выделяла Хамита из среды всех родственников и относилась к нему с особой любовью.

Любопытно, что и первое нежное чувство к Асият зародилось в душе Ибрахима благодаря Хамиту. А дело было так. В колхозном табуне имелся молодой необъезженный жеребец. Многие пытались его укротить, но ничего у них не получалось. И вот однажды это удалось Ибрахиму. Схватив жеребца обеими руками за уши, он поставил его на колени и держал так до тех пор, пока Хамит не накинул седло и не вскочил в него. Битый час носило гордое животное упрямого седока по окрестным полям, неистово пытаясь избавиться от него, но, поняв наконец, что не сможет, покорилось человеку. Обрызганный с ног до головы комьями грязи, Хамит подъехал на взмыленном и смертельно уставшем жеребце к кошаре. Лицо его дышало радостью. Привязав коня, он бросился к Ибрахиму и, крепко пожимая ему руку, сказал: «Молодец, Ибрахим, воллагаи, если ты признаешь нашу Асият достойной себя, я буду очень рад такому зятю...»

Асият была младшей в их большой семье, поэтому пользовалась всеобщей любовью. В решении выдать ее замуж за Ибрахима главную роль сыграло мнение моей матери, Маржан, отличавшейся, по словам многих, глубоким умом и благородством. В нашей семье почти ничего и никогда не свершалось без ее ведома. И, кто знает, скажи она «нет», может быть, и вовсе не было бы этого несчастного брака. Когда родители Асият вернули ее в свой дом, моя мать долго уговаривала их не лишать бедную девушку супружеского счастья. «Какое вы имеете право отбирать жену у мужа?» – возмущенно говорила она. Но старики никак не хотели соглашаться с ней, уверяя, что им не будет жизни без дочери. К тому ж и сама Асият не желала возвращаться в дом мужа, что и сыграло решающую роль в исходе спора. «Я не смогу найти себе покоя, зная, что мои родители нуждаются в моей заботе», – заявила она.

Было похоже, что братья Асият тоже на стороне стариков. Но тогда им и в голову не могло прийти, что сестра не сможет поладить с невестками и будет постоянно донимать их своими бесконечными и злыми упрёками.

II

...Приехав из Нальчика в Новое село, я напрямик направился в дом Асият. Этот дом был и моим домом, потому что я знал, что двери его всегда открыты для меня и что я и в радости, и в горе непременно найду здесь тепло и ласку, защиту и опору.

Асият лежала у окна внутренней комнаты на большой, с белыми спинками, кровати. Она была укрыта красным бархатным одеялом. Седая голова ее покоилась на большой пуховой подушке. Длинные пальцы худых белых рук, сложенных на груди поверх одеяла, чуть вздрагивали, мелко теребя ворсинки бархата. Возле кровати Асият сидело несколько соседок, одетых по-домашнему. Очевидно, они забежали на минутку справиться о ее здоровье. Между женщинами текла тихая беседа. Увидев меня, Асият не поверила своим глазам. Схватившись руками за голову, она издала несколько возгласов, похожих на стон, губы ее задрожали, в глазах появились слезы. Это были слезы радости. Все лицо ее засветилось счастьем. Я наклонился к Асият и прижался щекой к ее щеке. Увидев в ней такую резкую перемену, соседки умиленно улыбались и, тихо о чем-то переговариваясь, кивали друг другу головами. Но когда по бледным щекам Асият скатились две крупные слезы, одна из женщин тихо отвернулась, прикладывая кончик своей черной, в белый горошек, косынки к глазам.

– Да не разлучит вас Аллах, – проговорила она чуть слышно.

– Спасибо тебе, – так же тихо ответила Асият сдавленным от волнения голосом.

Я встал и поздоровался с женщинами. Они стали по очереди обнимать меня, говоря приличествующие в таких случаях слова благословения, желая покоя всему миру, а также могущества и благоденствия родной земле. После этого они тихо удалились. Мы остались в доме вдвоем с Асият.

– Внезапно у меня отнялись ноги, я не могу ходить, – сказала она, вытирая рукой капельки пота, выступившие на лбу. – С тех пор как я слегла, Шамкыз постоянно со мной. Она только что куда-то вышла. Наверное, пошла в магазин.

Шамкыз – моя младшая сестра. Когда отец наш ушел на войну, а вскоре умерла мать, мы с сестрой остались на попечении Асият. Я очень хорошо помню то время. Шамкыз была еще грудной. А теперь она сама мать четверых детей: у нее три дочери и сын. Ее муж, Самат – главный зоотехник нашего колхоза – добрый и порядочный человек. И к Асият он относится с большим вниманием и теплотой. За это я ему особенно благодарен.

– Ты неплохо выглядишь, благодарение Аллаху, – сказал я Асият, нежно глядя ее по волосам. Она слегка улыбнулась. – Хочу спросить тебя: ты не знаешь, кто звонил мне по телефону? Я так перепугался!

– Един Аллах, не знаю, – ответила Асият. – Сколько раз я просила: не звоните, не беспокойте Эльдара (Эльдар – это мое имя.) А может, это был Самат?

– Ну что ты, его-то я сразу бы узнал.

– Клянусь братьями, не знаю тогда, кто мог тебе позвонить. – Асият всегда клялась своими братьями, так и не вернувшимися с войны.

Постепенно лицо ее обрело выражение покоя, на щеках появился легкий румянец. Но глаза Асият были чуть грустными и задумчивыми. Мне показалось, что она хочет, но никак не решается заговорить со мной о чем-то важном.

– Мальчик, – сказала она наконец (сколько себя помню, Асият всегда звала меня мальчиком). – Хорошо ли, плохо ли, но я прожила немало на этом свете. Пусть теперь Аллах позаботится о вас и продлит ваши годы... Ну что ты опустил голову? Не надо грустить, на все воля Аллаха. От судьбы не уйдешь... Единственное, о чем я хочу попросить: не оставляй наш дом без человеческого тепла. Мне будет стыдно перед людьми, если наш двор зарастет травой. Мои земляки ничем не хуже городских... И если ты хочешь выполнить мою последнюю волю, то должен вернуться сюда и поселиться здесь, в нашем старом доме.

Асият и в голову не могло прийти, сколь многого она от меня требовала. После окончания Кабардино-Балкарского госуниверситета я постоянно жил в Нальчике и работал на одном из заводов. Недавно меня назначили начальником цеха, избрали депутатом городского Совета. Здесь же я стал коммунистом. Конечно, оттого, что я покину завод, в работе его особых изменений не произойдет. Но как и чем объяснить причину своего ухода, когда тебя так ценит руководство и уважают рабочие?

Голова идет кругом. А как посмотрит жена? А что, если она заявит: иди, мол, куда хочешь, а я буду жить с детьми здесь? Что делать тогда?..

Я постарался отвлечься и заглянул в глаза Асият. Они были задумчивы и печальны. И я вдруг понял, что Асият в предчувствии близкого конца хотелось насмотреться на самых дорогих людей в ее жизни. Она внимательно и подолгу разглядывала то меня, то фотографии своих братьев и Ибрахима, висевшие рядом на стене. После того как Ибрахим ушел на фронт, Асият частенько навещалась к родителям своего мужа, помогая им по хозяйству: прибирала в доме, стирала, мыла посуду, готовила еду.

– Дурочка, что ты делаешь? Как тебе не стыдно ходить в дом человека, от которого ты сама ушла? – говорили ей многие.

Асият отвечала им:

– Кому какое дело? Наш брак никем не нарушен, и никто не может запретить мне ходить сюда!

– Ну и ходи тогда, шляйся где попало, как потерявшая хозяйина скотина, – со злостью сказала ей однажды жена ее брата Хамита.

Эти слова жгучей болью отозвались в душе Асият. Но она тогда ей ничего не ответила. С тех пор как братья ушли на фронт, Асият старалась как можно бережнее относиться к невесткам, хорошо понимая, что и им теперь нелегко. Да, прежде было время, когда братья, бросив родителей

на попечение сестры, вели веселую, беззаботную жизнь. Тогда Асият не давала спуска ни им, ни их женам. Иногда она по целым неделям не позволяла братьям ночевать в своих комнатах, чем доводила бедных невесток до белого каления.

– Ничего с вами не случится, – говорила им Асият, – если вы одну-две ночи переночуете с родителями. Ведь вы тоже их дети, так же, как и я.

На это братьям нечего было ответить.

Асият не давала невесткам распоряжаться даже заработками их мужей. «Мои отец и мать не для того вас растили, чтоб теперь ваш труд уплывал в утробы каких-то проходимок», – говорила она братьям. И они опять не смели ей перечить, так же, как и их жены. Только Хамит решился однажды высказать ей все, что накопело у него в душе.

– Не зря Ибрахим развелся с тобой, – сказал он сестре со злостью. – Видать, у него не было другого выхода. И, воллахи, это его счастье. Ты просто гадюка!

– А почему же ты тогда бросил своих отца и мать на попечение такой, как я, змеи?! Твоя белолицая женоушка только и знает, что наряжаться да сидеть возле своих детишек. А я что, по-вашему, веник? Со мной можно делать что угодно?!

– Хватит, не морочь мне голову. У тебя через каждое слово то отец, то мать да твоя забота о них. Можешь не беспокоиться о них, божий человек. Мы и сами не дадим умереть им с голоду...

– Да им сейчас не хлеб твой, а тепло человеческое нужно.

– Ты за них не переживай. Уж так, как ты, и я смогу за ними присмотреть, будь уверена.

Тут в разговор вмешалась жена Хамита.

– Ну что за глупость ты говоришь! Как ты разговариваешь? – сказала она. – Вы не имеете права обижать сестренку. Разве вы не знаете, что ни один из вас не сможет ухаживать за стариками так, как она? Думайте, что говорите. Девочка вправе упрекнуть любого из нас.

Но слова невестки не произвели никакого впечатления на Асият.

– Я знаю, о чем ты щебечешь, – сказала она ей. – Ты боишься за себя. Не бойся, как бы ни было трудно, я ни за что не доверю вам своих родителей. А если вы будете донимать меня, то я не то что вас, а ваших мужей никогда не пушу на порог «большого дома».

III

Дом Асланбека (деда по матери) был построен в виде барака и растянут вдоль улицы во всю ширину обширного двора. В нем каждому из сыновей была отведена отдельная комната, а место, где жили старики, – разделено надвое. В доме имелся красиво сложенный горский очаг. Вдоль задней стены дома тянулись широкие удобные полки, выкрашенные в

тускло-коричневый цвет. Они всегда были доверху забиты одеялами, подушками и матрацами различных цветов и размеров и занавешены до самого пола полинялой ситцевой материей. Бабушка наша часто говорила: «Я не хочу, чтобы мои сыновья спали на чужой постели. Слава Аллаху, своего добра хватает». Но, когда в дом пришли невестки, она, удовлетворенная их приданым, решила оставить весь этот скарб у себя. Так и лежит ее добро, нажитое годами, на старых полках, издавая терпкий и кислый запах плесени.

На широкий и длинный топчан, установленный в глубине «большого дома» (так называли комнату стариков), не позволялось садиться, а тем более ложиться, никому, кроме самого Асланбека. Только матери Асият позволял иногда хозяин лечь у себя в ногах и был этим, кажется, очень доволен. Но с тех пор как дочь вернулась в дом, мать не разлучалась с ней ни днем, ни ночью. Обе спали в комнате, предназначенной для гостей. Она отличалась от «большого дома»: здесь стояли две одинаковые кровати, на спинках которых блестели по два крупных металлических шара. По стенам над ними висели два балкарских кийиза¹, пестро украшенных красивым национальным орнаментом. На каждой кровати – по две пуховые подушки. Они аккуратно уложены друг на друга под прозрачным гипюровым покрывалом. Здесь во всем чувствовались уют и порядок. Полы в комнатах были глиняными. Асият ежедневно тщательно их подметала, предварительно побрызгав водой из кумгана². На одной из боковых стен родительской комнаты красовалось большое зеркало, под ним – белое махровое полотенце. По одну сторону от зеркала пожелтевшая от времени фотография стариков, по другую бросалась в глаза фотография Асият с братьями. У входа в «большой дом», по левую сторону от двери, висела старая черная бурка Асланбека, его белый башлык и коричневая черкеска. Серебряные газыри черкески, сменившие, по слухам, уже не одного хозяина, сверкали, как новенькие. Когда Асланбек выходит во всем этом наряде на люди, он чувствует себя по меньшей мере князем.

«У кого широкий двор, у того и душа широкая», – любит повторять Асланбек. В чем в чем, а в этом старик добился своей цели: чтобы добраться от калитки до порога его дома, нужно пройти немалое расстояние. Сеновал, сарай для скота и другой живности Асланбек построил в самом дальнем углу двора. «Таково было пожелание моего отца», – говорил он. Во дворе имеется добротная коновязь на пять лошадей. Собачья конура пристроена прямо к высокому каменному дувалу и находится в нижней части двора, возле сараев. Там же стоит высокая тренога с подвешенным над ней большим горским казаном. Ноги

¹ *Кийиз* – балкарский национальный ковер из шерсти.

² *Кумган* – сосуд для воды.

треноги упираются в закопченные сажей широкие плоские камни. Во дворе царит порядок: казан всегда чисто вымыт, двор подметен, каждая вещь знает свое место.

Асланбек любит свой дом. Единственное, что не устраивает Асланбека, – это то, что его большой двор каменист. «Разве это двор, – говорит старик, – где дети не могут резвиться безо всякой опаски». Асланбек думал-думал о том, как избавить двор от камней, но так ничего и не придумал: засыпать глиной – в дождливую погоду будет непролазная грязь, повываивать камни – весь двор будет в ямах и ухабах. Но постепенно семья так привыкла к своему двору, что и вовсе позабыла о его валунах. А дорожка от порога до калитки стала гладенькой, как зеркало. «Когда-нибудь и весь двор станет таким же – люди протопчут», – решил в конце концов Асланбек и успокоился.

Асланбек был человеком слова. Все знали, что на него всегда можно положиться. Он одним из первых в селе вступил в колхоз. Несмотря на тяготы и лишения, ему удалось поднять на ноги всех своих сыновей и дочерей. В селе к Асланбеку всегда относились с большим уважением. Он никогда и никому не отказывал в помощи, не хитрил, не искал себе легкой участи в ущерб другим. Даже своего единственного ишака он давал каждому, кто попросит, для выполнения той или иной работы.

Бывали дни, когда Асланбек, отрывая от собственной семьи, делился последним куском хлеба с голодающими соседями. Это вызывало недовольство в семье, но его дети никогда не смели упрекнуть отца. Только однажды жена Асланбека Абидаг осмелилась возмутиться.

– Послушай, – сказала она Асланбеку, присаживаясь у очага и отряхивая руками подол своего старенького платья. – В доме нет даже горсти муки, чтобы испечь хлеб. Ты сам знаешь, что я никогда в жизни не смела тебе ни в чем перечить. Но сегодня я хочу спросить тебя: как и чем ты думаешь кормить своих детей завтра? Ты думаешь, мне не надоело каждое утро заглядывать в пустой казан, не зная, что в него бросить?.. Сколько я помню, ты всегда болеешь душой за голодных, отдаешь последние крохи с семейного стола чужим людям. А ты пойд и попробуй у них что-нибудь взять. – Замолчав, Абидаг всплакнула.

– Э, женщина, – ответил примирительным тоном Асланбек, – не поднимай паники без причины. Аллах всемилостив, он не даст умереть с голоду своим детям. Поняла? И дети будут переживать, если мы будем вести в доме такие разговоры, или, хуже того, превратятся, глядя на нас, в нытиков. Не говори больше об этом, будь благоразумной.

– Хорошо, раз ты думаешь прокормить своих детей красивыми словами – я потерплю. Но хочу предупредить, что терпение мое уже на исходе.

– Зря ты так говоришь. Ведь ты прекрасно знаешь, что я не тот человек, кто любит показуху, – сказал Асланбек с обидой в голосе.

Очевидно, последние слова Абидат задели его за сердце. Асланбек, по собственному признанию, действительно никогда не был ни льстецом, ни подхалимом; мало того, он с юности ненавидел и даже презирал подобных людей.

И приход Советской власти не был встречен Асланбеком с лживой восторженностью и клятвенными заверениями в вечной ей верности. Но он доказал свою безграничную приверженность к ней всей своей жизнью и честным трудом.

– Наконец-то наступил день, которого мы так долго ждали, – сказал Асланбек своим сыновьям, воротясь домой после сельского схода, на котором Мухаммат Энеев и товарищ Киров, приехавшие вместе в Новое село, рассказали народу правду о Советской власти. – Мы все должны, выбрать самую правильную дорогу в будущее. Это дорога, которую указал Ленин. Я уверен, что, идя по ней, наш народ не споткнется. И если вы считаете, что я что-то понимаю в жизни, то верьте мне. Много разных людей еще будут морочить вам головы вздорными разговорами, но вы не слушайте глупых, бездумных речей. Ничего не делайте, не посоветовавшись со мной. Сейчас немало нечестных, готовых на все ради приобретения высокой должности и не думающих о завтрашнем дне. Но таких жизнь сама уберет с нашего пути. А вас я прошу: не ведите никаких разговоров о том, чего не знаете или не понимаете...

Прежде Асланбек никогда не говорил со своими сыновьями о столь серьезных вещах. Он вообще никогда не думал о том, что нужно воспитывать детей. Но всем своим поведением, серьезным отношением к работе, умным, вдумчивым, и рассуждениями он всегда служил образцом для сыновей. А разве уважение, с которым люди относились к Асланбеку, не являлось тоже одним из лучших примеров для его детей?

Но и среди сыновей Асланбека, этого благородного человека, оказался тот, кто уронил честь их уважаемого рода и который, ушел из жизни, так и не искупив своего позора перед народом.

К счастью, Асланбеку не довелось дожить до этого черного дня: он так и не узнал, что его сын Ислам, старший брат Асият, предал власть, за которую отец его готов был без колебания отдать жизнь. Он предал братьев, проливших свою кровь на войне; он предал отца, перед человечностью и чистотой души которого преклонялись все сельчане; он предал также мать, которая дала ему жизнь и вскормила его своей грудью.

Им всем пришлось испытать немало горя по вине Ислама. Где нет собаки, там и лиса лает, говорят в народе. Председателем колхоза стал Жамал, человек глуповатый и беспринципный, с вытянутой, как дыня, головой. Попал на эту должность совершенно случайно, очевидно, только потому, что не было в тот момент в селе другой, более подходящей кандидатуры. И трудно представить, что испытывала Асият, когда

Жамал, подняв ее, тяжелобольную, с постели, гнал перед собой, сидя верхом на лошади, через, все село. И это горькое унижение пришлось испытать бедной женщине тоже по вине Ислама.

«Ты будешь одна работать за всех тех сельчан, которые погибли по вине твоего проклятого брата, – говорил ей Жамал, шипя: сквозь зубы и брызжа слюной. – Я плевать хотел на твою болезнь. Будешь вкалывать у меня днем и ночью... Поняла? Только из-за таких, как вы, дожили мы до черных дней».

Асият шла, едва переставляя дрожащие в коленях ноги, и ничего не отвечала. Но душа ее горела огнем. Будь у нее силы, она бы готова была стянуть Жамала с лошади, свалить его на землю и разбить камнями в кровь его ненавистную физиономию. В этот момент она не думала об Исламе. Сейчас не он, а сам Жамал представлялся Асият убийцей и предателем. «Нет, он рожден не женщиной, – думала она, – он собака, рожденная собакой». Конечно, Ислам опозорил всех родственников, односельчан и сам погиб трагически; в селе не нашлось даже клочка земли для его могилы, и, наверное, это справедливо. Но почему Жамал забывает о других братьях Асият – Шаухале, Хамите, Иссе, которые находятся теперь в самом пекле войны и честно выполняют свой долг перед Родиной и народом? И почему он забывает сегодня об Асланбеке, который отдал все свои силы на благо их родного колхоза?

– Вы никогда не были сторонниками Советской власти, – распалялся Жамал, размахивая кнутом и направляя коня грудью на Асият, которая и так еле перебирала ногами. – Все всегда говорили, что Асланбек и его сыновья были лучшими работниками колхоза. Но на самом деле они заботились не о Советской власти, а о своих животах. Работая в колхозе, они ни перед чем не останавливались ради собственного обогащения, наполняли свои амбары зерном, запасались маслом, сыром и другим народным добром. Короче говоря, они всегда были единоличниками, хотели и старались жить, как бывшие князья и богачи... Только Аллах знает, как ведут себя на фронте и другие твои братья. Может, они тоже уже пошли по стопам предателя Ислама?

Асият сорвала с головы платок и крепко сжала его в руке. Рассыпавшиеся волосы закрыли ей лицо. Она силилась взять себя в руки, но это ей никак не удавалось. Она почти не владела собой, состояние ее менялось с каждой секундой: сначала сердце ее охватил холодный озноб, затем она почувствовала, как по всему ее телу быстро разливается горячий жар, готовый сжечь всю ее дотла. Перед глазами бедной женщины поплыли темные круги, в ушах послышался шум, похожий на шум горного водопада. Она уже не слышала слов Жамала.

Вдруг все тело Асият пронзила острая боль: ничего не видя перед собой, она ударилась о камень. Асият показалось, что из глаз ее посыпались искры. Она глянула на ушибленную ногу. Распорванный носок ее

мягкого матерчатого чарыка¹ раскрылся, словно пасть лягушки, и оттуда показался окровавленный большой палец. Бедная женщина застонала и, не в силах больше идти, опустилась на землю.

– Будь ты проклят, тыквоголовый, – медленно проговорила Асият сквозь зубы, с трудом преодолевая боль и сжимая рукой пораненный палец. – Пусть горе падет на тебя!

– Закрой рот и не выводи меня из себя. Иначе я не знаю, что с тобой сделаю. Во мне и без того кровь горит огнем, – прошипел Жамал, крепко сжимая кнут в руке и помахивая им перед лицом Асият.

– Пусть собаки выпьют твою черную кровь!

– Заткнись, ты, бесстыжая женщина!..

– Пусть лицо твое покроется ишачьими бородавками... Твое счастье, если все мои братья погибнут на фронте. Но если хоть один из них вернется домой целым-невредимым, уж он прольет за меня твою нечистую кровь!

Асият знала, что женщине должно быть стыдно так говорить с мужчиной, но она не могла себя сдержатъ.

«Хоть бы этот Ислам, пропади он пропадом, уходя из жизни, захватил с собой таких вот сволочей, как Жамал, – подумала про себя Асият. – Именно из-за таких, как он, появились у нас бандиты. Кто бы смог долго терпеть издевательства подобных Жамалов? Даже кровный враг не сделал бы того, что делают они с народом».

– Я не из тех, кого ты можешь напугать, – сказал Жамал, ехидно улыбаясь. – Я много раз слышал, что ты частенько поднимала руку на своих старших братьев и, как могла, издевалась над несчастными невестками...

– Пусть глаза твои повылазят, лживый пес!

– Вот-вот, у такой, как ты, змеи нет ни стыда, ни совести. Вставай и шагай вперед. Сколько времени я потерял впустую по твоей милости.

Асият поднялась с большим трудом и, еле передвигая ноги, направилась в ту сторону, где группа колхозников, в основном стариков, женщин и детей, собирала сено. Про себя Асият решила, что она будет работать вместе со всеми, хоть и больна. Но совсем не потому, что ее принудил Жамал, а для того, чтобы в тяжелое для ее народа время хоть как-то помочь своему родному колхозу. Эта мысль придала Асият силы. Она даже почувствовала, что недуг, томивший ее, стал понемногу ослабевать, в теле исчез озноб, ноги стали ступать увереннее и тверже. Но все же, видя ее плачевное состояние, колхозники так ни разу за весь день и не позволили ей прикоснуться к вилам. В душе каждый из них стыдил Жамала за его жестокость.

¹ Чарыки – самодельные тапочки из мягкой материи.

IV

Больше всего на свете Ислам любил танцевать на свадьбах и участвовать в конных скачках. Единственным недостойным поступком его в детстве было то, что он однажды, не постыдившись родителей, нагрубил своему старшему брату Хамиту за то, что тот не дал ему своего коня для участия в скачках. Кроме этого раза, не было ни одного случая, чтобы он ослушался или оскорбил кого-либо из старших по возрасту. Ислам отличался всегда покладистым, дружелюбным характером и пользовался уважением и любовью своих друзей, близких и знакомых. Его веселый нрав, добрые шутки и проникающие в самую душу красивые нежные песни и теперь еще не забыты односельчанами. Ислам и к учебе относился со всей серьезностью, а также считался одним из лучших комсомольцев Нового села.

Теперь даже трудно поверить в то, что Ислама больше нет на свете и что он ушел из жизни, навсегда покрыв себя и весь свой род черным пятном позора. По его вине Асият, проводившая на войну мужа и трех своих братьев, а спустя некоторое время похоронившая и старика-отца, живет сегодня в своем родном селе, как на чужбине, стыдясь взглянуть в глаза односельчанам и постоянно избегая всех и каждого.

...Ислама, как и других мужчин Нового, провожало на войну все село. Тогда было сказано много напутственных слов в его адрес. Люди выражали уверенность в том, что он, Ислам, не опустится на колени перед лицом врага и скорее умрет, чем опозорит трусостью своих старых родителей и всех своих односельчан. В тот день на митинг, проходивший у Дома Советов¹, был приглашен и сам Асланбек. Его пригласили туда не зря. Во-первых, он был одним из самых старых и уважаемых людей Нового села. А во-вторых, все знали, что никто, как он, не сможет найти тех нужных и теплых слов, которые могли бы ободрить и вселить уверенность в сердца уходящих на фронт сыновей.

Асланбек приблизился к новобранцам, ступая тяжелой, усталой походкой. В последние два-три года спина его заметно ссутулилась, лицо осунулось, глаза ввалились, уши и нос как бы увеличились. Он задумчиво оглядел присутствующих. Черкеска, свободно висевшая на полуопущенных худых плечах старика, казалась ему несколько великоватой. Некогда пышные усы Асланбека теперь заметно поредели и были белыми как снег. Пожалуй, никто из ровесников Асланбека, живущих в Новом селе, не носил подобных высоких хромовых сапог. Сегодня они у него были начищены до блеска и сверкали на утреннем солнце.

До сих пор никто никогда не видел, чтобы Асланбек ходил, заложив руки за спину. Он считал это старческой привычкой, неприличествующей

¹ Так называли административное здание РК КПСС и райисполкома.

молодым людям, о чем не раз выговаривал своим сыновьям, если замечал за ними такое. Но сегодня он пришел на митинг именно так – заложив руки за спину.

Асланбека провели туда, где стояли руководители села и колхоза. По его виду было ясно, что он почти не слушает выступающих на митинге. Прикрыв ладонью глаза от солнца, Асланбек медленно и внимательно вглядывался в лица новобранцев, стоящих в первой шеренге. Дойдя до Ислама и Ибрахима, взгляд его несколько задержался и стал более пристальным. Сын и зять Асланбека стояли в шеренге рядом. Старик глубоко вздохнул. «Да простит нас Аллах, – сказал он про себя, – грешны мы перед Ибрахимом, да простит нас великий Аллах. Пусть вернется он целым и невредимым к отцу с матерью. Да не падет грех, совершенный нами, на головы наших детей. О великий Аллах, прошу тебя, сохрани от смерти наших ребят, отправляющихся сегодня в огненное пекло войны. Верни их живыми и здоровыми к родным очагам...»

Задумчивый и внимательный взгляд Ибрахима был устремлен на Асланбека. Должно быть, он мысленно прощался со стариком, которого, несмотря ни на что, глубоко уважал. Ему хотелось подойти к тестю, крепко обнять его и сказать: «Прощай, отец». Но в присутствии односельчан он постыдился проявить такую слабость. Как был счастлив Ибрахим, когда жил с Асият под одной крышей! Как любил он, придя в дом ее родителей, слушать мудрые речи Асланбека. Он любил всю эту семью и всегда был ласков с родителями, сестрами и братьями Асият. Ибрахим и сегодня готов отдать жизнь за каждого из них. Он пока еще не знает, что звезда его жизни закатится так скоро. Он еще верит, что вернется с войны живым и здоровым и что Асият осознает наконец свою ошибку, и они снова будут вместе.

Поглощенный думами, Ибрахим увидел вдруг в толпе провожавших Асият. Сердце его встрепенулось. Взор, все мысли и чувства его обратились к ней. Он не может отвести глаз от любимой. Каким было бы счастьем для него сейчас взять ее за руку, крепко прижать ее к груди, как в ту первую ночь и слышать, как бьется ее нежное сердце, поцеловать ее горячие губы. Не помня себя от наплывших чувств, Ибрахим всем своим существом подался в ту сторону, где была Асият. Но едва он сделал пару шагов, как Ислам, стоящий рядом с ним, схватил его за рукав и заставил вернуться в строй. Ибрахим, словно очнувшись, оглядывал стоящих рядом с собой новобранцев мутным, непонимающим взглядом. Хорошо знавшие его и Асият парни, среди которых были представители и соседних с Новым сел, понимающе улыбнулись, кое-кто из них перебросился шуткой в адрес товарища. Но Ибрахим, словно сумасшедший, ничего не слыша и не понимая, все смотрел на Асият. Он не отвел от нее глаз даже тогда, когда слово было предоставлено Асланбеку.

– Дети мои! – начал Асланбек, прокашлявшись и вытерев платком губы и капельки пота со лба. – Нашему народу и до сегодняшнего дня приходилось испытывать немало трудностей. Но такой беды, какая постигла нас теперь, мы никогда не встречали. Испокон века счастье и горе идут по жизни рука об руку. Но дорогу правды и справедливости еще никому на свете не удалось оборвать. А наша дорога – дорога правды. И не сомневайтесь, что рано или поздно мы поставим врага на колени.

Сегодня фашистская Германия топчет нашу родную землю, сжигает ее города и села, издевается над нашим многострадальным народом. Но недалек тот день, когда справедливость восторжествует и страшный меч возмездия обрушится на голову врага. Запомните, что никогда еще творящий зло не оставался безнаказанным. Не забывайте, какой дорогой ценой отстояли Советскую власть ваши отцы и деды. А сколько было отдано сил и крови для того, чтобы поднять на ноги наши колхозы. Так можем ли мы, помня об этом, отдать на поругание гитлеровским кровопийцам священные могилы тех, кто отдал жизнь за нашу Советскую власть, родную землю, которая вскормила и вырастила нас, наше добро, добытое кровью и потом всего советского народа?! Не посрамим же себя перед будущими поколениями! Вы можете с полным правом гордиться своим народом и своей страной. Эта гордость придаст вам силы в бою. И пусть не будет в ваших сердцах места трусости и малодушию. Ведь трусость во сто крат хуже самой смерти. Но вы уходите сегодня не для того, чтобы умереть, а для того, чтобы обезглавить лютого врага, посягнувшего на нашу честь и наше счастье. Дорога ваша трудна, но именно в таких испытаниях проверяется истинное мужество. Доброго вам пути... Возвращайтесь домой с победой...

Перед тем как начать говорить, Асланбек думал упомянуть в своей речи о трех сыновьях, воюющих сегодня на фронте, и о том, что он провожает в этот час на войну и четвертого сына. Но потом почему-то раздумал. Очевидно, старик постыдился в присутствии собравшихся говорить «мои сыновья».

После того как были заслушаны напутственные речи, новобранцев стали торопить к отправке. Несколько военных отдавали распоряжение шоферам выстроить машины в колонну. Толпа собравшихся зашевелилась, кое-где послышался плач женщин. Но лица мужчин сохраняли суровое выражение, глаза их смотрели с угрюмой решительностью. Когда машины, выстроившись одна за другой, взревели моторами, толпа вздрогнула. «До сих пор наши сыновья отправлялись в дорогу всегда на бричках. Откуда же сегодня взялись тут эти проклятые машины?» – кричала, рыдая, чья-то несчастная мать. Каждому хотелось проводить своего сына, брата или мужа до самой околицы. Но машина – не бричка, за ней не поспеть. Она умчит, быть может, навсегда, со скоростью ветра всех этих молодых ребят, жизнь которых только-только началась.

Порой на сенокосе, глядя на своих сыновей, выстроившихся, словно журавлиный клин, и широко размахивающих отточенными, как лезвие бритвы, косами, Асланбек благодарил бога за его доброту и думал: «Чем я смогу воздать Аллаху за мое счастье?!» А теперь судьба уносит из дому его последнего сына. При этих мыслях Асланбеку вспомнился случай, как однажды неожиданно налетевший ветер сорвал и унес платок с головы тогда еще молодой его жены. Но то был всего лишь мирный шаловливый ветер, и Асланбеку не стоило особого труда поймать и вернуть цветастый платок Абидат. А Ислама уносила иная стихия, стихия войны, жестокой и кровавой. Вернет ли она его живым в родной очаг? Как только что сказал сам Асланбек, на долю его народа никогда еще не выпадало такого грозного испытания. Война словно вымела мужскую половину Нового села. Не осталось в нем человека, способного держать в руках косу. «Всех нас ждет один конец, – сказал вдруг задумчиво Асланбек, как бы говоря сам с собой, – и тех, кто ушел на войну, и тех, кто остался здесь. – Стоящие рядом с ним люди услышали его слова. Но он не замечал их и продолжал: – В селе остались одни старики, женщины и дети. А что они смогут? Что им делать: то ли думать о том, как прокормить себя и свои семьи, то ли пахать колхозную землю и смотреть за колхозным скотом?.. Наверное, приближается конец света...»

Нет, не должен был старый, мудрый Асланбек говорить сейчас таких слов. Не к лицу ему подобное малодушие. И он тут же пожалел о сказанном, хотя никому вслух не признался.

Когда новобранцам дали разрешение проститься с родными и близкими, Асланбек в первую очередь направился к Ибрахиму. Но зять не заметил его. Ибрахим быстро подошел к Асият и долго стоял, нежно глядя на нее и не говоря ни слова. Он не мог ей высказать всего того, что хотел, так как рядом с ними находился Ислам. «Прощай», – вымолвил он наконец и протянул Асият руку. Но та ничего не ответила и продолжала стоять молча, опустив глаза. Ибрахим растерялся, он не знал, как поступить дальше и стоял как вкопанный. На лбу его заблестели капельки пота; по спине побежали холодные мурашки; рука, протянутая Асият, мелко задрожала. В этот миг Асият подняла лицо, заглянула в глаза Ибрахиму и медленно протянула ему свою руку. Она почувствовала, как от соприкосновения их пальцев ее озябшее от одиночества сердце стало наполняться каким-то ласковым теплом.

В этот миг не было, наверное, на свете человека счастливее Асият. Она далее забыла о том, что провожала сейчас на войну своего мужа и брата. Она была счастлива, как в ту первую ночь, когда каждое слово Ибрахима, произнесенное тихим, дрожащим шепотом, каждое его нежное прикосновение приводили ее в неизъяснимый сладостный трепет. Но Асият не знала тогда, что это их последняя встреча, что остаток жизни ей суждено будет провести в горьком одиночестве, что каждая вещь в

доме, к которой прикасался Ибрахим, его одежда, его красивая кубанская папаха будут вызывать всегда в ее сердце чувство безысходной тоски и жгучего раскаяния... «Доброго тебе пути, – тихо сказала Асият Ибрахиму, крепко сжимая его большую, мягкую руку. – Береги себя, да поможет и сохранит тебя Аллах...»

По щекам Асият покатались горячие слезы. Она крепко прижалась лицом к груди брата и громко зарыдала. Но Ибрахим и тогда не выпустил ее руки. Глядя на слезы Асият, он и сам едва сдерживал слезы, которые комом подступили к горлу. Сердце его обливалось кровью. «Аллах не простит того, по чьей вине приходится разлучаться двум любящим сердцам, – подумал про себя Ибрахим. – Я тоже не прошу».

Незаметно к ним подошел Асланбек. Он тепло поздоровался с зятем, крепко пожимая ему руку. Такое отношение старика обрадовало Ибрахима не меньше, чем встреча с Асият.

– Крепитесь, – сказал Асланбек, почти не глядя в глаза сына и зятя. – Негоже в трудный час отставать от товарищей и прятаться за спины других. Жизнь каждому дорога одинаково. Даже самой маленькой козьявке хочется жить. Но жизнь жизни рознь. Человек должен прожить свой век с честью и достоинством. Нельзя бросать товарища в беде. Помните об этом и будьте во всем и везде опорой друг другу. Кто знает, может, вам доведется там встретить наших ребят, так передайте им привет и наши самые наилучшие пожелания. Хамиту скажите, что сын его уже стал большим и что теперь есть кому здесь смотреть за колхозным табуном...

Асланбек хотел сказать еще что-то, но не смог. Подбородок его задрожал, и он, всегда переносящий любые тяготы жизни с истинно каменным терпением, поспешил отойти от своих детей, боясь не сдержать слез. Он остановился поодаль и задумчиво глядел на север, куда должна была через несколько минут направиться колонна машин с новобранцами. Из-под рукава его старой черкески торчал край белой ночной рубахи. Он неуклюже пытался засунуть его обратно, но у него ничего не выходило. Сгорбленная спина, поникшие плечи, почерневшее морщинистое лицо старика вызывали чувство глубокой жалости. Кончик его большого носа, широкие потрескавшиеся губы заметно покраснели, на белых как снег устах блестела влага.

Асланбек никогда ничего не просил у судьбы ни для себя, ни для своих близких, но сегодня, глядя на сына и зятя, он молил бога продлить их годы и не лишать их жизни раньше времени. До сих пор Асланбек не опускал головы ни перед какими трудностями, но сейчас он думал о том, что старое сердце его не выдержит, если с сыновьями случится самое страшное. Почему-то подобные мысли раньше никогда не приходили в голову Асланбека, но теперь тревога за них охватила всю его душу и сердце. Предчувствие какой-то неотступной беды, которая вот-вот должна обрушиться на его родной очаг, на его семью, не давало ему покоя.

«А что будет с колхозом, с родным селом? Не разграбит ли враг все наше добро, с таким трудом накопленное народом?» – думал Асланбек. Кто сможет предсказать, что будет завтра? Его тревожили сводки с фронта, сообщающие о быстром наступлении немцев. Конечно, ради спасения своего народа, своей страны Асланбек был готов на все, ради этого он готов был бы, кажется, даже побрататься с самим сатаной. Но примириться с Гитлером, этим извергом и убийцей, уничтожающим на своем пути все и вся, – никогда! Нет, Асланбек не из тех, кто забывает добро. Советская власть обогрела его и дала возможность наконец разогнуть спину и вздохнуть свободно. И он никому теперь не позволит посягать на ее честь. Поэтому он и отправил одного за другим трех своих сыновей на фронт, напутствовав каждого из них отцовским благословением. Асланбек и сам еще на ногах, и покуда жив ничего не пожалеет для родного колхоза. А то, что случится потом с Исламом, старику и во сне никогда не могло бы присниться. Узнай Асланбек об этом при жизни, он навеки бы проклял своего сына.

Но сегодня, придя сюда, чтобы проводить на войну своего четвертого сына и зятя и чтобы сказать несколько напутственных слов всем новобранцам, отправляющимся на фронт, Асланбек держался гордо и открыто смотрел в глаза односельчан. Шутка ли сказать, теперь четыре его сына будут защищать родную землю от врага, злее и коварнее которого вряд ли когда-либо знала история. Эта мысль окрылила сердце Асланбека, и он стал бодрой легкой походкой прохаживаться среди собравшихся вместе односельчан: Когда Ибрахим, Ислам и Асият подошли к нему, он вытащил из кармана небольшой складной нож со сточенным наполовину лезвием и протянул его Ибрахиму. «Вы отправляетесь в очень опасную дорогу, – сказал Асланбек, – пусть этот нож будет вам талисманом. Где бы вы ни были, старайтесь не разлучаться друг с другом. Ибрахим, ты старше...» Старик не договорил, но Ибрахим и без слов понял то, что он хотел ему сказать. В этот миг по лицу Ислама пробежала едва заметная тень. Очевидно, ему стало обидно, что отец обратился со словами напутствия не к сыну, а к зятю. Но в следующее мгновение он уже улыбался как ни в чем не бывало.

– Прощай, отец, – поспешно заговорил Ибрахим, увидев, что новобранцы уже рассаживались по машинам, – даст бог, вам не придется краснеть за нас. Всех наших родных и близких мы оставляем на твое попечение.

Постеснявшись тестя, Ибрахим не подал руки Асият, и даже не взглянул на нее напоследок. Закинув свою кожаную котомку за плечо, он быстро направился в сторону колонны. Но Ислам не удержался от нахлынувших чувств и, не обращая ни на кого внимания, крепко обнял отца. Глядя на них, Асият заплакала. Да и сам Асланбек тоже едва сдержал слезы.

Ислам давно был готов отправиться на фронт вслед за братьями. Ему казалось недостойным делом сидеть под теплым крылышком родителей в то время, когда трое братьев его находились в самом пекле войны, каждый час рискуя жизнью. Но сейчас, в самую последнюю минуту перед уходом на фронт, голову его наполняли совсем другие мысли. Он не мог представить себе, как будет жить там, на войне, без родного села, без отца с матерью, без теплой, мягкой постели. Мысль о том, что его там могут даже убить, приводила душу Ислама в холодный ужас. Кому это нужно? И почему он, Ислам не распознавший еще по-настоящему вкуса жизни, должен броситься с головой в кровавый огонь войны? Кому какое до него дело? Нет, это несправедливо и жестоко!

«Не раздавив змеиную голову Гитлера, домой не возвращайся, – сказал Асланбек, хлопая сына по плечу. – И не раскисай, словно женщина, не трави душу сестре». Но, услышав напутствие отца, Ислам громко всхлипнул. Асланбек, испугавшись, что кто-нибудь может заметить состояние сына, завертел головой по сторонам. Однако на них никто не обращал внимания: каждый был занят своим расставанием. Глядя на брата, Асият громко и надрывно зарыдала, закрыв лицо платком.

– Не позорьте меня, – нетерпеливо заговорил Асланбек. – Ислам, трогай, твои товарищи уже сидят в машинах. Давай, счастливого пути тебе... И вытри глаза от слез, неверный. Оказывается, ты не такой, как я думал.

– Просто он очень добрый, – залепетала сквозь слезы Асият. – Он от доброты своей плачет...

Над толпой стали раздаваться последние прощальные выкрики:

– Счастливого вам пути!

– Возвращайтесь с радостью!

– Ждем вас с победой!

– Оторвите там голову этой слепой змее!

V

...Все глаза, мысли и надежды сельчан были обращены на дорогу. Каждая семья была полна тревог и переживаний. Но, несмотря ни на что, все – кормящие матери и седые старцы, заменившие на колхозных полях и лугах своих сыновей, – верили в лучшее, надеялись на желанную победу. Но запах черного дыма спаленных городов Украины, Белоруссии, горящих хлебов русских степей доносился до каждого балкарского дома. Каждый новый день приносил в Новое село и радость, и горе.

Вскоре семья Асланбека получила письмо от Ислама. Трудно передать ту радость, которая охватила их дом в этот день. «Дорогие отец, мать, сестра Асият и другие, – писал Ислам. – Примите мой искренний привет, и наилучшие пожелания. Мы остановились в Ростове. Это

огромный город. Наверное, даже раза в два больше Нальчика, не говоря уже о Баксане. Нам всем выдали красивую форму. Ибрахиму она так идет, что просто загляденье. Он тоже очень соскучился по вам и передает всем привет.

Сейчас нас учат стрельбе и всяким другим военным премудростям. Не учившимся в школе приходится очень трудно. Отец, большое тебе спасибо, как хорошо ты сделал, что в свое время отдал меня в школу.

Сегодня у нас все хорошо. Вот только что будет завтра, послезавтра?.. Испытавшие войну не говорят о ней ничего хорошего...

Мне помогло и то, что я комсомолец. Меня назначили командиром отделения. Русский язык я знаю не очень, но изъясняюсь получше некоторых.

На этом прощайте. Даже писать нет времени. Сейчас меня вызывают к командиру, его посыльный стоит рядом со мной и ждет меня. Будьте все внимательнее к матери, берегите ее. До встречи».

Когда в доме прочитали письмо Ислама, Асланбек сразу же стал переодеваться. Он надел все самое лучшее, что у него было, в том числе и шапку, которую носил только по особо торжественным случаям. Затем он вышел на улицу и направился в сторону правления колхоза. Асланбек спешил туда с самого утра, но до того как они получили письмо Ислама, у него и в мыслях не было переодеваться. Старик шел в правление по делу. Односельчане давно уже упрасивали Асланбека возглавить колхозную бригаду, но он все не соглашался, боясь не справиться с этим ответственным делом. Да и легко ли человеку в восемьдесят лет ходить ежедневно по дворам и собирать людей на работу. Но сегодня он все же решил подчиниться общему решению односельчан, подумав, что негоже отделяться от народа в такой трудный для всех час. Да, была пора и у Асланбека, когда он мог, как говорится, рвать железо голыми руками, одним движением ставить на колени двухгодовалого жеребца, когда никто из его сверстников не мог угнаться за ним на сенокосе, когда порой вилы ломались под тяжестью большой копны сена, которую он поднимал легко, как пушинку. Но сегодня, как ни крепится старик, а все же не может, не передохнув два-три раза, дойти до луга на краю села, куда он каждое утро отгоняет свою скотину. А вернувшись домой, подолгу лежит на топчане, вытянув ноющие от усталости ноги. Жена и дочь Асланбека постоянно просят, чтобы он ездил по селу на ишаке. Но он считает это делом, не достойным мужчины. «Хочешь, чтобы я сидел на ишаке, словно старая ворона на колу?» – отвечает он всякий раз женщинам.

Как бы то ни было, Асланбек возглавил бригаду колхоза. Теперь он каждое утро, одевшись и наспех побрившись, садился на старую худую кобылу и разезжал по всему селу. Нет, никто в это трудное время не ждал напоминаний бригадира о том, что нужно выходить на работу.

Каждый знал свое дело и приступал к нему в срок. К тому же, не постыдившись старого седого Асланбека, никто из сельчан не посмел бы не выйти на работу. Конечно, были и такие, которые иногда по той или иной причине оставались дома. Решением всеобщего схода сельчан такое право предоставлялось тяжелобольным и тем, кто получил с фронта похоронку. Иначе было нельзя. Ведь этим уставшим, замученным людям приходилось кормить себя, работать в колхозе, да еще и помогать фронту. Поэтому работали все: и старики, и женщины, и дети. Кто полол колхозные грядки, кто пас скотину, кто косил и заготовливал сено. Словом, каждый делал то, что ему по силам. Так жило Новое село, жители которого готовы были работать днем и ночью, только чтобы не оказаться под сапогом ненавистного врага. Было трудно, но любовь к родной земле, к ее родникам и скалам, любовь к родному небу, обогретенному в этот час пожаром войны, придавала людям сил и мужества.

Второе письмо Ислама опечалило Асланбека. Оно начиналось так: «Все ли живы и здоровы? Я очень соскучился по селу, по родине. Зачем нам нужна была эта война? О братьях я ничего не знаю. Думаю, что их уже нет в живых. Если дело пойдет так и дальше, я тоже отправлюсь вслед за ними... Сердце мое полно тревоги, голова идет кругом, я не знаю, что мне делать. Не поминайте меня лихом, если услышите обо мне какую-нибудь недобрую весть! Мама, береги свое здоровье. Вот и все, что я хотел вам сказать на этот раз».

Спустя немного времени после второго письма Ислама, в дом Асланбека пришли двое незнакомых людей и спросили старика о сыне. Они ничего не сказали о нем родителям. Но недобрые взгляды, злые, суровые голоса незнакомцев, словно пули, вонзались в сердце старого Асланбека и других домочадцев.

«Не дай Аллах, чтобы этот глупый слюнтяй опозорил мою седую голову. Уж лучше пусть похоронка придет на него, чем это», – подумал про себя Асланбек. Накануне старик собирался отправиться в горы к косарям, которые находились в местечке «Арба жол башы», но теперь он решил остаться дома. Асланбек прилег на старый, высохший, как и он сам, топчан и, уперев голову в его спинку, долго лежал, уставившись ничего не видящим взглядом в потолок. Он старался отбросить пугавшие его душу мысли, но ничего не выходило. «Зря я стараюсь успокоить себя, – думал он. – Что-то все-таки случилось... Не дай Аллах... А что, если Ислама хотят назначить командиром, и эти люди приходили сюда для того, чтобы поподробнее узнать о его семье и родственниках?! Кто знает, все может быть. А что, если он сын бывшего кулака или какого-нибудь белоказачьего прихвостня... Ведь как он писал в первом письме: «И учеба, и комсомол мне очень пригодились. Меня назначили командиром отделения». Конечно же, именно потому и приходили те люди. Не мог же сын Асланбека, пролившего кровь за Советскую власть, сбежать,

как последний трус, с фронта? Нет, он постыдится, если не меня, так своих же товарищей, и не поступит так. К тому же и Ибрахим с ним рядом... Нет, не посмеет он этого сделать. Надо подождать следующего письма. Может, и Ибрахим что-нибудь сообщит».

– Что ты обо всем этом думаешь? – прервала тревожные мысли Асланбека жена. В бледном лице ее не было ни кровинки, губы дрожали, глаза смотрели со страхом.

Асланбек ничего ей не ответил и продолжал молча глядеть в потолок.

– Не знаю, что думаешь ты, но я чувствую, что над нашим домом нависла какая-то страшная беда, – тихо, будто кто-то чужой мог ее услышать, заговорила Абидат. – Никто не сможет понять, что творится сейчас в моей душе. Сердце готово выскочить из груди. Я не знаю, что думать, что делать... Ведь сейчас никто не ходит по домам погибших и не сообщает об этом тайно. Просто присылают похоронку по почте, и все... К тому же эти двое ничего такого и не сказали. Нет-нет, я так долго не выдержу, я сойду с ума...

– А я, кажется, уже сошел, – медленно проговорил Асланбек. – Голова моя куда-то уходит. И ноги что-то одеревенели. – Старик попытался приподняться с постели. – Не приведи, Аллах, оправдаться нашим тревогам, сделай так, чтобы наши опасения были напрасными. Не знаю, как ты, а я и дня не стану жить, если сын опозорит нас.

– Что ты, что ты, не гневи Аллаха, не бери греха на душу. Подумай о потустороннем мире. Говорят, туда нет дороги тем, кто накладывает на себя руки.

– А ты думаешь, если сын твой предаст Родину, тебя встретят там с распростертыми объятиями?

– Как ты можешь так говорить? Неужели ты веришь в то, что твой сын способен на такую подлость? Не надо заранее чернить и бичевать его, ничего еще толком не зная. Не дай Аллах, кто-нибудь из соседей услышит об этом. Он вмиг разнесет все по селу, добавив к каждому твоему слову десять новых. Не думай, что все люди души в тебе не чают. Един Аллах, многие из них готовы лопнуть от зависти, когда ты выезжаешь со двора на коне.

Слушая жену, Асланбек вспомнил, что он оставил оседланную лошадь во дворе. Кряхтя и охая, старик еле-еле поднялся с топчана, надел сапоги, нахлобучил на голову шапку и вышел за дверь. Отвязав коня, он подвел его к порогу и, встав на него, с большим трудом забрался в седло.

– Я скоро вернусь, – сказал Асланбек жене, – надо подняться вверх, к косарям. Сегодня мы должны были отвезти еду. Хочу узнать: отвезли или нет. Азиат с подругами тоже сегодня хотела спуститься в село, чтобы помыться и сменить одежду (девушки помогли в горах косарям собирать сено). Надо послать за ними бричку, дорога все-таки дальняя...

...В тот день Асланбек был необычайно разговорчив. Беседуя с людьми, он всячески старался отвлечься от тревожных мыслей о сыне. Но Ислам ни на секунду не выходил у него из головы. Тогда Асланбек стал внушать себе, что его сына действительно хотели повесить в звании и сделать большим командиром, и что все остальные догадки – нелепый плод его воображения. Мало-помалу он почти убедил себя в этом. Сердце его немного успокоилось, лицо посветлело, на губах то и дело появлялась улыбка.

Но бедный Асланбек не знал, что он доживает последние часы своей жизни и что эта обманчивая радость окажется последним просветлением его души. Неожиданно старика хватил удар. Его, находящегося в глубоком беспамятстве, погрузили на бричку, которую он сам прислал сюда для девушек, и отвезли в село. Когда старика вносили в дом, он не подавал уже признаков жизни...

VI

Теперь в его большом доме живут Асият с матерью, невестки и внуки Асланбека. На просторном дворе не видно ни одного человека, носящего шапку, кроме четырехлетнего сынишки Хамита. Тут же с ним вместе резвятся дочки Шаухала и Иссы.

Асият уже почти не бранит, как бывало раньше, своих невесток, лишь жене Ислама частенько достается от нее. По ее мнению, все беды их семейства начались именно с того дня, как к ним в дом вошла младшая невестка Асланбека Зухра. Порой на ум Асият приходит, что будто и Гитлер напал на Советский Союз по вине той же Зухры.

Зухра сильно и искренне любит Ислама, потому всегда молча и безропотно сносит все оскорбления его сестры. Ни разу не сказала она ни одного грубого слова в ответ Асият. «Девочка (так невестки зовут Асият), я люблю твоего брата не меньше, чем ты, и очень бы хотела, чтобы он был сейчас здесь, со мной, – сказала она однажды. – Прости меня за такое откровение, но мне порой кажется, что я жизни своей не пожалела бы ради того, чтобы хоть одним глазком взглянуть на него или хотя бы уловить его тень. И отца нашего, Асланбека, я любила не меньше. До сих пор я вижу его тоскливый взгляд, его глаза, угасшие, так и не увидев напоследок своих любимых сыновей». На Асият слова невестки не произвели никакого впечатления. Она не верила ни одному ее слову и всегда считала Зухру просто льстивой притворщицей. А таких людей Асият ненавидела с самого детства.

– С тех пор как ты пришла в наш дом, – сказала она Зухре, – наша радостная жизнь превратилась в бесконечный плач. Ты принесла в нашу семью несчастье. Поэтому, когда я вижу твою зеленую физиономию, в моих ушах слышатся слова проклятия.

Но Асият говорила так только из чувства неприязни к невестке. Никто не мог сказать, что Зухра некрасива. Ее тонкое, с нежной, шелковистой кожей и небольшим прямым носом лицо казалось настолько юным, что трудно было предположить в ней замужнюю женщину. А глаза Зухры, обрамленные густыми длинными ресницами, были столь прекрасны, что ей могла бы позавидовать любая красавица. Тонкие черные брови ее издали казались нарисованными искусным мастером кисти. Когда она смеялась, глаза чуть суживались, на розовых румяных щеках и маленькой нежной бородке появлялись ямочки, и тогда Зухра казалась еще привлекательнее. Полные и алые, как спелая вишня, губы ее были так же прекрасны. Весь облик Зухры отличался нежностью и изяществом. Глядя на ее высокий и необычайно тонкий стан, узкие в запястьях руки и длинные нежные пальцы, никто не мог бы предположить, что это хрупкое создание способно выполнять трудную роль деревенской невестки, на плечи которой обычно возлагается множество всяческих забот по уходу за домом, детьми и родителями мужа.

Единственное, что не нравилось свекрови в Зухре, – это ее походка, легкая и быстрая. По мнению Абида, замужней женщине не к лицу скакать, как девочке. И корову Зухра доила не так, как нужно: обычно она не выдаивала даже третьей части молока. Кто знает, почему она так делала: по физической ли своей слабости или же болея душой за телят? Но как бы то ни было, в тот день, когда корову доила Зухра, по морде телят, сосущего теплое парное молоко матери, стекала обильная белая пена, и он, довольный, потом ревел без удержу.

...В дом Асият безостановочно шли люди с выражением соболезнований по поводу кончины ее отца. Смерть Асланбека почти никого не оставила равнодушным, хотя народ в селе давно уже привык к слезам и горю. Но были и такие, кто говорил: «Беда беде – рознь. Дал бы Аллах прожить столько же тем ребятам, что погибли от германской пули». Но люди, понимающие значение Асланбека для всего села, возражали им.

В один из траурных дней во двор его дома вошел низенький коренастый мужчина. Это был почтальон села. Его тут же окружили женщины, пришедшие сюда выразить соболезнование семье покойного, и наперебой стали расспрашивать о войне.

– С тех пор как я вернулся с фронта, прошло много времени, – ответил почтальон.

Повесив на локоть левой руки, на которой не было пальцев, сумку, другой рукой он достал из нее небольшую пачку писем и неуклюже стал перебирать их, читая адреса на конвертах. Почтальон был братом-двойняшкой председателя колхоза Жамала. Он вернулся с войны инвалидом и с тех пор работал на почте.

– Вам писем нет, – сказал он женщинам. – Если вы идете в дом, скажите Асият, чтобы она выглянула на минутку.

Женщины вошли в дом. Но Асият не выглянула. Когда она услышала, что ее зовет почтальон, ноги ее подкосились, сердце охватил страх, перед глазами возникли лица братьев и Ибрахима. Она сначала попыталась было встать, но тут же бессильно опустилась на пол, в глазах ее потемнело, от лица отхлынула кровь. Она едва переводила дыхание. «Един Аллах, не к добру это, – сказала себе Асият. – Сейчас я заплачу. Как же так: не прошла одна беда, как на пороге новая. Кто же на этот раз? По кому нам плакать теперь?»

– Доченька, – сказала Абидат дочери, – не заставляй ждать взрослого мужчину, пойди спроси, что у него есть для нас. Не надо все время думать недоброе.

Старая женщина произнесла эти слова с дрожью в голосе. За последнюю неделю, с тех пор как не стало Асланбека, взор ее застлала какая-то пелена. Она даже не смотрит в глаза приходящих в дом односельчан. Если один из стариков ушел из жизни, считай, и второму недолго осталось до отправления в дорогу вечности, говорят в народе. Кто знает, может, именно эти мысли и угнетали теперь душу Абидат. Трудно ей было примириться с мыслью о том, что нет больше на свете человека, с которым она прожила всю свою жизнь, деля счастье, и горе, беду и радость. Ей не было так тяжело даже тогда, когда умерли ее отец и мать. В день смерти Асланбека вместе с Абидат, казалось, плакали и горы, и камни, и ручейки, текущие в глубоких ущельях. Абидат причитала тогда о том, что ни одному из ее сыновей не довелось взяться за край лестницы, на которой несли их бедного отца на кладбище. Все сельчане знали, что Абидат – большая мастерица петь и танцевать, но плача ее до этого черного для нее дня никто никогда не слышал. Люди не утешали ее банальными словами сочувствия. Они только скорбно и с некоторым удивлением смотрели на почерневшее от слез лицо Абидат.

Зухра вышла во двор вместо Асият и через минуту, запыхавшись, вбежала обратно в дом. Она прижимала к груди маленький голубой конверт. И без того румяное лицо ее покраснелось и дышало жаром; побледневшие тонкие ноздри трепетали, большие черные глаза искрились радостью, губы и руки дрожали. Она протянула Асият конверт и хотела что-то сказать, но слова застряли у нее в горле.

Асият впиалась затуманенными от переполнявших ее чувств глазами в конверт и поняла, что сегодня наконец в их дом пришла радостная весть. Но она не решалась вскрыть письмо. Асият боялась, что Ибрахим может сообщить какую-нибудь недобрую весть об Исламе. Ее глаза забегали из стороны в сторону и, дойдя до Зухры, остановились. Но взор невестки был тоже полон тревоги. Их беспокойство передалось и всем остальным. В эту минуту в голове и ушах Зухры стоял страшный шум, будто где-то

рядом пронеслась снежная лавина или низвергался могучий горный камнепад. Тело ее охватил такой озноб, что она, казалось, не смогла бы сейчас согреться и в самом жарком пламени. Она стояла ни жива ни мертва, глядя перед собой, ничего не видя и ничего не соображая.

Узнав на конверте почерк Ибрахима, Асият вначале несказанно обрадовалась, предвкушая долгожданную беседу с любимым человеком. Но мысль о брате окутала ее сердце страхом и тревогой. Она бессильно опустила на стул и долго сидела, опустив голову на грудь, не в силах прийти в себя.

– Ну, читай же, наконец, расскажи нам, что он там пишет! – воскликнула Зухра и, закрыв рот уголком платка, громко зарыдала.

Вслед за ней заплакали и все остальные женщины. Но Асият, не обращая ни на кого внимания, встала и, крепко прижав письмо к груди, вышла из комнаты. Вытирая платком глаза и продолжая всхлипывать, Зухра вышла вслед за ней.

Они обе прошли в комнату, где жила Зухра, и, вскрыв конверт, стали читать. Читала сама Асият.

«Асият, шлю вам всем сердечный привет. Все ли живы-здоровы? Прошу, прости и не стыди меня за то, что я написал тебе. Асият, сегодня радости моей нет границ. Я получил письмо из дома. Старики так тобой довольны, что просто нет слов. «Родная дочь не сделала бы для нас большего», – так они говорят о тебе. Вернись домой живым, никогда в жизни не позволю тебе коснуться руками холодной воды, буду рабом твоим до самой смерти. Ты, наверное, сейчас смеешься про себя над моими словами. Но в сердце моем столько радости, что я не могу молчать или говорить иначе. Мысли и сердце мое постоянно заняты только тобой, и с этим я ничего не могу поделать, хотя и пытаюсь иногда подумать о чем-нибудь другом.

Передавай привет родителям. И невесткам тоже. Что слышно от братьев? Асият, ты очень меня обрадуешь, если найдешь время и напишешь мне. Пришли адреса братьев. До свидания, свет жизни моей. 1942 год. Ибрахим».

– Посмотри на этого дурака, – сказала Зухра, глубоко вздыхая и вытирая рукой покрасневшие от слез глаза. – Ты видишь, что он ни о себе, ни о братьях не обмолвился ни одним словом? Нет-нет, хоть вы все и умираете по нему, он мне никогда не нравился. Вечно что-то мнит о себе... Хвастун.

Асият ничего не ответила. Глянув краем глаза на невестку, как бы говоря: «Лай себе на здоровье», она вышла из комнаты. Асият рассказала о письме Ибрахима женщинам, и те успокоились. Наклонив друг к другу головы, некоторые из них стали шептаться, очевидно, судача об Асият и Ибрахиме. Но Асият не слышала ничьих слов и никого не видела. Сердце ее было переполнено радостью...

Абидат сидела по-прежнему печальная. Ее лицо мрачно темнело. Пряча взор от чужих людей, она тайком бросила вопросительный взгляд на дочь. Асият поняла ее без слов и молча помотала головой, давая понять, что в письме ничего не говорится об Исламе. Лицо Абидат омрачилось еще больше. Глядя на нее в эту минуту, ей посочувствовал бы даже самый бессердечный человек. Абидат не находила покоя, не знала, куда себя девать. Руки ее блуждали в воздухе, как у сумасшедшей. Она то прижимала их к груди, то прикладывала к голове, то просто, бессильно опустив, подолгу сидела, уставившись в одну точку. Она ни с кем не вступала в беседу и лишь иногда бормотала какие-то бессвязные слова, глядя ничего не понимающими глазами на окружающих ее женщин. В дом без конца приходили люди, чтобы выразить соболезнование семье умершего, но Абидат, казалось, уже не замечала их, она ни с кем не говорила, никого не благодарила. Люди приходили и, побыв немного, тихо удалялись.

Мысли, сердце и все существо Абидат заняты только тревогой: об Исламе. Она надеялась, что, может быть, хоть Ибрахим сообщит ей что-нибудь о сыне, но и эта надежда рухнула. Что же случилось с Исламом, если ни зять, ни кто другой о нем ничего не знают? Что же он – улетел на небо, или его унес ветер? Хоть бы какой-то росточек оставил после себя, чтобы люди не забыли его имени, чтобы хоть кто-то о нем помнил. Неужели его родной очаг вечно будет хранить только эта худосочная женщина...

Все мысли Абидат об Исламе полны тревоги и недоброго предчувствия. Но где-то в глубине души она все же надеется, что когда-нибудь кто-то войдет во двор их дома и сообщит ей долгожданную радостную весть о сыне... Дни и ночи проводит она в томительном ожидании, вздрагивая при каждом шорохе, доносящемся с улицы...

*Перевод с балкарского
Владимира Догурова и Ларисы Султановой*

Амур БАКИЕВ

Бакиев Амур Шодиевич. Родился 20 сентября 1961 года в пос. Янтак (Таджикистан). Выпускник средней школы № 9 города Нальчика, в 1983 году с отличием окончил историко-филологический факультет КБГУ. В 1998 году защитил диссертацию на тему «Адыгская цивилизация». Кандидат исторических наук. Автор исторического романа «Легионы идут за Дунай» (изд. 1991, 1995, 1997 гг.), пьесы «Глаза наших друзей» (2009 г.), юмористических, лирических рассказов. В настоящее время работает генеральным директором ООО «Управляющая компания «Порядок».

ЖЕЛЕЗНАЯ СТАВКА САТАНЕЙ

Главы из романа¹

6

– На той стороне? – на одном выдохе переспросил Пануко. Даже не пошевелив головой.

– Наблюдатель за нами, но выли ему с того берега. Значит, они разделились, – чуть колыхнулась в ответ оленья безрукавка.

– Мы окружены?

– Да. Основной удар придется по Гогуажу и Тлебыце. Потом по нам. Или сразу по всем.

Пануко нельзя было отказать в выдержке. Он продолжал рассматривать воительниц Сатаней и воинов Уазырмеса, подчеркнуто не глядя на Белую Мезитху.

– Здесь все воины Уазырмеса и кан-пшаши Сатаней. Кто ударит по нам сзади, если иныжы за рекой.

– Я не вижу среди этих Тлепша, – процедил нарт и коснулся локтем руки Пануко. Что означало: «Времени нет. Быстро принимай решение».

– Предупреди наших...

Уазырмес внимательно следил за всей разыгравшейся на его глазах сценой. Он узнал Пхута, с побережья, в оленьей безрукавке. Он тоже понимал волчьи сигналы иныжей. Вой и тьякканье сказали ему, что их во-

¹ Начало см. в № 3, 2016 г.

ины уже зашли в тыл отрядам Тлебыцы и Гогуажа. А иныж-наблюдатель находится за спиной у отряда Пануко. В леске, внизу. И по его команде самые отборные вояки, что скрывались в скалах, подкрадываются к нартам сзади, прикрытые деревьями. Уазырмес даже знал, что во главе этих отборных инов с высокогорья стоит сам Нарыбг. Их предводитель. Он только не мог знать, что наблюдатель и есть Нарыбг.

Ему были знакомы и шакобзе¹ и шагыбзе² нартов из мужских союзов. Не только слова, но и жесты. И охотников, и воинов.

Но ни Пануко, ни Пхут не подали соратникам ни одного сигнала тревоги на шагыбзе. Уазырмес был в этом уверен. Как был уверен и в том, что Пхут предупредил своего дзэпша³ об опасности.

Уазырмес был зол. С самого начала бой пошел не по плану. Кто мог ожидать, что воины Жинду-жаке, в доспехах, прыгнут в бурную реку.

Он – Уазырмес – вообще не должен был спускаться вниз. Его делом было ждать атаку враждебных Белой Мезитхе нартов наверху.

Но Сатаней разъярилась, что у нее из под носа ушли негодяи, посмеившие войти в ее лес. К тому же среди них был один из ее мужей. Бывших мужей. Чтобы проучить Жинду-жаке, она приказала Имысу преследовать его. Да еще погнала вдоль реки всех девчонок Даханэ. И обвешанные легким оружием бабы помчались воевать с затравленными разъяренными мужиками!

Кто из мужчин-дзэпшей поступил бы так? Беглецы – это беглецы. Бегут, значит пусть бегут. Опытные предводители знают правило: с обреченными беглецами связываться нельзя. Если их прижать, они приходят в иступление и поворачиваются лицом к преследователям. И бьются один за десятерых. И тогда победа оборачивается поражением. Или большой кровью. Очень большой безрадостной кровью. Что мы имеем сейчас.

И Аша⁴ и Тлепш строго-настрого приказали и Имысу, и ему – Уазырмесу, не покидать своих позиций. Разбить передовой отряд и вернуться на место. Достаточно было камней, бревен и стрел из-за укрытия. Он просил Сатаней не лезть в бой и не вмешиваться в его распоряжения.

Но кто бы тогда увидел Белую Мезитху? Ее золотую брошь и белую кожу? И как ловко она скачет на громадной кабанихе? Как круглы ее груди и какие у нее сверкающие гневные глаза? Она так торопилась, что

¹ *Шакобзе* – «язык охотников» (нартск.). Тайный сленг охотников, в котором имена зверей и прочие слова измены, с тем, чтобы, по поверью, звери не понимали. что собираются делать охотники и на какого зверя идет охота.

² *Шагыбзе* – «тайный язык» (нартск.). Тайный сленг военных мужских союзов нартов, слова в котором были непонятны для непосвященных.

³ *Дзэпш* – «военначальник», «командир» (нартск.).

⁴ *Аша* – (нартск.) мужское имя. Персонаж нартского эпоса.

не взяла свой лук из белого орешника и колчан с красными кизиловыми стрелами. Главные атрибуты богини леса. Зато не забыла приказать унауткам¹, чтобы Дышацу обсыпали золотым порошком вперемешку с толченой слюдой.

Ведь это ее мечта: красоваться перед десятками мужчин. А за то, чтобы засопели от восторга триста, можно погубить и полсотни своих кан-девушек. Тем более что среди них столько подросших конкуренток. Одни Лашин и Дыгэ чего стоят! Или стоили. Кто из них выживет в этой бойне!

Тлепш не простит ни ему, ни Имысу столько убитых кан-пшаш. Как будто все умеют разговаривать с Сатаней так, как умеет он. Спаси бы хоть этих. Уцелевших. Надо тянуть время.

Пока Бафо предупредит Тлепша. Пока принесут стрелы. Пока здесь, на этом берегу, не изготовятся к бою союзники. Ины Нарыбга.

– Эта земля – Белой Мезитхи! – Уазырмес не узнал свой голос. Настолько он был раскатистым и грозным. – Проклятие ждет всех, кто войдет без приглашения в лес Тхашага! Вы все обречены! Вы пролили кровь на священной земле!

– Мы не пролили еще ни одной капли крови! – задиристо прокричал в ответ Пануко. – И это не земля священного леса!

– Тогда зачем вы здесь, вооруженные? И где ваша гуашэ²? – надменно прищурившись, спросила Белая Мезитха.

– Мы пришли за невестами, Сатаней!

Злоба нартов от вопроса Сатаней об их предводительнице сменилась секундной оторопью, потом бешеным восторгом. И, наконец, взорвалась диким хохотом. Ответ Пануко был верхом дипломатии.

Представить безжалостных воительниц Белой Мезитхи, с мечами в руках, покрытых ранами и запекшейся кровью, кроткими невестами – было юмором высшего порядка.

Как и мужская наглость скрытого подтекста в ответе их дзэпша.

Хотали все. И воины Пануко, и воины Сатаней. Даже двенадцать изготовившихся к бою кан-девушек вызванивали зловесным смехом на разные голоса, отставив назад выдвинутые прежде, к щитам, левые ноги.

Именно в это время хлопавший себя по коленям, смеющийся Пхут в оленьей безрукавке повернулся к своим и дал сигналы на тайном языке мужского союза: «мы окружены», «уходим к реке», «здесь».

¹ Унаутка – (нартск.) «рабыня», «служанка».

² Гуашэ (нартск.) – первоначальное значение этого слова «богиня» и «предводительница». Позже его семантика сменилась на понятия «княжна» и «свекровь». Сатаней, как Белая Мезитха (богиня лесов) и хранительница устоев матриархата, сознательно унижает нартов из мужских союзов, спрашивая, где их «предводительница».

– Канж¹! Кишуко²! – кричал Пхут, подвигаясь к краю крутого берега. – Отец отправил вас с братьями искать себе жен! Смотрите! Вот они стоят! Красавицы, как на подбор! Нежные, хозяйственные! Мастерницы на все руки! Хыко³! Мышэху⁴! Бжэмахо⁵!! Выбирайте себе каждый по красотке и везите домой! Лицуклибжэ⁶ они будут готовить – ну просто пальчики оближешь!

– Из вас!

– О-хо-хо-хо!

– А как умеют ткать и шить!

– А-ха-ха-ха!

– Коврики из ваших скальпов!

– Гы-гы-гы!

Хохот не смолкал. Уазырмес сразу отметил, что отряд Пануко начал расходиться, как бы освобождая место для предстоящего зрелища. При этом большая часть полукольца сместилась к краю речной террасы. От задних рядов отделились четыре лучника и начали спускаться к своим, оставленным внизу, сигнальщикам. Среди них был дюжий Пшая. Лучший борец из молодых нартов. Уазырмес сразу выделил его. Еще в строю.

– Смотри, Канж, как бы они на завтрак тебя самого братьям не подали!

– До утра не доживешь!

– Невеста ночью прирежет!

– Или придушит!

Напряжение боя не спало. Но заявленное Пануко сватовство изменило ход мыслей. На смену надвигавшемуся сражению пришло единоборство. Или состязание.

Постепенно смех стихал. Лицо Сатаней было серьезным. Даже слишком. На уставшей и не реагировавшей на шум золотошетиной кабанихе все так же восседала Белая Мезитха. Богиня лесов.

Все время пока шло зубоскальство она, по-женски обостренно и внимательно, следила за всеми участниками.

Она узнавала многих из стоявших в строю врагов. И выискивала глазами главного недруга. Она не поверила бы никогда, что молодой Пануко мог быть самостоятельным командиром боевого нартского отряда.

Он мог собрать ватагу молодых нартов из мужского союза для удачного набега. И даже возглавить его. Но без опытного бывалого воина

¹ *Канж* – «сорока» (нартск.) – мужское имя. Персонаж нартского эпоса.

² *Кишуко* – «сын кузницы» (нартск.) – мужское имя.

³ *Хыко* – «дельфин» (нартск.) – мужское имя.

⁴ *Мышэху* – «матерый медведь-самец» (нартск.) – мужское имя.

⁵ *Бжэмахо* – «счастлиное копьё» (нартск.) – мужское имя.

⁶ *Лицуклибжэ* – «кусочки мяса в соусе» (нартск.). Нартское мясное блюдо. Мясо крупного рогатого скота в сметанном соусе со специями.

эти юноши не рискнули бы и помыслить о нападении на владения Белой Мезитхи. Даже бросить взгляд в сторону священного леса Тхашага.

И этот бывалый был здесь. Среди них. Она знала это точно.

Им мог быть только один из зрелых главарей мужского союза. Убежденный женоненавистник и ниспровергатель устоев матриархата. И ее личный враг! Поклонник новых мужских богов, увешанный талисманами от проклятий богинь и жриц их культа. Не опасавшийся стрелы мести от кан-девушки из женского военного союза или отравления женщиной из собственного дома. Муж! Вы только подумайте! Единственный (!) муж одной из тех продажных сучек, которые отошли от веры прародительниц и признали над собой власть Мужчины. Тех, что отказались от радостей многожества и дошли до такого позора, что, как приبلудные кошки, сами пошли в дом к мужчине! Одному! Признали позорное родство по мужской линии. И через это имели наглость верещать на каждом углу о законных и незаконных детях.

Она презирала этих слабых сердцем смазливых дурочек, которые, вопреки завещанному веками обычаю воительниц, боялись рожать в угли костра и сжигать новорожденных мальчиков, оставляя в живых только девочек.

Эти изменницы взяли моду рожать в постели. И сохранять жизнь каждому появившемуся на свет мальчишке. А теперь это их подростое отродье, не знающее страха костра, с оружием в руках устанавливает свои порядки!

Древние Псагуаши¹ были мудры, когда повелели жечь новорожденных мужчин. Дозволяя жить только тем из них, кто выживет, перевернувшись на углях. Или выпадет за край очага.

О, она – Белая Мезитха – помнила всех предательниц вековых заветов власти женщин, которых убили по ее приказу. Ее самшитовые канпшаши не знали жалости к отступникам. А скольких ушедших в дома к мужчинам, изменниц, связанными бросили в волны Ахына² и Мейятэ³ жрицы Хыпагуаши. Или задушили в садах кан-девушки Жыггуаши⁴.

Но мир сошел с ума! Дочки и племянницы этих убитых ничтожеств уже в память о своих погубленных матерях и тетках шли в дом мужа. По проторенной дорожке.

С каждым днем их становится все больше. Как и рожденных ими мальчишек. Вроде вот этого Пануко. Щенок!

Кто же привел этих горе-женихов к ее владениям?

¹ Псагуаши – «богиня жизни» (нартск.).

² Ахын – Черное море («хы» – «море» нартск.).

³ Мейятэ – «болото» (нартск.). Отсюда древнегреческое слово «Меотид» – Азовское море.

⁴ Жыггуашиэ – «богиня деревьев» (нартск.).

Сатаней чувствовала, что Дышаца пошатывается от усталости. Но сойти с кабанихи она не могла. Тогда бы пропала магия Белой Мезитхи.

Кто? Вон тот широкоплечий и тонкий в талии? Нет. Ему нет и сорока лет. Его борода даже без проседи. У него красивый щит с мужским родовым знаком. О, выкидыш сучки-предательницы! Дожились! Самцы ставят свои родовые знаки! Сатаней рассвирепела. Она представила, как бы подрумянивалось его мясо на жертвенном костре, когда они, убив его на тайной сходке воительниц, ели каждая свою долю. Мясо мужчины. Она хорошо помнила его вкус.

Нет, не он. Вот те трое, высокие, как тополя. Нет. У них открытые лица, покрытые первым пушком. Из под шлемов выбиваются тонкие косички-акя. В храбрости им не откажешь. Но до военных дзэпшей им еще далеко. Или этот юркий, в оленьей безрукавке. А-а-а... нет. Это Пхут. Следопыт-ищейка. Из приморских поедателей каштанов. Ему цена: пять поросят.

Сатаней быстро переводила глаза с одного воина-нарта на другого – и вдруг ее осенило. На склоне – прямо перед ней – остались стоять молодые. А взрослые матерые вояки быстро перемещались неровной линией вдоль берега. По правую руку. Она даже отметила, что многие из них уже наложили на луки стрелы и прижимали их согнутыми указательными пальцами.

Нет. Не-е-е-т... Нет! Не они. Не он.

Перед лучниками там и сям мелькали бойцы с большими щитами и длинными копьями. Одинарными и двурогими. Так и должно быть в строю. Щитоносцы прикрывают лучников. Копья высились над шишаками из меди, бронзы, кожи и самшита. У этого лук. Так, а тот? Обе руки заняты. Два дротика. Из лесных нартов. Дальше, дальше, дальше. Вот уже конец линии. И вдруг! Стоп! Назад! Чье это копье?

Белая Мезитха впиалась глазами в длинное двурогое копье с массивным древком из ясеня. Во второй шеренге. Во второй... шеренге? Почему такое толстое копье с двумя остриями торчит сзади? У него нет щита?

Она пыталась разглядеть хозяина этого тяжелого даже на вид оружия. И не могла. Он прятался. Да он же просто прячется! От нее! От Сатаней! Это – он! У мазгуаши¹ не было даже тени сомнения.

Совсем по-другому, оценивая, она оглядела бойцов, стоявших перед загадочным нартом с двурогим копьем. Бронзовые шлемы. Медные кольчуги. Медные щиты. Медные поножи. Длинные с густой проседью бороды.

На какое-то мгновение стоявший впереди и правее чуть-чуть повернул голову, и Сатаней увидела то, что хотела. Тот, который сзади, был в шхарконе² поверх шлема. Замотан по самые глаза.

¹ *Мазгуаши* – «богиня леса» (нартск.).

² *Шхаркон* – «башлык» (нартск.).

Этого было достаточно. Теперь она знала, где подлинный предводитель нартского отряда. Только дзэпша могли прикрывать такие хорошо вооруженные, отборные воины. В летах. Как эти – в медных доспехах.

Она подняла глаза на стоявшего рядом Уазырмеса. Его не было рядом. Он замер уже справа, повернувшись в ее сторону. На шагызбэ женского военного союза это означало: «перестроиться»!

И ее латники, обостренно ловившие каждый тайный жест своего начальника, внешне незаметно, с видом зрителей, занимающих места на интересном представлении, стягивались ему за спину. К самому берегу реки. Напротив тяжеловооруженных нартов-копейщиков Пануко. Напротив владельца внушительного двурогого копья, в шхарконе поверх шлема.

Сатаней, успокоенная, еще раз бросила взгляд на тех, медных, и удивилась. Двурогое копьё за их спинами исчезло. Тут и там в небо тянулись копья и пики нартов. Одинарные и с двойными наконечниками. С окрашенными древками и простые. Но того приметного двухлезвийного копья на толстом темном древке из ясеня она не могла отыскать. Никак.

7

– Как прекрасна наша Белая Мезитха! – громко, с благоговейным трепетом, даже не сказал, а пропел Уазырмес.

Это были первые строки из священного гимна богини леса, который пелся на тайных женских обрядах в лесу Тхашага. Его знали только посвященные.

– Мезитха, уэй-уэй! – с воодушевлением подхватили ее нарты и кан-пшаши во главе с Даханэ.

«Начинай обряд, ты – хозяйка! Бери руководство в свои руки, Сатаней! Тяни время. К нам идет помощь!»

Сатаней сразу поняла, что советовал ей муж, начиная песнопения женского гимна. Пропев первую строку, он фактически начал обряд, захватив инициативу. Обряд мог быть только один. Заявленное «сватовство». Единоборство ее кан-девушек и бойцов Пануко.

Теперь всему, что говорила и делала Сатаней, придавался сакральный оттенок.

Вояки Пануко разом подтянулись. Глаза у них загорелись. И в ответ на «Уэй-уэй!» женских военных обществ перекатами понесся рокочущий боевой клич мужских объединений нартов:

– Уашхо-кан¹, маржэ! М-а-р-р-ж-э-э! М-а-а-р-р-р-ж-э-э-э! М-а-а-а-р-р-р-р-ж-э-э-э-э!

¹ Уашхо-кан – «воспитанник неба» (нартск.). Солнце – верховное божество нартских мужских союзов. В отличие от хтонических женских божеств.

Дышаца испуганно встрепенулась. Нарты, во главе с Пшаей, спускавшиеся по склону, оглянулись на знакомый многоголосый призыв.

Даханэ из строя девушек бросила взгляд на Сатаней. Она ждала указаний. Ответом был жест на женском шагыбзе: «Бейте насмерть!».

– Лашин! Дыгэ! Ваго! Подарите женихам «медовый поцелуй»! – повторила приказ своим воительницам их дзэгуаша¹.

Сидевшая на золотошестинной свинье Белая Мезитха подняла правую руку. Установилась тишина.

– Пануко! И все вы, кто пришел с ним! Я – мазгуаша Тхашага приняла ваше предложение. Священный лес – священное сватовство! Тот из вас, кто победит мою кан-пшашу, берет ее в жены. Того, кого победит она, забираю я!

– Согласен! – разом посерьезнев, ответил молодой дзэпш. В строю его воинов произошло движение. Мужчины осматривали свое оружие. Шутки закончились.

– Гашемахо²! Маздахэ³! После Лашин выйдете вы!

В голосе Сатаней слышалось нескрываемое бешенство. Не ярость. Нет. Именно бешенство. Женщина до мозга костей, она сразу уловила, как повели себя ее воительницы после глумливого ответа Пануко. Их взгляды и смех. Особенно смех.

Внешне он приличествовал моменту. Злой и презрительный. Но она уловила в нем то, чего не расслышали все обвешанные оружием и скалящие зубы бородатые мужики и юнцы. Зазывные бабьи нотки! Кому, как не ей, было знать тысячи оттенков женского смеха. О, она сразу увидела, как Гашемахо и Маздахэ воткнули мечи в землю и выверенным, неуловимо соблазнительным женским жестом поправили свои самшитовые доспехи, доходившие им до колен. Сдвинули наверх шлемы и провели пальцем по бровям. Сатаней знала цену и назначение этих движений. И остальные восемь тоже не отстали от них. Каждая по-своему. Только Лашин с ненавистью продолжала смотреть на стоявших перед ней мужчин-нартов. Сохрани, Псагуаша, любую семью от такой невестки!

– О-о-о! Вот еще невесты!

– Услышали про сватовство – так сразу примчались!

– Уа-ха-ха-ха!

По рядам нартов Пануко опять прокатился хохот.

Сатаней не успела оглянуться. Незамеченные в суматохе приготовлений к единоборству шесть кан-девушек, в сопровождении рослого широкоплечего нарта в медной кольчуге, спустились по склону и встали прямо перед ней. Во вторую линию, за спиной у воительниц Дахэнэ.

¹ *Дзэгуашэ* – «военачальница» (нартск.).

² *Гашемахо* – «счастливая жизнь» (нартск.) – женское имя.

³ *Маздахэ* – «прекрасный лес» (нартск.) – женское имя.

Их колчаны были до отказа набиты стрелами. И в обеих руках у каждой зажато еще по два пучка стрел. Не медля ни мгновения, они вложили их в пустые колчаны своих одиннадцати подруг. Тех, что стояли в первой шеренге. С мечами наголо.

Раздалась тихая непонятная команда на женском шагыбзе, и все восемнадцать самшитовых красоток, крадучись, сделали назад семь шагов.

Одновременно, по этой же команде, два десятка латников Уазырмеса пошли вперед и встали на их место. Рядом с нартом в медной кольчуге.

Сатаней торжествующе улыбнулась. «Вот так, Пануко».

– Хахуж... Хахуж... Хахуж¹ ... – пронеслось по линии врагов.

Это было имя воина в гибком медном доспехе. Его знали в лицо немногие. Но те, кому он был знаком, не задумываясь, говорили, что лучший мастер и учитель фехтования на мечах – Хахуж. От Мейятэ до Нарта². У многих мужчин из отряда Пануко имелись шрамы, оставленные клинками его учеников и учениц.

Теперь он сам стоял перед ними и многообещающе сжимал рукоять длинного меча-гягэ. Из крепкой, прокованной для прочности, бронзы.

Девушки, отступившие назад, достали из подвешенных к поясам мешочков дорожный припас-гомилэ³, и начали торопливо есть, набираясь сил перед боем. По их рядам прошел косматый козий фэнд⁴ с чистой родниковой водой.

Похлопывая по наполненным колчанам, отдохнувшие, подкрепившиеся воительницы Белой Мезитхи снова смотрели на свою дзэгуашу озорно и уверенно. Даханэ с удовлетворением отметила их враз порозовевшие щеки и заблестевшие глаза.

– Мезитха, уэй-уэй! – от избытка чувств закричала красавица-блондинка Дыгэ.

– У-э-э-э-э-э-й!!! – подхватили все кан-пшаши Сатаней.

Выжившие в жестокой перестрелке с лучниками Глебыцы-коротышки и выстоявшие в почти безнадежном противостоянии дружинникам Пануко, они приветствовали своих спасителей – Белую Мезитху и нартов Уазырмеса. Они славили свою легконогую соратницу Бафо,

¹ *Хахуж* – «белый человек» (нартск.) – мужское имя.

² *Нарт* – название местности (из нартского эпоса).

³ *Гомилэ* – «припас» (нартск.) – дорожная пища воинов и охотников. Не портящаяся смесь из прожаренной ячменной или просяной муки, с медом и перетопленным жиром (свиным или бараньим). В наше время (XX–XXI века новой эры) слово «гомилэ» на адыгском (черкесском) языке обозначает любую пищу, взятую в дорогу.

⁴ *Фэнд* – «бурдюк» (нартск.).

приславшую им, вместе с боевыми подругами, стрелы. Они чувствовали Хахужа. Своего учителя фехтования. Одно присутствие которого уже придавало им силы и веры в победу.

Бойцы Пануко оценили подвиг ни на секунду не дрогнувших самшитовых дружинниц Сатаней. В едином порыве они подняли вверх свои копья, мечи и луки и молча потрясли ими в воздухе. От начала времен это был жест одобрения.

– Какие дзэпшаши ¹! Огонь! А-а?! – в восхищении крутили головой Пхут и старые вояки.

То был удивительный день. То был удивительный день!

Отряды мужских союзов нартов, во главе со своими дзэпшами, пришли сокрушить власть и могущество Белой Мезитхи. Разрушить тысячелетние устои мира. Мира безраздельной власти и торжества Женщины. Который теперь – враз – стал тесен Мужчине.

Вдоль реки, на обоих ее склонах, лежали пронзенные стрелами нарты и воительницы Мазгуаши. В воде печально покачивались мертвые тела воинов Жинду-жаке. Перелетая с места на место, хлопали крыльями вороны.

Всюду торжествовала Смерть.

Среди скал и в лесу, готовясь к новой атаке, уже закладывали в пращи тяжелые камни иныжи Нарыбга. Союзники Сатаней.

Выполняя намеченный план сражения, отряд Аши и Тлепша вышел в тыл Тлебыцы-жея и Гогуажа. К их лагерю с оставленными там лошадьми. Бесценным для каждого нарта достоянием.

На горном склоне, в нерешенном споре, стояли друг против друга два нартских войска. Плоть от плоти друг друга. С нерастраченными еще силами и неиступленным оружием. Женщины и мужчины. Их дзэгуаши и дзэпши.

В ушах у них гулко стучала горячая кровь.

– Бук! Бук! Бук! Бук! Бук!

Кровь?! Нет! Это в кузнице Бытия, на наковальне Времени бил и бил Молот Истории.

– Мазгуаша! Жыггуаша! Хыпагауша! Псыхогуаша! Хадагуаша! – звенел металл наковальни.

– Пора! Пора! Пора!.. – тонко вызванивал указующий молоточек невидимого во мраке космоса Кузнеца.

И как миллионы лет назад. Как тысячу лет назад. Как день назад. Светило солнце. В высоком светло-голубом небе плыли невесомые белые облака. Играла всеми красками зелень деревьев. Шумел поток. Порхали бабочки. Рядом со Смертью бурлила Жизнь. Потому что на смену Сегодня приходит Завтра.

¹ *Дзэпшаши* – «воительница» (нартск.).

– Канж! – громко и торжественно позвал Пануко.

Из строя молодых нартов вышел юноша такой стати и красоты, что Сатаней, не сдержавшись, пригладила свои волосы и поправила на груди и плечах оленью шкуру. Он действительно оправдывал свое имя. Канж. «Сорока». Из-под добротного медного шлема свисала толстая косичка-аця, сплетенная из бархатно-черных, без блеска, волос. С ней контрастировала белоснежная кожа лица, с мужественными правильными чертами. Совсем как оперение на крыле сороки. Такой здоровой белизной лица могла похвастать не всякая девушка. Из-под бровей взлетели смотрели живые темно-карие глаза в опушке густых ресниц.

Его броскую мужскую красоту дополняли доспехи. Длинная медная кольчуга, медные поножи и бронзовые налокотники. Большой медный щит-мэух, с клепками для ремней люльки, был произведением, вышедшим из-под рук великого мастера-оружейника. В руках у Канжа была длинная пика с бронзовым наконечником. На поясе, спереди, висел бронзовый кинжал. В деревянных, обтянутых кожей ножнах. А слева, на перевязи, – короткий и широкий меч-хошиса¹. Лук в налучье и колчан со стрелами висели у него за плечами.

– Канж! – наслаждаясь произведенным от выхода своего бойца эффектом, громко продолжил Пануко. – Твой славный отец – Дабеч². Его мастерство и изделия известны и в Нарте, и в Чинте³. В Чирте и в Аше. В Иныже и в Испе⁴. По берегам Ахына, Мейятэ и Хазаса⁵. На Тене⁶ и Индыле⁷. Он отправил тебя с братьями искать невест! Вас восемнадцать храбрецов в моем отряде, и я ни разу не пожалел, что пригласил таких воителей в поход!

Он сделал паузу и продолжил:

– Кишуко, Хыко, Мышэху, Бжэмахо! Я правильно говорю?!

– Да-а-а-а-а!!! – дружно и задиристо донеслось в ответ.

– Вот перед вами кан-девушки Сатаней-гуаши. «Священный лес – священное сватовство!» – сказала она. Это день вашей славы – сыновья Дабеча! Выбирайте невесту, какая каждому по нраву, и начинайте со-

¹ *Хошиса* (нартск.) – короткий рубяще-колющий прямой меч для ближнего боя.

² *Дабеч* – искусный мастер-кузнец. Персонаж нартского эпоса.

³ *Чинт* – в нартском эпосе область, где проживали чинты – соперники нартов. Синд, или Синдика, древнегреческих авторов.

⁴ *Чирт*, *Аше*, *Иныж*, *Исп* – название местностей в нартском эпосе.

⁵ *Хазас* (нартск.) – Каспийское море.

⁶ *Тен* (нартск.) – река Дон.

⁷ *Индыл* (нартск.) – река Волга.

стыжение. От берегов Ахына до берегов Хазаса нет девушек нежнее и обходительнее, чем воспитанницы Сатаней! Сатаней-гуаша назвала их цену! Жизнь! Если победит сын Дабеча – невеста уходит с ним. Если победит кан-пшаша – его забирает Сатаней! Погибшие остаются со своими!

Наступила неправдоподобная звонкая тишина. Канж оглянулся на братьев и перевел взгляд на девушек, что стояли позади Белой Мезитхи, сидевшей верхом на кабанихе с поникшими от усталости лопухами ушей. Воспитанницы Сатаней с деланным безразличием рассматривали клинки своих мечей.

– Мазгуаша Тхашага! Ты воспитала прекрасных дочерей. Они будут украшением для каждого уважаемого нартского дома, – голос Канжа, звонкий и чистый, понесся по ущелью. – Я хочу биться за всех невест для всех нас сразу. Пусть все кан-пшаша выходят против меня! Все!

Парень нравился Сатаней все больше и больше. Смелый, глупый и... вкусный. Она усмехнулась. Он шел на верную гибель. Но со славой. Певцы-джегуако¹ пели бы потом во всех своих песнях, как Канж, сын Дабеча, один сражался со всеми воительницами Сатаней. Да и девчонки в свалке переранят друг друга. «Хитер красавчик!»

А мозг уже считал варианты. Искал решение. Мозг богини леса. Главы военного союза женщин леса. Мозг Сатаней. Мудрой Сатаней. Сатаней-губительницы. Сатаней-благотельницы. Сатаней-женщины.

«Восемнадцать сыновей лучшего литейщика, кузнеца и оружейника в Нарте. А, Пануко? Я хотела руками твоих вояк преподать урок своим замечтавшимся девчонкам. Но тех, что лежат у реки, на сегодня будет уже достаточно. Восемнадцать – это сейчас. К концу «сватовства» женихов останется десять. Или два? А если я отдам в дом Дабеча восемнадцать кан-пшаш Белой Мезитхи, я получу восемнадцать родственников. В лучших доспехах в Нарте. И еще мастера-кузнеца в придачу. Отдам восемнадцать воительниц! Во власть мужчинам! Размечтался, дурачок! Мне надо, чтобы они привели мужчин ко мне! Или убили, сколько смогут. Решай, Мезитха! Решай скорее!»

Сражение предрешено. Нарыбг и его горцы-ины вот-вот ударят в тыл этим нартам. Аша и Глепш нападут на Гогуажа и Глебыцу. Кто выберется живым из этого побоища? Тогда я буду твоей благотельницей! Я убью тебя быстро-быстро. Ты даже и не заметишь, как быстро. Канж, сын Дабеча»

– Хахуж-гуазэ²!! – с усмешкой обратилась Белая Мезитха к дзэшпу в медной кольчуге, в первой линии воинов Уазырмеса. – Похоже, сын Дабеча ни во что не ставит твое умение биться на мечах. Моих кан-пшаш

¹ Дджегуако (нартск.) – песнопевцы, сказители.

² Гуазэ (нартск.) – «знаток», «мастер».

тренировал ты! Он хочет сражаться со всеми сразу. Он так уверен в своих силах или он хочет сказать, что ты – ничтожество?!

Удар был под ложечку. Главное в женской науке – сравнить мужиков между собой. Не важно, кто прав, кто виноват? Пусть дерутся. Пусть увечат друг друга. Всегда приятно посмотреть, как хладнокровный опытный убийца прикончит чужого красивого юнца. Вдвойне приятно, когда этот убийца из твоих мужчин. Готовый выполнить любое твоё желание. Будет, о чем поговорить. Что вспомнить.

– Как только этот щенок в игрушечной кольчуге открыл свой рот, слипшийся от молока матери, я решил, что буду просить тебя, наша прекрасная Белая Мезитха, разрешить мне преподать ему урок уважения!

Не дожидаясь ответа Сатаней, мастер фехтования вытянул из ножен свой длинный бронзовый гятэ.

– Дабеч скажет тебе «спасибо», Хажуж-гуазэ, когда узнает, что ты тоже учил его сына нарт-хабзэ¹, – глаза мазгуаши ласково скользнули по лицу Канжа.

– На что только я не пойду, чтобы хорошо пристроить моих воспитанниц, сын Дабеча. Ты прав! Зачем выходить им всем. Бейся с их ппуром²!

– Хухуж! – уже властно и отрешенно приказала Сатаней. – Ты воспитывал наших кан-пшаш. Пришло время выдавать их замуж! Я готова отдать их всех за сыновей Дабеча. Но хочу увидеть, смогут ли будущие мужья постоять за своих жен, когда встретятся с настоящими мужчинами? Такими, как воины Белой Мезитхи! Священный лес – священное сватовство! Начинайте!

В рядах нартов Пануко воцарилось угрюмое молчание, сменившееся досадным ропотом. Старые воины с ненавистью смотрели на мазгуашу Тхашага. На ее грудь и плечи, едва прикрытые оленьей шкурой с золотой застежкой.

– Мало крови суке! – глухо летело по рядам.

В исходе поединка никто не сомневался. В общем бою Канж еще мог уцелеть, благодаря своим великолепным доспехам, но в единоборстве с Хажужем у него не было шансов. Никаких.

В каждом селении нартов были воины, искусные в обращении с пикой и мечом. Они учили мальчишек рубить, колоть и самим защищаться от ударов. В детских играх и малыши, и подростки не расставались с деревянными мечами.

Канж был сыном оружейника. Кузня была его вторым домом. Он не хуже отца умел отливать в формах, ковать и закаливать бронзовые мечи.

¹ *Нарт-хабзэ* (нартск.) – кодекс чести нартов.

² *Ппур* (нартск.) – «воспитатель».

Знал тайны оружия. Его сильные и слабые стороны. Владел боевыми приемами.

Но сейчас перед ним стоял один из самых опытных и страшных бойцов, каждый день оттачивавший свое мастерство в схватках с ученицами и первоклассными рубаками. Он мог противопоставить ему только свою молодость. Ловкость и быстроту. И еще удачу.

Хахуж вышел вперед и быстрым натренированным движением перебросил свой длинный меч из правой руки в левую.

Канжу предстояло худшее. Биться с левой. В случае с Хахужем – с воином, одинаково хорошо владеющим и правой и левой руками.

Сатаней наслаждалась происходящим. Исход поединка означал многое. Он донельзя поднимал боевой дух победившей стороны и сокрушал надежды соперников. Она приветливо улыбалась Пануко. Как любящая и заботливая мать смотрела на Канжа. С шутливой укоризной поглядывала на Хахужа. И потому была ужасна. Жуткой иррациональной самочьей жестокостью. Беспощадной ко всем, к кому она испытывала ненависть. И к тем, кого любила.

И именно поэтому все нарты Пануко единым рациональным мужским мозгом понимали высшую правоту своей борьбы против этого свирепого, необъяснимого и неискоренимого женского произвола.

– Кишуко! – окликнул старший сын Дабеча своего второго брата. – Нас восемнадцать?!

– Да, Канж! – широко улыбнулся в ответ тот.

– М-а-а-а-р-р-ж-э-э-э! – подтвердили остальные шестнадцать...

*Мадина ХАКУАШЕВА,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
сектора кабардино-черкесской литературы
Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН*

«КОГДА ВРУЧИШЬ ПОТОМКУ НАПОЛНЕННЫЙ КУВШИН...»

Инна Иналовна Кашежева (1944, Москва – 2000, Москва) – талантливая кабардинская поэтесса, человек удивительной драматической судьбы. Мать, Оксана Федоровна Васильева, – русская, москвичка, юрист по образованию. Отец – кабардинец, родом из сел. Каменномостское (Кармахабле) Зольского района КБР, полковник, лётчик-испытатель. Инна родилась и выросла в Москве, но, будучи внучатной племянницей кабардинского просветителя Талиба Кашежева (1866–1931), духовно всегда была связана с Кабардой и Балкарией.

Инна училась в Литературном институте им. М. Горького, работала в редакции журнала «Юность», в издательствах Москвы; в 1967 году стала членом Союза писателей СССР.

Стихи начала писать рано, с отрочества. Первые стихи опубликовала шестнадцатилетней школьницей в журнале «Юность» (1960, № 3). В 1962 году в Нальчике вышла первая книга стихов «Вольный аул», когда автору было 18 лет. На сборник обратили внимание Алим Кешоков и Кайсын Кулиев, высоко оценив национальное своеобразие молодой одарённой поэтессы. В предисловии К. Кулиев писал: «Всякий подлинный талант – это большое благо. Встреча с поэзией Инны Кашежевой была для меня праздником. Мне хочется, чтобы и читатели разделили со мной это чувство праздника. Мне очень приятно и радостно представить вам

по-настоящему талантливую поэтессу, первую книгу которой вы берете сейчас в руки, как веточку ранней сирени или белой алычи).

Сравнение поэзии Кашежевой с весенними цветами не случайно – уже первые стихи ее отличают яркость и свежесть образов, чувственная экспрессия. Часто это достигается тонкой художественной манипуляцией, красками цветовой палитры («Город первого поцелуя», «Одна ночь»). В 1960-е годы Инна стала одной из самых ярких фигур поэтов-шестидесятников, стихи ее были чрезвычайно востребованны. «Стихотворный бум начался в 61-м. И Инна сразу попала в обиход поэтов-тчетов. Тоненькая, стриженная под мальчика, всегда в брюках и спортивном свитере...», она легко покорила залы Политехнического и Лужников.

Уже в первой книге определяются главные темы ее поэзии: стихи о родине отца – Кабарде, о Кавказе, о своих корнях, предках, родителях, любовная лирика, стихи о самой поэзии. Сборник вмещает в себя три цикла стихов: «Об отцах и дедах», «В гостях у солнца» (о кавказских горах), стихи, посвященные юности и городу юности – Нальчику, и поэму «Зеленая калитка». Автору прекрасно удаются зримые поэтические образы.

Размышления о своем роде, корнях уводят автора вглубь веков, к символическому образу юной кабардинской княжны Марии и русского царя. Стихи о родине отца прекрасно передают самобытность, неповторимость ее поэзии.

Любовной лирике Инны Кашежевой с самого начала свойственны глубина, удивительная для юного автора, прозрачность и легкость слога, светлый трагизм – черты, по которым опознается традиционная классическая лирика Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Бэллы Ахмадулиной. Те же интонации, та же точность в передаче настроения в стихотворении «Время стерло с сердца, как с монеты». Его отличают зрелость, лаконичность мысли, образа, художественная завершенность. Цикл стихов о любви составили «Пью нарзан», «Глаза твои не карие...», «Знакомый дом», «Город первого поцелуя», «Будут успехи, счастливые миги», «Время стерло с лица, как с монеты», «Я ухажу, ты говоришь «Прощай!».

Уже в раннем творчестве Кашежевой определяется еще одна тема, которой она останется верной до конца. Тема любви – раздвоенности между Югом и Севером, обусловленная ее происхождением («Ты не сешь жаркий юг»),

В 1965 г. в Нальчике выходит второй сборник стихов молодой поэтессы «Незаходящее солнце», включающий два цикла стихов: «Лучи», «Вступление в любовь». Первый цикл продолжает темы Родины (Кавказа и России), сюда относится несколько стихов о Севере. Второй цикл составляет преимущественно любовная лирика. Взаимопроникновение

юга и севера, что составляет символ единства Родины и самого поэта, становится центральной линией всего творчества поэтессы. Своя земля – это первооснова, та первородная сила, по которой выверяет свою судьбу и жизнь поэт («Нет, не по привычке, а по крови»).

Цикл стихов посвящен России, герой ее – крестьянин, образ которого подчеркнута рельефен («Обремененные крестами»), солдат русской войны («Крутобровы были да бравы»).

Еще один цикл стихов в сборнике – «Незаходящее солнце» посвящен Северу («Из Северного блокнота», «Мужской разговор», «Мы ушли за три моря во льды», «У рыбака на скулах твердых»).

Наибольшее развитие получает тема любви, не случайно цикл стихов назван «Вступление в любовь». Любовь безмерна, она из настоящего тянется в необозримые пространства прошлого и будущего («Оказалось – я еще взрослею»). В стихах этого сборника – вновь о взаимопроникновении двух культур – адыгской (отцовской) и русской (материнской) («Когда для счастья сердце мне мало»).

И. Кашежева с головой уходит в литературную жизнь, становится всегдааем ЦДЛ. У молодой поэтессы появляются «звездные» знакомства: Алим Кешоков, Кайсын Кулиев, Татьяна Самойлова, Владимир Высоцкий, Олег Даль, Геннадий Шпаликов, Инна Гулая и все поэты-эстрадники...

В 1970 г. в Нальчике выходит в свет новый сборник «Белый тур», состоящий из двух циклов: «Четверть века» и «Примечания у молодежи». Автор продолжает и развивает темы своего раннего творчества, философское видение мира сочетаются с рукой опытного мастера слова. Кашежевой свойственно «балансирование» между стихиями, светом и тьмой, временами года, временными и пространственными субстанциями («Еще туман над сонными горами»).

Временные и пространственные плоскости смещаются, подчиняясь всесилию творческой мысли – образа. По художественной завершенности и глубине можно отметить стихи «Август», «Всего-то лету было мало», «Неведения сладкая сила», «Длиннее путь, а вздох короче», «От странного счастья мертвая», «Что мне делать с прерывистым смехом твоим».

Новый этап творчества ознаменовался новым сборником «Кавказ надо мною», вышедшим в Нальчике в 1973 г. Он состоит из нескольких циклов: «Начало», «Связь времен», «Ритмы ожидания». Глубоко, ярко, образно прозвучала в этой книге тема Кавказа («И я – Кавказ. И я отсюда», «Эльбруса ледяной каркас»).

В творчестве этого периода тема войны становится явственной и чаще всего воплощается в образе отца-фронтовика. («Стареет эпоха металла»). Ребенок военной поры, Кашежева кровно, самой плотью связана с ней («Век двадцатый – вена у виска»). Отсюда такое проникновение в чужие неведомые жизни, скошенные войной («Мне вчера рассказала балкарка одна»).

В 1975 г. в Москве выходит сборник избранных стихов «Всегда», в котором преобладает любовная лирика. Но любовь теперь перемещается с мотивами одиночества, («Сегодня хочу непокою», «А слов нет проще», «Я тебя люблю», «Ненадолго с тобой нас хватило»). Несколько стихов посвящено войне: «Мы – день войны», «Мальчишка просит протрона», «На сбитых простынях судьбы». Стихи этого сборника отмечены высоким уровнем мастерства, особенно стоит отметить «Август», «Не забывайте, горожане», «А лето начиналось вот так».

В 1977 г. выходит в Нальчике пятый сборник стихов автора «Сегодня». Он состоит из четырех циклов: «Кебляга», «Незнакомое время», «На всем скаку», «Унаиша». Первый цикл включает провинциальные мотивы; второй, посвященный памяти отца, – об отце, доме, семье; третий составляют стихи о дороге, поэтические впечатления о других городах, странах («Я вернусь в этот город», «Углич», «Уголок в Крыму»), Яркими, динамичными, смелыми штрихами отображает автор кубинский карнавал. Образы визуализируются в стихии движения, красок, звуков, запахов, и создается яркая картина народного праздника («Карнавал на Кубе»). В четвертый цикл включены преимущественно стихи о любви.

Кашежева продолжает тему, намеченную с юности – о гибели любимых поэтов – Пушкина, Лермонтова («Мертвые пальцы тоскуют...»), «Подражать непоседам», «Разговор с Медиком о душе».

В этот период Инна Кашежева много ездила по стране от Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей СССР.

В 1980 году выходит второй ее московский сборник «Незнакомое время». Это преимущественно лирическая подборка, которая не случайна: на зрелом этапе творчества поэтессе по праву можно назвать блестящим мастером этого жанра. Широко представлена любовная лирика («Не мучай меня! Отрекись», «Никуда не уеду», «Я первых слов твоих не помню», «В то самое первое лето» и др.).

В сборник «Кебляга», изданном в Нальчике в 1982 г., вошли фрагменты из предыдущих книг «Кавказ надо мною», «Вольный Аул», «Всегда», «Белый тур», «Незнакомое время» под одноименными названиями циклов.

Следующий сборник «Лицом к истоку» (Нальчик, 1986) ознаменовал очередной виток в творчестве Кашежевой. В него вошли новые стихи и поэма. Поэт верен прежним темам, но сочетание легкости, окрыленности слога, недоговоренности, за которой сквозит беспредельность, с мудростью и горечью прожитых лет, придают поэзии неповторимый стиль и обаяние. Стихи, посвященные ускользающему и отраженному времени, слагаются в настоящий гимн («Ударю по щеке щеколду», «Быть не может безликим», «Я мчусь по трассе тишины», «Та зима» и др.).

В стихах этой поры преобладает тема одиночества, пронизывая собой все творчество, особенно стихи о любви. («Не морочь меня, память», «В твой капкан навек попался», «Над бровью раздумий морщинка», «Словно лес...», «Размело, разметало», «Опустела скворешня»).

В сборник вошли стихи, посвященные Греции («Греция. Мифы и будни», «Микены») и Италии («Из итальянской тетради», «Град в Венеции», «Гибель Помпеи»). И на этом этапе творчества – тема гибели Пушкина («Капризы Ленинградского такси», «Декабрь 1925 г.»). Несколько стихотворений посвящено Москве («У стены Китайгородской»), «У каждого есть свой отрывок Москвы», «Никитские ворота»), Кавказу («Не было б, может, в помине», «Родина, родившая отца», «Я пью судьбу подобно...»); «Перед каждым водопадом», «Стихи, написанные в Бресте», «Победа, вдруг сердце мое оглянулось назад», «Стихи, написанные 9 мая»).

В 1987 г. в Москве выходят две книги Кашежевой – «На розовом коне» и «Кони времени». В первый сборник вошли стихи из предыдущей книги «Лицом к истоку», цикл стихов, посвященный дороге, которая символизирует саму жизнь («Колесами слышу дорогу», «Заклинание автолюбителя», «Автомобиль Маяковского», «Над бровью раздумий морщина»), новая лирика («Городской сумасшедший», «Мне понятно теперь...»), «Словно сила паруса литая», «Сосулек оплывшие свечи» и др.). Во второй сборник включены стихи из предыдущих изданий «Лицом к истоку», «Кавказ надо мною», «Сегодня».

Инна Иналовна остро переживала начало перестройки, совпавшей с личными трагедиями – смертью родителей, автокатастрофой, в которой она получила тяжелые травмы.

Тем не менее, в 1990 г. в Нальчике выходит двенадцатый сборник поэтессы «От второго лица». В него вошел новый цикл стихов «Страдательный залог», литературные портреты – «Кумиры моей молодости», переводы. Прозаические портретные зарисовки К. Кулиева, Т. Зумакуловой, А. Кешокова написаны ярко, образно, свежо. В третьей части книги даны переводы стихов Зубера Тхагазитова, Лиуана Губжокова, Бориса Кагермазова, Анатолия Бицуева.

В 1994 г. в Нальчике вышел тринадцатый сборник Кашежевой – «Старинное дело», посвященный памяти матери. Он состоит из двух циклов: «Пожилое детство»; «Богатые тоже плачут», в которых представлены юмористические, сатирические и пародийные стихи. В них заметно усиливается тема одиночества, которая порой обостряется до болезненного мироощущения: («Так боюсь раздвинуть тьму»).

Этой же теме посвящены стихи «Руки снега холодные», «Одиночество играет», «Воспоминание о гадалке», «Я узник собственной судьбы» – безысходность, подведение неутешительных итогов, страшный

приговор современности, на фоне которой даже смерть Пушкина светла («Последние годы»).

Цикл горьких стихов посвящен смерти матери. («Ты на годы не сетуй», «Мама! И льются слезы», «Сердце плавает в луже крови», «Ах, как не хочется прощаться!», «Стали звезды из ярких матовыми»).

Стихи, посвященные Пушкину, как и прежде, проецируются на собственную поэтическую судьбу, судьбу страны, времени («Поэт юродивой эпохи», «Запрети мне тосковать», «Нева», «Чиновник десятого класса», «Черная речка», «Комендантская дача»).

Стихи о любви проникнуты одиночеством и острой ностальгией по прошлому («Пора вспоминать поцелуи»).

Инна Кашежева почти сразу стала поэтом-песенником. В 1964 году в Карском море на лесовозе «Тулomalес» в содружестве с композителем А. Колкером поэтесса написала свою первую песню «Опять плывут куда-то корабли», которая сразу же полюбилась слушателям, так как на самом деле родилась «на краешке земли». Инна Иналовна успешно сотрудничала с советскими композиторами, такими как Б. Троицук, Б. Савельев, В. Рубашевский. Их песни «Мальчишки России», «Я иду из кино», «Позови меня на свадьбу» были номинированы на музыкальных конкурсах.

Серьезная работа ознаменовала творческий союз Инны Кашежевой с композителем Аркадием Островским.

По словам композитора О. Фельцмана, «...содружество поэтессы и композитора оказалось поразительно органичным. Оно подарило нам целый ряд песен, принципиально новых по замыслу, остро современных по своему поэтическому и музыкальному строю. Эти песни были рождены смелой фантазией художников, пытливого всматривающихся в окружающую их жизнь. Думаю, что, например, цикл «Полутона», в котором есть такие неповторимо своеобразные песни, как «Лунный камень», «Круги на воде» и другие, во многом обогатил наше песенное искусство.

Среди песен, посвященных борьбе за мир и завоевавших широкую популярность, почетное место занимает «Атомный век» – произведение большого публицистического звучания. Эта песня по праву стала лауреатом Всесоюзного конкурса на лучшую советскую песню в 1966 году».

Инна Кашежева – автор стихов почти трёх сотен популярных песен, среди которых знаменитый «Нарьян-Мар». Автор 20 поэтических книг. Лауреат Государственной премии Кабардино-Балкарской АССР (1973), журнала «Работница» (1983). Похоронена в Москве на Хованском кладбище рядом с родителями.

Забудьте города, где вас любили...

Забудьте города, где вас любили,
Не возвращайтесь никогда туда:
Серебряные трубы оттрубили,
В лед превратилась вешняя вода
Другие там кварталы и районы,
Давно зачеркнут прошлого маршрут...
И молодости вашей почтальоны
Его при всем желании не найдут.
Исчезли переулки, перекрестки
С их шумом, теснотой и кутерьмой,
Где вешний ветер, путая прически,
Был просто ветром юности самой.
Пусть этот ветер кто-то вновь пригубит,
Он парусам другим необходим.
Другие здесь – и по-другому – любят,
Считая город городом своим.
Меняйтесь, превращайтесь и прощайте,
Покинутые нами города...
И все-таки вы их не забывайте
И возвращайтесь именно туда!

Быть возлюбленной поэта

Быть возлюбленной поэта –
это (ах, пойми же ты)
быть хоть лучиком, но света
в темноте его беды.
Быть возлюбленной поэта –
это вдруг самой не стать:
в муках ада, в строках бреда
постепенно оживать.
Быть возлюбленной поэта –
это с грустью наблюдать,
как дымится сигарета,
чтобы пеплом рифмы стать.
Это с ночи до рассвета
слышать гулкий стук в груди.
Быть возлюбленной поэта –
это... Бог не приведи!

Господи! Какие сны нам снятся!

Господи! Какие сны нам снятся!
Как же нас природа создала?
Но до этой тайны не добратся,
не разбив волшебного стекла.
И не будем сетовать на это:
не вернуть погасший блик свечи...
Лучше сохраним под сердцем где-то
всё, что остаётся там – в ночи.
Силуэты, символы и лица,
странных происшествий череда...
Только бы не перестало сниться
то, что исчезает навсегда.
Взлётов и падений вереница,
тёмное знахарское вино...
Воспарить во сне или разбиться, –
ах, какое счастье нам дано!
Надписей магических страница –
вновь шаманит мозг усталый наш.
Может, это завтра повторится?
Но ведь сну приказа не отдашь.
Трудно утром с грёзами расстаться,
только жизнь диктует нам своё...
Господи! Какие сны нам снятся!
С них и начиналось бытие.

Заговори, отец, по-кабардински

Заговори, отец, по-кабардински,
хотя б немного внуков поучи,
звения уздечкой звуков, проскачи
в тот край, где ты на счастье им родился!
Заговори на языке отца,
отец мой, замолчавший от недуга!
Не значит, если лопнула подпруга,
что конь твой не доскачет до конца.
Заговори на языке родном,
таком гортанном и неповторимом,
пусть в нашем доме будет пахнуть дымом
костров пастушьих... Пусть греметь лавинам,
синеть горам, объятым снежным сном.
Заговори, отец, заговори!

Заговори назло проклятой хвори,
назло уколам вспомни иглы хвои,
сшивающие лоскуты зари
для твоего весеннего бешмета...
Прошу, отец, сегодня об одном:
заговори на языке бессмертья,
заговори на языке родном!

Какое-то странное чувство

Какое-то странное чувство,
что скоро с весенних небес
нагрянет неожиданное чудо,
хотя не бывает чудес.
Решится какая-то тайна,
которая мучит давно.
Случится, решится... А странно
и боязно чуть всё равно.
Как напрочь забытая рифма,
во мне оживает опять
в биенье смятенного ритма
глагол удивительный – «ждать».
А долго ли – это неважно.
На счастье своё, на беду,
живу напряжённо, отважно
в коротком спряжении – жду!

Не уходите в сытость, люди

Не уходите в сытость, люди,
о, сколько нас ушло уже!
Я не о чарке, не о блюде,
не о наряде – о душе.
Россия голодала много,
в ярме двужильности дыша,
но шире поля, выше Бога
была всегда её душа.
Я знаю, вы меня поймёте,
и пусть не будет мнений двух:
мы кровь от крови, плоть от плоти
того, что есть России дух.
К излишествам не привыкайте,
не заходите за черту.

Изголодаемся давайте
по человеку, по труду.
По песне, но не электронной:
ведь есть на свете соловьи...
Но, чёрт возьми, неразделённой,
но все же, Боже, по любви!
Не будет музыки без лютни,
без муки в сердце мёртв поэт.
Не уходите в сытость, люди,
назад пути оттуда нет.

Родина, родившая отца

Родина, родившая отца,
Никогда не ведавшая страха,
Вся ты – отгиск моего лица,
Вся ты – взгляд с вершины Ошхамахо.
Родина, родившая меня,
Поколений трепетное эхо,
Вся ты – свет пастушьего огня,
Мягче моха он, теплее меха.
Родина, хранящая огонь.
Наших дел, сердец, стихотворений,
Ты не любишь долгих уверений –
Просто я на грудь кладу ладонь
И твержу безмолвно, без конца:
«Ты – грядущих слов моих основа,
Ты – сама единственное слово,
Родина, родившая отца!»

Ну, теперь вы, девчонки, пропали,

Ну, теперь вы, девчонки, пропали,
Никуда не уйти от судьбы,
Мои братья надели папахи
На свои смоляные чубы.
И луна опустила так низко
Над селом золотую ладонь,
И недаром взяла гармонистка
В руки лучшую в мире гармонь.

Сад в дождь склонил своё лицо

Сад в дождь склонил своё лицо –
спасительная влага...
И разлиновано крыльцо,
как детская бумага.
Двадцатый век отвергнуть рад
любое повторенье.
Но – этот дождь? Но – этот сад?
Но – первый день творенья?

Случилось как-то в ночь

Случилось это как-то в ночь:
болело сердце – не помочь
и знающим латынь.
Я говорю ему: «Зачем
нам малярный жар поэм?
Отринь его, остынь!»
Оно ни слова мне в ответ.
Скорей бы уж стекал рассвет
по клювам петухов...
Но только ночь, но только боль
и – в этом соль! – терпеть изволь
рождение стихов.
А я при чём? Здесь, например,
уместней был бы акушер,
ну, фельдшер, наконец...
Но вдруг – часами на стене –
в пульсирующей тишине
я чувствую: стучат во мне
две тысячи сердец.
И ритм не ритм, и звук не звук,
а в тёмном хаосе вокруг
лишь сполохи огня...
И чей-то голос: «Принимай!»
Как демонстрация на Май,
толпа вокруг меня.
Внутри – сплошная пустота...
О ты, святая простота,
что хуже воровства!
А сердцу надо так болеть,
когда бессильна даже смерть

остановить слова.
И ты, великий лекарь – жизнь,
спасать меня не торопись,
со лба ладонь стряхни...
Я соглашусь опять страдать,
крик боли, словно кость, глотать,
то возникать, то пропадать,
но только бы вопрос задать:
– Вы кто?
– Твои стихи.

Старики понимают детей

Старики понимают детей,
как земля понимает растенья,
как хозяйка – желанных гостей,
как поэт – своё стихотворенье.
Непохожи исток и итог,
отличается радость от грусти...
Но пробивший песок родничок –
это тоже грядущее устье.
У детей всё ещё впереди:
и любовь, и мечты, и обиды,
потому столько смеха в груди,
потому-то и слёзы обильны.
Столько ждёт их затей и страстей,
столько копий они поломают...
Старики понимают детей,
потому что себя понимают.

Стихи, написанные в Бресте

Мне судьбою забыть не дано
всех, чью жизнь оборвали враги.
Я тебя уже старше давно,
младший дядя мой, Джебаги!
От вершинных заоблачных мест,
где Эльбрусских снегов молоко,
далеко крепость мужества – Брест,
и бессмертье твое далеко.
Предвоенною той весной
прибыл ты в гарнизон служить.
Фотография предо мной, –

только ей, не старея, жить.
Ах, какой ты был молодой!
И косая сажень в плечах...
Но тебе ползти за водой
в пересохших от пуль ночах.
А у Буга вражеский пост:
недвижимо надо лежать,
чтобы встать потом в полный рост
и воде навстречу бежать.
Тяжелы кандалы-сапоги...
Добеги, Джебаги, добеги!
Сколько раз ты проделывал путь
на мозолях колен и локтей,
чтоб могло хоть глоток глотнуть
пламя ртов матерей и детей!..
Эту пару израненных рук
навсегда бы в бронзу, в гранит...
До сих пор легендарный Буг
отраженье твое хранит.
Нет могилы твоей нигде.
Память вновь отворю, как сезам:
до сих пор ты бежишь к воде,
полумертвый от жажды сам.
А на стенах следы от пуль
глубоки, как твои шаги...
Я кричу тебе в тот июль:
«Добеги, Джебаги, добеги!»

Я пью судьбу

Я пью судьбу, подобно
кувшину с молоком:
не дробно, не подробно,
а сразу – целиком.
Я пью судьбу, как будто
большой кувшин, – до дна!
Ведь только было утро,
а вот и ночь видна...
Что капли почему-то
вдруг иногда горчат,
не виноваты утро,
кувшин или гончар.
И ночь не виновата

последнего глотка...
 А всё же маловато
 в кувшине молока!
 Пьешь – на себя посетуй,
 что думаешь опять:
 «...За капелькой последней
 всё снова бы начать...»
 И я, и ты, и каждый,
 приговорённый жить,
 с рожденья болен жаждой
 бездонное испить.
 Не оскудеть потоку
 с достигнутых вершин,
 когда вручишь потомку
 наполненный кувшин!

Я слышу, как небом синим

Я слышу, как небом синим,
 я вижу, как веткой клейкой
 кричит моя Россия
 Кавказу: «Салам алейкум!»
 Я слышу, блеснув просторы
 рассветом большим и красным,
 кричат в ответ мои горы
 по-русски ей: «Здравствуй!»

Соч.: Вольный Аул: Сб. стихов. Нальчик, 1962; Незаходящее солнце: Стихи. Нальчик, 1965; Белый тур: Стихи. Нальчик, 1970; Кавказ надо мною: Стихи. Нальчик, 1973; Всегда: Стихи. М., 1975; Сегодня: Стихи. Нальчик, 1977; Незнакомое время: Стихи. Нальчик, 1982; Кебляга: Стихи. Нальчик, 1982; Лицом к истоку: Новые стихи и поэмы. Нальчик, 1986; На розовом коне: Стихи. М., 1987; Кони времени: Сб. стихов. М., 1987; От второго лица: Новые стихи, переводы, литературные портреты. Нальчик, 1990; Старинное дело. Нальчик, 1994.

Лит.: Султанов К. Инна Кашежева // в кн. Певцы разных народов». Махачкала, 1971. С. 434-440; Сорокина В. Взять высоту! // Советский воин. 1974. № 25. С. 4, 5; Веселов В. Ищу я не на миг – на жизнь // ЛГ. 1974. 14 авг.; Чуприлин С. Что приобретено? (о сб. стихов И. Кашежевой «Кавказ надо мною») // ЛГ. 1974. 14 авг. Билясов Р. Душа поэта (штрихи к портрету И. Кашежевой) // КБП. 1983. 8 марта; Кагермазов Б. Явление в поэзии: к 50-летию И. Кашежевой // КБП. 1994. 23 февр.; Эльберд М. О заходящем солнце Инны Кашежевой // КБП. 1996. 28 дек.

Мухтар БОТТАЕВ,
член Союза журналистов РФ

ПИК МУСТАЯ КАРИМА

*«Я подымался на вершины гор,
И эхо отвечало мне сквозь дали.
Горой хотел я стать, и с этих пор
Мечтой моей навеки горы стали».*

Эти строки теперь прочтут все, кто поднимется на пик Мустая Карима в Чегемском ущелье. Имя народного поэта присвоено горной вершине в честь его 100-летия. В 2019 году общественность будет широко отмечать эту дату. Запланировано много знаковых мероприятий. И начало марафону добрых дел дало Башкирское отделение Русского географического общества: при поддержке Федерации альпинизма и туризма Кабардино-Балкарии в начале июля совершено восхождение на одну из вершин Главного Кавказского хребта, и ей присвоено имя Мустая Карима.

Участниками экспедиции стали председатель Башкирского отделения РГО, путешественник, писатель, заслуженный работник культуры РФ Камиль Зиганшин, композитор и бард Александр Лынник, тележурналист Рустам Сиразетдинов, генеральный директор предприятия «Авиатрон» Валерий Деев и опытные альпинисты-спасатели из КБР. В начале июля они прибыли на Кавказ, в Кабардино-Балкарию.

Мы с Муталипом Беппаевым встречаем их в аэропорту Минеральных вод. Знакомимся, первые фотографии на память.

«Подняться на пик для меня было делом чести, ибо испытываю к духовному пастырю Башкортостана огромное уважение и благодарность за участие в моей писательской судьбе», – сказал Камиль Фарухшинович.

Башкирскую делегацию мы разместили в пансионате «Грушевая роща», затем побывали в мемориале жертвам политических репрессий балкарского народа. Рустам Сиразетдинов не выключает свою камеру, многое для них становится очевидным сейчас...

График был плотным, ближе к вечеру отправляемся в Черекский район, – знаменитые Голубые озера, тоннель, огромные скалы, – гости в восторге. А заместитель главы администрации Черекского района Сахадин Ульбашев цитирует стихи Кязима Мечиева и рассказывает о его нелегкой судьбе. Все это остается на камере кинооператора.

На следующий день состоялся митинг у памятника незабвенному Кайсыну, другу Мустая. Гостей приветствуют вице-спикер парламента КБР Салим Жанатаев, министр культуры Мухадин Кумахов, министр спорта Ислам Хасанов. «Мустай Карим и вся его семья были, есть и будут нашими родными душами, а в их лице и весь башкирский народ, который мы уважаем и чтим», – сказала вдова Кулиева Элизат. Затем они побывали в Доме-музее, где им подарили книги поэта из Чегема. Далее селение Эль-тюбю, гости с нескрываемым восхищением рассматривают стену со стихами поэта, камера без конца тарактит. Тут же стихи Мустая Карима на камне.

В базовый лагерь «Башиль» участников восхождения доставил грузовой вездеход. С погодой не везло. Приняли решение установить промежуточный лагерь и оттуда идти на штурм.

...43 градуса, 10 минут, 747 секунд северной широты, 42 градуса, 57 минут, 700 секунд восточной долготы. Это координаты пика на Главном Кавказском хребте в Чегемском ущелье. Его высота – 3555 метров... Великолепие этих мест достойно самой высокой поэтики. Участники экспедиции шли сначала по лесной зоне, сменившейся альпийскими лугами. Погода менялась каждые пять минут – то туман, то снежная крупа, и вот опять засверкало солнце. Шли по так называемому мордобою и моренам – каменным валам, оставшимся от отступивших ледников. Если нечаянно наступить на такой, то можно и ноги сломать. Встречались и огромные камни, которые тихо ползут по льду, зрелище хоть и красивое, но не дай бог оказаться на их пути. Восхождение на пик заняло 18 часов. Базовый палаточный лагерь был разбит на высоте 2300 метров, отсюда ранним утром 7 июля члены экспедиции начали основное восхождение. Предстояло подняться на хребет по нескольким гребням-ледникам, а обратная его сторона – отвесная стена. Рассчитывали уже в 11 утра быть на вершине, но горы есть горы, а накануне прошел ливень, и ручьи,

которые раньше можно было перепрыгнуть, стали бурными потоками, и переправлялись через них с помощью канатов. Однако все трудности остаются на втором плане, когда взбираешься на вершину! Открывается великолепная панорама Чегема! Облака плывут внизу, а перед взором – вершины, небо и бесконечный космос. Все это участники экспедиции запечатлели на камеру, ее, шестикилограммовую, несли по очереди, и теперь готовят фильм. Желающих побывать там много, и первая группа отправится под руководством Александра Лынника в августе-сентябре 2018 года, но об этом попозже.

«Это мое второе восхождение на Кавказе, – делится своими впечатлениями об экспедиции Рустам Сиразетдинов. – В первый раз мы шли по следам героев фильма Говорухина «Вертикаль», и вот нынешнее восхождение. Не мог не принять в этом участие, поскольку вырос на произведениях Мустая Карима и Кайсына Кулиева».

Восхождение оказалось непростым, однако в состав группы вошли опытниейшие альпинисты-балкарцы, среди которых – первый заслуженный спасатель России Тахир Татчаев, а также поднимавшийся на восьмимысячники Азнаур Аккаев, Ахмадия Мишаев, Борис Гумаев, Александр Черинько. Они разделили все трудности, выпавшие на долю участников экспедиции.

«Ради таких моментов и стоит жить, – говорит Александр Лыник. – Я вырос на творчестве Мустая Карима, хорошо знаю его стихи,

рассказы. Мой отец был знаком с ним, посвящал ему стихи. Для меня это очень знаковое событие. Гений, написавший лучшие стихи о любви к Родине, достоин такой памяти и почитания».

...Фонд имени Мустая Карима выразил сердечную благодарность руководству Кабардино-Балкарии, Федерации альпинизма и туризма, Союзу писателей республики за решение присвоить имя поэта одной из вершин Чегема. «А я и не знал, что высокое солнце – теплой. А я и не знал, что далекие звезды – светлей...», – написал Мустафа Сафич в 1962 году в своей кабардино-балкарской тетради в стихотворении, посвященном Кайсыну Кулиеву. Два великих поэта не только крепко, по-братски дружили, своим творчеством научили и наши народы настоящей дружбе. И этим на века проложили мост между сердцем Кавказа и душой Урала. По этому незыблемому мосту и состоится восхождение на Кавказский хребет, где теперь рядом с пиком Кайсына Кулиева появилась еще одна знаковая географическая точка, и, взирая на это с далеких звезд, они возрадуются вместе с нами: друзья вновь рядом, а солнце их творчества засияло с удвоенной силой» – говорится в письме, подписанном председателем Фонда, внуком поэта Тимербулатом, а также дочерью Альфией и сыном Ильгизом.

Идея была озвучена в феврале 2017 года на заседании Организационного комитета по подготовке юбилейных мероприятий к 100-летию народного поэта Башкортостана Мустая Карима представителями Союза писателей Кабардино-Балкарии и Башкирского отделения Русского географического общества. Почти год ушел на подбор горной вершины и получение разрешения на присвоение ей имени Мустая Карима. Зато вершина была подобрана так, что она оказалась рядом с пиком народного поэта Кабардино-Балкарии Кайсына Кулиева – близкого друга Мустая-агая. Теперь поэтические и горные вершины навеки вместе. Пик Мустая Карима и пик Кайсына Кулиева войдут в специальный «поэтический» альпинистский маршрут с началом в урочище «Башиль». Такое решение принято на заседании регионального отделения Русского географического общества по возвращении в Уфу.

Перед тем как им отправиться на родину, мы вручили нашим гостям благодарности министерства спорта КБР, сборники стихов Кайсына Кулиева. Не могу не сказать о внуке Мустая Карима Тимербулате. Когда в центральной прессе появилось сообщение о том, что одному из авиалайнеров аэрофлота присвоили имя Кайсына Кулиева, я лихорадочно начал выяснять: чья инициатива. Оказалось, внук Мустая Тимербулат.

Будучи советником генерального директора Российского фонда прямых инвестиций, он договорился с руководством аэрофлота – присвоить двум самолетам имена Мустая Карима и Кайсына Кулиева. Он же в 2013 году создал фонд имени Мустая Карима.

На этом, пожалуй, можно было бы завершить статью. Но... при установке памятной плиты на скальном участке, не выдержав плотности породы, сломались инструменты. И в сентябре башкирские друзья вновь оказались в Кабардино-Балкарии, возглавил экспедицию Александр Лынный. Я попросил его рассказать о второй экспедиции, и он прислал свои впечатления.

5 сентября 2018 года группа из Башкирии в составе 4-х человек – действительного члена РГО Александра Лынного (руководитель группы), Айрата Максимова, Андрея Шмальца и Николая Койкова – прибыла в Минеральные воды. В аэропорту нас встретили кабардино-балкарские друзья. Уже через три часа прибыли в Нальчик, где поселились на даче у вице-президента Федерации альпинизма, скалолазания и спортивного туризма Кабардино-Балкарии Бориса Мазировича Гумаева. Хозяин дачи принял группу по всем законам кавказского гостеприимства. После импровизированного ужина мы комфортно разместились на двух этажах для отдыха. На следующий день группа занималась подготовкой к восхождению: закупают продукты, комплектовали снаряжение. В этот же день мы совершили свой первый акклиматизационный поход на гору Нартан высотой 999 метров. Она самая высокая на гребне, который тянется вдоль реки и мимо городского парка. С вершины открывается замечательный вид на Долинск, пойму Нальчика и лесистые горы на западе. Сначала дорога проходила по Нальчикскому терренкуру (лестница 1000 ступенек) на гору Большая Кизилровка. Чтобы забраться на нее, предстояло преодолеть большое количество ступенек, отсюда и народное название «1000 ступеней»). Мы поднялись на высоту 843 м над уровнем моря (при этом сам город лежит на высоте около 500 м). Добавим, что терренкур в Нальчике – это пологий подъем. Пройти по нему один раз очень любопытно, да и полезно. Многие нальчане, в том числе и пожилые, этот маршрут пробегают каждое утро. К сожалению, панорамных видов во время подъема практически нет, так как дорога скрывается в зарослях зелени. Зато есть беседки с лавочками, можно посидеть и передохнуть. Когда лестница закончилась, дорога пошла среди леса, где возвышались огромные папоротники. Тропинка вывела нас на самую высокую его точку – гору Нартан (999 м). После отдыха и осмотра панорамы гор мы отправились в обратный путь по той же дороге к селению Хасанья. Спуск к Хасанье возможен в любом месте, но лучше спускаться по сено-лесовозным дорогам. Так мы и сделали. На вершине горы к нам присоединились еще три альпиниста, которые вместе с нами восходили на пики Карима и Кулиева. Это настоящие профессионалы своего дела Александр Черинько и альпинистка Тамара Столярова.

Итак, на следующий день вся группа из девяти человек организовано, на двух внедорожниках, выдвинулась в Чегемское ущелье на

турбазу «Башиль». Мы выехали из Нальчика в направлении Чегема и углубились в ущелье еще на 60 километров.

Напомню, Чегем в переводе с балкарского означает «пограничная река». Он образуется реками Башиль-Аузу-Су и Гара-Ауз-Су. Эти реки вытекают из вечных снегов и ледников Главного Кавказского хребта. Длина реки (вместе с Башиль-Аузу-Су) немалая – 103 километра. Проезжали мы и знаменитые Чегемские водопады. За водопадами дорога стала значительно хуже. Однако вплоть до сел Эль-Тюбю и Булунгу (с тюркского «залив», «излучина реки») она оставалась еще сносной. Вечером мы сделали остановку в селе Эль-Тюбю. Здесь в окружении древних скал 1 ноября 1917 года родился известный балкарский поэт Кайсын Кулиев. В свое время в Нальчике во время благотворительного концерта было собрано более 250 тыс. рублей на строительство мемориального комплекса «Сто шагов к Кайсыну», возводимого энтузиастами в верховьях Чегемского ущелья – селении Эль-Тюбю. «Сто шагов к Кайсыну» – это настоящая книга в камне! Она содержит сто лучших стихов поэта, высеченных на мраморных плитах и вмонтированных в стену, сложенную из природного камня. Стена длиной 350 м подпирает склон вдоль дороги, ведущей к сакле, где родился поэт, и защищает дорогу от осыпи. Напомним, в годы Великой Отечественной войны стихи Кулиева звучали по радио на 14 языках Европы в сводках Совинформбюро. Его книга о годах изгнания «Раненый камень» стала лауреатом Государственной премии им. Горького, а на стихи Кулиева написано более 50 песен. Как известно, балкарцы были насильно выселены в 1944 году в Среднюю Азию. После реабилитации лишь небольшая часть вернулись в эти родные места. От Булунгу до нашей турбазы «Башиль» еще 15 километров проселка. Турбаза расположена в заповеднике в отрогах Главного хребта Большого Кавказа, на берегу реки в огромном сосновом лесу на высоте 2150 м над уровнем моря. Она была создана в 1970 году. Турбаза «Башиль» получила свое название от имени ущелья, в котором она расположена – Башиль-Ауз. Здесь нам предстояло переночевать.

Встав рано утром, мы стали собирать снаряжение. На место штурмового лагеря вышли в 12 часов. Подъем в лагерь на высоту 2500 метров над уровнем моря занял у нас около двух часов. Расположившись у подножия горы на великолепной поляне, мы стали готовиться к ночлегу. Быстро собрав палатки и поужинав, мы совершили еще один подъем на высоту 2880 метров.

Мною было принято решение не подниматься выше. Надо было сохранить силы для восхождения, ведь предстоял длительный и непростой путь к двум вершинам. В лагерь группа вернулась к 18-ти часам. Добавлю, что в это время место, откуда мы спустились, было затянуто туманом, что лишний раз подтвердило правильность выбранного решения.

Ночь была спокойной, но сон не шел. Видимо, сказывался слишком сжатый период акклиматизации. Тем не менее, уже в 5 утра мы двинулись в путь. Вся группа из девяти человек была хорошо подготовлена физически. Подъем не был простым. Трудные проходы по так называемым моренам и мордобоям, переходы через горные реки и ледники, подъем по крутым склонам.

Восхождение на Пик Мустая Карима и Пик Кулиева заняло у группы 14 часов. Поднявшись на Пик Мустая Карима, мы выполнили реконструкцию крепления памятной таблички. Далее группа разделилась на две подгруппы: одна пошла вниз, другая на Пик Кайсына Кулиева. Подъем и спуск на Пик Кулиева (высота около 4000 метров) заняли еще полтора часа. Сменив содержимое пенала на вершине и вложив в него свой список восходителей, группа начала спуск. Пройдя самые опасные склоны, две группы вновь объединились. Это произошло на леднике. Попив горячего чая, все организованно пошли в штурмовой лагерь. В лагерь пришли еще засветло. Наскоро поужинав, мы успели еще до захода солнца свернуть лагерь и выйти на базу «Башиль». На базу пришли глубокой ночью. Тут же сели в машины и выехали в Нальчик. Там провели все оставшееся время до вылета в Москву. Побывали на рынке, посмотрели город, а вечером собрались с нашими друзьями в ресторане. Там нам были вручены сертификаты восхождения на пики Мустая Карима и Кайсына Кулиева. Сертификаты подписал президент ФАССТ КБР 57-летний альпинист из Кабардино-Балкарии Абдулхалим Мукаевич Ольмезов, дважды покоривший Эверест, доставивший на Эльбрус Олимпийский огонь Зимней олимпиады в Сочи.

Мы тоже отблагодарили своих друзей из КБР настоящим башкирским медом и другими подарками.

Далее нам предстоял путь домой. В Уфу вернулись 21 сентября. Группа выполнила задание на все сто процентов. И была выполнена главная цель – укрепление дружбы между народами двух республик.

На поляне

В двух километрах от села Шалущка река с таким же названием делает крутой поворот от лесных предгорий и течет уже спокойно по равнине.

На высоком правом берегу, там, где река делает поворот, раскинулась большая поляна, окруженная дикими яблонями и грушами, кустами терна, шиповника, калины, орешника.

Здесь интересно бывать в любое время года. С первым дыханием весны сначала робко, потом во всю силу начинает проявляться копившаяся зимой жизнь. На ветках орешника-фундука и вербы освобождаются из почек и повисают, сверкая клейкой зеленью, сережки.

Дня через три вокруг каждой образуется золотистое облачко пыльцы. Еще через несколько дней поляна вкруговую окаймляется буйной кипенью цветущего терновника. На фоне еще голых темно-синих деревьев вспыхивают островки зацветающей алычи.

И вдруг весна щедро выплескивает бело-розовое на все дикие груши и яблони. Края поляны, где стал тускнеть отцветающий терновник, снова вспыхивают большими соцветиями калины и крупными золотисто-белыми розами дикой красавицы (шиповника). Листьев на этих растениях пока нет: они родятся позже.

Буйство цветения спускается вниз, на землю. На поляне уже много травы. Целыми семьями выставляют золотые цветы лютики, гордо стоит лучший весенний медонос – трехцветная медуница, тянется к солнцу на высоком стебле ярко-синий колокольчик...

Летом в траве появляются ягодки ароматной земляники, они не выставляются напоказ, стараются спрятаться под листочками.

Осень – необыкновенно обильный урожай плодов, ягод, грибов, природа готовит все для зимы. Только успевай собирать, заготавливать!..

Особенно красиво зимой: снег на поляне весь в заячьих следах. Под снегом много входов и выходов в норки мышей. Их соединяют между собой разветвленные ходы. По ним мышка легко попадает в любое место на поляне, может выбраться даже в лес.

Там, под опавшими листьями хорошо сохраняются ягоды, сухие грибочки, даже орешки фундука и желуди.

На южной стороне, у основания дерева, на пригревах иногда прорастает зеленая травка...

Раза два я видел, как на поляне «мышкует» – охотится – лиса. Встанет рыжая столбиком где-нибудь посреди поляны и напряженно осматривается...

Вдруг – прыжок метра на два, голова зарывается в снег, а в зубах ужемышь. Съест, отбежит на новое место. И все опять повторяется...

Вчера ночью опять выпал снег. Мыши еще не успели откопать входы в норки, расчистить переходы.

Я стоял за кустом и видел, как лиса вставала столбиком то в одном, то в другом месте поляны. Но добычи не было...

Тогда лиса подходит к краю поляны и падает! Что такое?! Выстрела никакого я не слышал. А лиса лежит кверху брюшком и не двигается!

На дерево, недалеко, уселись две сороки, оглушительно застрекотали. Слетелись другие птицы: сойки, свиристели, разные мелкие птички. Все перелетают с дерева на дерево. Кричат.

Поднялся страшный гвалт!

Черный дрозд спикировал прямо на лису, но в трех шагах отвернул в сторону.

Прилетела большая ворона. Она смело опустилась недалеко от лисы. Наклоняя голову в стороны, пригляделась... Скакнула два-три раза и оказалась совсем рядом. Ключнула лису прямо в живот. Лиса взметнулась, схватила ворону зубами и передними лапами. Напрасно та старалась ударить врага крыльями, пыталась клонуть... Лиса подмяла под себя добычу.

Встреча в ущелье

За поляной, вверх по течению реки, Шалушка уже горная. Она подмывает корни мощных буков, дубов и ольхи, становится быстрой, шумной. Более двух километров пойма реки довольно просторная, здесь в изобилии растет черемша.

Еще выше к истоку – ущелье. Река пропилила его в поперечном горном отроге известняка. Ущелье то широкое, с огромными завалами каменных глыб, то узкое, три-четыре метра. Но глубина его везде более трехсот метров.

Холодная, хрустально чистая вода идеально отшлифовала свое каменистое ложе.

Ущелье все в поворотах: поток выбирал, где известняк послабее.

Вот здесь-то и пробирался я, чтобы выйти к истоку. Я наметил прийти сюда на экскурсию со своим классом. Но прежде надо посмотреть самому. Я всегда так делаю.

Контуры скал потеряли четкость: летний день кончился. В ущелье осел сумрак. Вода в потоке стала черной. Поветяло холодом и сыростью. Вверху, на узкой полоске неба, появились звезды.

Я шел от поворота к повороту, перескакивая с одной плиты на другую: надо было найти на ночь подходящую пещерку или гротик...

В ущелье тихо, от потока воды поднимался легкий туман. Вдруг из-за поворота показалось что-то черное, громадное, с круглыми огненными глазами. В лицо ударила тугая струя воздуха, и крик, оглушительный, леденящий душу!..

Я окаменел.

Длилось это несколько мгновений. Потом красные глаза исчезли, ветер прекратился. Что-то черное развернулось и скрылось за поворотом ущелья.

Только через какое-то время я понял: вниз по ущелью летела большая сова, столкнулась со мной, закричала от страха и стала тормозить в воздухе громадными крыльями...

Дальше я не пошел. Устроился под уступом известняка, на прошлогодних листьях. Долго не мог уснуть...

Утром выбрался из ущелья на урочище Уаза. Дошел до скалистых вершин гряды с поэтическим названием Шынагаджэзгь – Игрище диких козлят, недалеко от горы Караташ – Черный камень. С ее склонов и начинается ручейками река Шалушка...

Поход с классом удался на славу, а мой рассказ о встрече с совой или филином придал ему приключенческую окраску.

Водяной воробей

Лента асфальтированной дороги то поднимается к лесу, то падает почти к берегу реки. Вдруг выбегает на поляну, откуда влево уходит узкое, но солнечное боковое ущелье. По его дну сбегает быстрая речка Адай.

Многотонные валуны, обломки скал у входа в ущелье говорят о мощи, которую обретает поток весной и в период дождей. С берега на берег перебегают тропинка. Она ловко огибает быстрины и глубокие впадины речки.

Вода кристально чистая: на дне хорошо видны даже маленькие камешки.

У самой дороги – довольно большой естественный пруд. В дальнем конце его, под асфальтом, устроен бетонный сток! Лишняя вода стекает в Чегем...

На камне около берега мы увидели птичку, чуть меньше скворца, с темной спинкой, белой грудкой и черным брюшком. Она вглядывалась в воду. Вдруг нырнула в глубину. Увидели ее в метрах двух. Птичка бежала по дну, быстро-быстро перебирая ножками. Иногда помогала себе крылышками. Она хватала что-то со дна.

Через минуту птичка недалеко от нас выскочила из воды, бесстрашно уселась на камень, часто-часто трясая хвостиком, как трясогозка.

Она была совершенно сухая: плотно прилегающие к телу перышки надежно смазаны вырабатываемым особой железой жиром.

Это оляпка, или водяной воробей. Пара птичек обычно считают своей территорией неглубокое озерко или два-три километра быстрой горной речки.

Здесь достаточно пищи: сотни тысяч мальков, пескариков, плотвичек, усачей, голавля, форели. Ими оляпка вскармливает своих птенцов. Гнездо она устраивает в норке обрывистого берега.

Оляпка очень подвижная, красивая, редкая птичка...

По тропинке вошли в ущелье. Оно своеобразное: слева – отвесная стена высотой метров триста, справа – небольшая возвышенность и царство бука, чинара, у самой реки – ольхи.

Через полкилометра ущелье заканчивается. В центре каменного полукруга низвергается речка. Вода вверху голубая-голубая. К середине – темная. Сюда солнце никогда не заглядывает.

Место фантастическое. Недаром здесь снимался затерянный мир кинофильма «Земля Санникова».

Красная шапочка

Это не героиня известной сказки. Это – замечательная птица дятел.

У него тоже есть красная шапочка. Он собрал на себе все краски леса. Он потомственный плотник леса. Еще он настоящий доктор леса. У него – необыкновенный, пригодный для обеих профессий инструмент. Это клюв, длинный, острый, ни с каким долотом, топором не сравнить: они тупятся, зазубриваются. У дятла клюв постоянно растет, сам затачивается.

Дятел – отличный верхолаз. У него на ногах по два пальца выставлены вперед, по два – назад. Все они с острыми, цепкими когтями! Дятел способен передвигаться и сидеть на гладкой коре осины, липы, других гладкоствольных деревьев.

У дятла – особенный язык, ни у кого такого нет: длинный – двенадцать сантиметров. Больше половины всего тела! На конце языка есть роговые щипчики. Языком он может достать, захватить любую личинку, жука, какой бы ход в дереве они ни проделали.

Дятел клювом постоянно долбит дерево: добывает пищу. Это личинки короеда, лубоеда, усача.

Поврежденные им ветки – сухие: скорее падают, освобождают место новым, здоровым. Дупла – поврежденная сухая древесина – скоро зарастают – дерево становится здоровым.

Дятел – скрытная птица. Его чаще можно услышать, чем увидеть. «Песня» у него совсем не музыкальная – дребезжащая. Дрынн, дрынн, дрынн – доносится с вершины дерева весной. Он так привлекает самочку. Или найдет дерево с сухой вершинкой, сядет там, ударит клювом. Словно на барабане играет. «Барабанит» часто, во все времена года.

Он стремительно подлетел к липе, с поразительной точностью сел на ствол и словно прирос к нему. Отвел головку с красным хохолком назад и ударил клювом. Промерзшая липа звонко отозвалась. Дятел подпрыгнул выше и ударил по стволу еще несколько раз. Но кора везде промерзла и не хотела поддаваться.

Дятел склонил голову, его внимание привлек сугроб рядом с липой. Сугроб был круглый и поднимался холмиком.

Дятел слетел на вершину холмика, быстро-быстро стал разбрасывать снег: ножками рыхлил, крылышками сметал в стороны. Оголился большой пенёк. Тогда дятел клювом стал разбирать на щепки верхний слой пня. Он не промерз под снегом и легко поддавался. Добравшись до жучков и червячков, живших там, дятел, видно, хорошо насытился.

Он взлетел на липу, удобно устроился на ветке около ствола и затих.

Молочный водопад

Это первый водопад от источников Чегемского ущелья. О нем мало кто знает. Находится он в небольшом боковом ущелье западного склона. Туда из главного ущелья уходит почти незаметная тропинка. Подъем крутой, каменистый. Зато какая первозданная красота!

У подножья стены ущелья устроились кусты крыжовника. Но ягоды уже опали, сморщились на земле.

Ущелье скоро заканчивается полукругом отвесной стены. С пятидесятиметровой высоты падает струя Сютлю чучхурла – Молочного водопада.

Вверху на склонах видны невысокие отсюда сосенки. Там же находится какое-то естественное устройство, которое вспенивает воду так, что мириады мельчайших пузырьков делают струю белой, «молочной». Только за два-три метра до дна вода голубеет.

Внизу, чуть в стороне, лежит большая каменная плита – устроенная природой смотровая площадка.

Воздух в ущелье чистый, вкусный!

«Снегурочки»

Мы вернулись в главное ущелье. Здесь буйствуют хвойные деревья. Но лес скоро кончился: как по команде деревья дальше не пошли. По крутому склону, среди каменных глыб – только рододендроны. В стороне от туристских троп этот замечательный кустарник чувствует себя вольготно.

Еще выше по склону – хвойный стланик, островки мха. И вдруг на скале – ель! Оплела корнями, даже до почвы добралась, выплескивает на камень кислоту, раствор подается вверх. Ель кряжистая. Стоит здесь больше века, не поддается никаким ветрам. Дальше – широкая полоса обкатанных камней, песка и... высокий край ледника. Его нижний край испытывает невероятное давление, «плачет». «Слезы» копятяся, изливаются потоком из озера. Это – один из истоков Чегема.

Удивительно, но в озере есть жизнь! Как рачки могут жить в ледяной воде?! Жизнь есть и на леднике. Я слышал рассказы альпинистов и жителей верховьев ущелий, что на солнечной стороне ледника «если повезет, можно увидеть колонии «снегурочек». Балкарцы их называют «кьар кьызчыкьла» – снежные девочки.

Это маленькие (3–6 см) червячки, совершенно прозрачные. Их можно увидеть на льду, только когда они двигаются. Главная их необыкновенность: вместо крови в их тельце – самый настоящий природный антифриз. Он и дает им возможность переносить минусовую температуру.

Если этого червячка положить на ладонь, почти сразу он превращается в капельку необыкновенной воды...

Река Чегем бесстрашно преодолевает многокилометровый, полный разных препятствий путь в горах и несет привет равнинам Кабардино-Балкарии от величественных вершин Главного Кавказского хребта...

Почти в начале обратного пути, урочище Башиль, нас догнала бортовая машина пограничной заставы. Она была специально оборудована для перевозки солдат. Молоденький лейтенант предложил подвезти. Такого завершения похода мы, конечно, не ждали.

В номере:

<i>Мадина Хакуашева.</i> Путь караванщика. <i>Статья.</i>	2
<i>Хасан Тхазеплов.</i> <i>Стихи</i>	7
<i>Юрий Тхагазитов.</i> Эволюция национальных литератур в условиях современных информационных процессов. <i>Статья</i>	14
<i>Светлана Моттаева.</i> «Эльбруса печать...». К юбилею М. А. Беппаева. <i>Очерк</i>	19
<i>Муталип Беппаев.</i> <i>Стихи.</i>	25
Жар и свежесть мгновения. К юбилею М. А. Котляровой. <i>Очерки.</i>	33
<i>Зарина Канукова.</i> Лики Абхазии в поэзии Владимира Зантариа. <i>Очерк.</i>	51
<i>Владимир Зантариа.</i> <i>Стихи</i>	52
<i>Этери Басария.</i> Бык удачи. <i>Гл. из повести</i>	61
<i>Владимир Пряжников.</i> <i>Стихи</i>	67
<i>Тамерлан Техов.</i> Услышать сердца монолог... <i>Статья.</i> Залина Басиева, Заурбек Габолаев, Валерий Гасанов, Амина Гасинова, Алана Бестаева, Агунда Хозиева, Асланбек Касаев. <i>Стихи. Рассказы</i>	75
<i>Рубин Физиков.</i> Вопреки всему. <i>Гл. из романа</i>	94
<i>Хасан Шаваев.</i> Асият. <i>Гл. из повести.</i>	124
<i>Амур Бакиев.</i> Железная ставка Сатаней. <i>Гл. из романа</i>	150
<i>Мадина Хакуашева.</i> «Когда вручишь потомку наполненный кувшин...». <i>Очерк</i>	164
<i>Инна Кашежева.</i> <i>Стихи</i>	170
<i>Мухтар Боттаев.</i> Пик Мустая Карима. <i>Статья</i>	178
<i>Геннадий Коммодов.</i> Рассказы о природе	185

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» –

единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и неравнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.

Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП

«Почта России» – 32,04 руб., за 6 месяцев – 96,12 руб.,

за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-03-24; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс – 78452

Поздравляет наших горюх чинамерьнух
с Праздником Весны, Красоты и Любы!

Март

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 09.01.19. Подписано к печати 30.01.19.

Выход в свет 15.02.19. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 1000 экз. Заказ № 12. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-03-24,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).